

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"
МОСКВА – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

М.В. Всеволодова (Москва). Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации	3
А.С. Рогова (Петрозаводск). Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье	27
Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург). Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей	36
А.Ю. Бугаева (Токио). Аппликативные конструкции в айнском языке	55
К.В. Бабаев (Москва). О реконструкции личных местоимений в языке ква	81
Н.А. О'Шей (Москва/Женева). Древнеирландские свидетельства в пользу реконструкции индоевропейских акростатических глагольных структур	109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

М.Л. Кисилиер (Санкт-Петербург). <i>Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История блуждающих частиц)</i>	120
Н.Н. Розанова (Москва). <i>О.Т. Yokoyama. Russian peasant letters: Texts and contexts</i>	122
Кс.П. Семёнова (Москва). <i>A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case</i>	127
П.М. Аркадьев (Москва). <i>Chr. König. Case in Africa</i>	134
Л.Ю. Астахина (Москва). <i>В.П. Мякишев. Язык Литовского статута 1588 г.</i>	141
Анна А. Зализняк (Москва). <i>D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. Zur Theorie der Phraseologie: kognitive und kulturelle Aspekte</i>	142
А.Б. Летучий (Москва). <i>Ю.П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе</i>	145
Д. Пурэвжав (Улан-Батор/Санкт-Петербург). <i>Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries): Introduction, transcription and bibliography</i>	152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев (Симферополь). I Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир»	156
---	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *Н.В. Вострикова, О.А. Казеннова, А.С. Кулева, М.М. Маковский*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2010 г. М.В. ВСЕВОЛОДОВА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ: ТИПОЛОГИЯ, СТРУКТУРА, СИНТАГМАТИКА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ

В статье обсуждаются некоторые вопросы теории русских предложных единиц: объективные методы определения степени определенности единицы, функционально-грамматическое поле и морфосинтаксическая структура таких единиц, их синтагматический потенциал и некоторые другие, что позволяет говорить о расширении грамматического описания, или, другими словами, о грамматике этой части речи.

Введение в проблему. Категория русского предлога постоянно привлекает внимание лингвистов ([Баш и др. 1959; Бондаренко 1961; Филиппова 1964; Черкасова 1967; Попова 1974; Селивёрстова 1998; Шаранда 1981; Грамматикализация 2002] и мн. др.), являясь и составной частью межнациональных проектов [Исследования 2000; Всеволодова и др. 2003]. Как правило, внимание авторов сосредоточено на семантике, на концептуальной характеристике конкретных предлогов ([Селивёрстова 2000; 2001; Пайяр, Плунгян 2000; Плунгян, Рахилина 2000; Кириченко 2003] и др.). В последнее время объектом внимания справедливо стали эквиваленты предлогов – словоформы других частей речи (ЧР), выполняющие функции предлога и в разной степени «отошедшие» от своей ЧР ([Шереметьева 2008; Шиганова 2001] и др.). Совокупность предлогов и их эквивалентов мы далее называем предложными единицами (ПЕ). В традиции объектом описания являются кодифицированные ПЕ, отмеченные в словарях и грамматиках, ориентированных на нормализацию словоупотребления, и уже поэтому ограниченных в языковом материале. Анализ обычно ведется на примерах из художественных текстов. Специфика функционирования ПЕ в широком диапазоне речевых построений, их связь с другими категориями предложения и текста, полный набор ПЕ (независимо от нормативности) и структура этой категории до сих пор объектом исследований не были. Именно эти задачи стоят перед межнациональным проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»¹ [Всеволодова и др. 2003; Всеволодова 2008], выполняемым группой лингвистов России, Белоруссии, Болгарии, Польши, Сербии и Украины. Принципы и методика работы выработывались совместно с украинскими и белорусскими коллегами [Загнитко и др. 2007; 2009; Конюшкевич 2008].

Представим основные принципы нашего подхода к анализу ПЕ и некоторые аспекты грамматики ПЕ. Основными принципами можно назвать следующие:

1. Лингвистические обоснования избранного подхода к категории предлога.
2. Дефиниция и функции предлога.
3. Операциональные методы категоризации ПЕ.
4. Функционально-грамматическое поле ПЕ.

¹ Российскую сторону в 2002–2003 гг. поддерживал фонд РФФИ (грант 02-06-80435), российскую и белорусскую часть проекта в 2004–2005 гг. – фонд РГНФ (грант 04-04-78403а/Б.); сейчас проект поддерживает РФФИ (грант 07-06-00343-а).

В соответствии со сказанным строится данная статья, в первой части которой раскрываются названные принципы, а во второй анализируются некоторые аспекты грамматики ПЕ.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА И ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ

1. Лингвистические обоснования избранного подхода к категории предлога

Мы работаем в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [Амиантова и др. 2001; Всеволодова 2009], сформировавшейся как осмысление теории и практики преподавания русского языка инофонам, но продуктивной и для собственно грамматического описания языка. Одна из главных задач этой модели – выявление и формулирование правил функционирования языковых единиц и алгоритмов построения высказывания и текста в конкретном дискурсе при решении коммуникативных задач говорящего [Безяева 2002], для чего необходимо знание как системы языка, так и механизмов его функционирования. Пока таких знаний нет. Эта модель не реализуема в рамках только современного русского языка: выход в другие языки и диахронию – необходимое для нас условие понимания русской языковой системы.

Функционирование ПЕ – это один из фрагментов категории управления, которую вслед за Е.С. Скобликовой [Скобликова 1971: 32] мы определяем как формальный способ включения существительных в синтаксические построения, что вводит в эту категорию и именительный падеж (N_1)². Выявились системные случаи употребления N_1 в присловной позиции: *Дата этого события может быть в интервале шестьдесят пять – пятьдесят тысяч лет назад* (Инт.)³; *Индикаторы также рассчитываются по областям и в срезе село-город* (Инт.); *Официальный сайт автора и исполнителя песен в стиле русский шансон Александра Шапиро* (Инт.).

Наш проект мы начали не с анализа семантики отдельных предлогов, а со сбора наиболее полного реестра всех ПЕ, выполняющих функции предлога, независимо от их морфологического статуса, что объясняется полевой структурой Языка (см. [Всеволодова 2009]). Эквиваленты суть периферия поля этой категории (именно Язык, наряду с наличием полей и множеств дискретных единиц, в отличие от других структур Мироздания, характеризуется двуединством таких противоположностей как поле и категория).

Нас не ограничивает степень нормативности ПЕ, что не означает отрицания нами нормы. Нужно знать реальное положение дел в языке. Мы считаем, что:

1) Носитель языка может нарушать норму, но не может постоянно выходить за пределы системы своего языка. «Каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга он может, только перешедши в другой язык» ([Humboldt 1841–1852], цит. по [Потебня 2007: 32]), т. е. употребление «аномалий» обусловлено самой системой.

2) Объектом лингвистики должен быть весь язык, а не только его кодифицированная часть. Традиционно грамматика строится, в первую очередь, на языке художественной литературы. А это: 1) только один из функциональных стилей языка, на котором никто не общается; 2) язык, описывающий виртуальный, а не объективный мир. И огромная, большая, активная часть языка остается вне поля зрения грамматики, в результате чего у нас нет ни адекватного представления о системе языка, ни возможности прогнозировать его развитие. Мы разделяем мнение Ш. Балли, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова,

² В работе принята следующая символика обозначения падежных форм существительного: N_1 – именительный падеж; N_2 – родительный, N_3 – дательный, N_4 – винительный, N_5 – творительный, N_6 – предложный, N_7 – любой косвенный падеж без предлога или с предлогом. Соответственно, обозначаются падежные формы числительных (например, Num_2) и местоимений ($Проп_2$).

³ Примеры почерпнуты из следующих источников: Инт. – Интернет (использовалась поисковая система Яндекс); НКРЯ – Национальный корпус русского языка; Устн. – устная речь; ТВ – запись передачи по телевидению.

Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона и др. о языке художественной литературы как особой системе, противопоставленной общенациональному и другим сферам литературного языка. В общенациональный (общерусский) язык входят не только язык художественной литературы, СМИ, научный язык с его подстилями (медицина, лингвистика, экономика, физика и пр.), но другие функциональные стили: деловой, военный, спортивный, юридический, церковный и др., нами еще далеко не изученные.

3) Семантика предлога корректно выявляется только в синонимическом ряде разных лексем, куда он входит, и который нужно собрать в том виде, в каком он существует в языке, а не в языковом сознании исследователя, где он может быть неполным, ср.: *вдоль берега / по берегу / берегом* (идти) и *вдоль берега / параллельно берегу* (плыть), где выявляется недифференцированность предлога *вдоль чего* относительно сопространственности/несопространственности. Поэтому мы используем материал всех функциональных стилей, что вскрывает как системные отношения между синонимическими ПЕ и не представленное в литературе наличие определенным образом структурированных множеств синонимичных единиц (см. ниже), так и механизмы языка.

Важно учесть все регулярные реализации ПЕ. Так, в СОШ как выступающие в значении предлога маркированы единицы *в границах / в границы / вне границ / из границ / за границами чего, в пределах / в пределы, / вне пределов / из пределов / за пределами / за пределы чего, в рамках / в рамки / из рамок / за рамками / за рамки чего*; дана также единица *в сфере чего*, но единиц *в сферу / из сферы / вне сферы чего* и др. нет [СОШ: 145, 597, 678, 809]. Это действительно единицы одного статуса – эквиваленты, в частности, а н а л о г и предлога (и маркировка «в знач. предл.» корректна). Но не отмеченные в словаре словоформы столь же системны, что и *в сфере чего*:

Представлена схема движения товара из сферы торговли в сферу потребления (НКРЯ 2004); *Многоплановые диалоги <...> остались вне сферы его внимания и социологического анализа* (НКРЯ 2003); *...представления познающего субъекта не могут заключать в себе никакого удостоверения относительно бытия и свойств вещей, находящихся за сферой субъекта* (НКРЯ 1906–1908); *Трансцендентным они считают «все то, что выходит за сферу сознания или процесса возникновения знания»* (НКРЯ 1906–1908).

В СОШ как разные предлоги даны единицы *включая что – не включая чего* [СОШ: 84], но другие антонимы-отрицания типа *с помощью / без помощи чего, в поле / вне поля зрения науки* и др. не отмечены.

Столь же системные и аналогичные по всем параметрам единицы в словарях не представлены вообще, как, например, *в цвет чего*: *Фата длинная, трехъярусная с венком в цвет платья* (Инт.); см. [СОШ: 903]. Вместе с тем, такие единицы, обслуживающие определенную семантическую зону, бывают системно представлены синонимико-вариативным рядом с одной образующей лексемой. Так, базовая единица *в цвет чего* – типичный представитель семантической зоны реляционных отношений (отношения двух и более актантов) «возглавляет» ряд *в цвет чему / в цвет к чему / в цвет с чем*, где ни N_3 , ни предлоги *к* и *с* не вносят новых смыслов в значение основной единицы (предлоги типа *к, с* в таком употреблении мы назвали экспликаторами):

Карандаш для бровей в цвет волосам (Инт.); *Два этажа из красного кирпича, широкая черепичная крыша, резные наличники на окнах и в цвет к ним темно-коричневые двери* (НКРЯ 2001); *Когда товар хорош, продавцы возбуждены, радостны – истинные восточники, они и сами стараются быть в тон и в цвет с красивым прилавком* (НКРЯ 1996–1997).

Ср. другие единицы из этой же зоны:

В добавление азиатской темы (Инт.); – *В добавление сказанному на другом форуме: пишите в иске, что...* (Инт.); – *В добавление к вопросу про вебкамеру* (Инт.); – *Пол из хвои с желтовато-белым оттенком, в добавление с маленькими темными сучками прибавит в доме света* (Инт.); *Я ведь попутно изучения ламп симуляторы изучаю* (Инт.); – *Но сейчас – попутно облегчению, попутно произносимым словам – он вспоминал, как они про-*

щались (НКРЯ 1920–1943); – Следующая хартия. Попутно к 5 книге (Инт.); – На первом этапе освоения Кашагана, <...>, попутно с нефтью ежегодно будет добываться около 3 млрд кубометров газа (НКРЯ 2003); Справедливости ради, конечно, следовало бы в пандан «Реквиему» Сальери исполнить «Реквием» Моцарта (Инт.); – Вот он в 2001 году в пандан к выпуску совместных с Adidas кроссовок выпустил одежду «по мотивам» спортивной формы (Инт.); – Лошади <...> по преимуществу рыжей масти, совершенно в пандан с маяком или наоборот: маяк в пандан с лошадьми (Инт.); К сожалению, мой анекдот не в пандан веселья (К. Райкин. ТВ).

Отметим, что в пандан к чему маркирован как фразеологизированная единица в [МАС, 3: 18; БАС, 9: 99], а в цвет чего / чему / к чему / с чем, в добавление чего / чему / к чему / с чем не отмечены. Но если не считать словоформы в цвет / в тон чего предложными единицами, то нужно признать, что это предлог в + N₄ существительных цвет и тон. Но нельзя в том же значении использовать словоформы других слов: в форму / в размеры / в структуру чего; ср.: одна ваза в цвет / в тон другой, но не: *одна ваза в форму / в размеры другой (единственно возможное в рост человека, но не *в рост Ани / собаки / лошади). И значит, в цвет / в тон чего – это ПЕ, целостное служебно-строевое единство, передающее смысл, другими словами того же класса не выражаемый.

Можно предположить, что если в зоне реляционных ПЕ появляется единица, управляющая формой N₂ (например, в дополнение чего < дополнить что: В дополнение сказанного нами прибавим некоторые особенные замечания (Инт.)>), то должна появиться и форма N₃: В дополнение вышесказанному: в каких условиях работают принтеры? (Инт.). Наличие этих реализаций «провоцирует» появление ПЕ с предлогом-экспликатором к: В дополнение к вышесказанному (Инт.). Наличие же трех реализаций позволяет прогнозировать и реализацию с экспликатором с: И в дополнение со сказанным тобой <...> у меня получается так: <...> (Инт.). Если для рядов в цвет / в дополнение чего / чему / к чему / с чем логична первичность формы в цвет / в дополнение чего, то для ПЕ в добавление логично считать базовой форму в добавление к чему (< добавить что к чему). Для предлога согласно базовая единица согласно с чем (< согласиться с чем, согласный с чем): Согласно с этими тезисами герои романа больше своей сюжетной судьбы (НКРЯ 1999). Но в языке есть вся парадигма: Рособразованию (Булаеву Н.И.) предоставить <...> субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации <...> согласно к настоящему приказу (Министерство образования и науки Российской Федерации. Инт.); Продавцы, как наемные работники, согласно К. Марксу, находятся в противоречии с Капиталом (Инт.); Согласно подпункта 4 статьи 4 Закона <...>, труженикам тыла предоставляются следующие меры социальной поддержки:... (НКРЯ 2005). Ср. типичное в деловом стиле: Расчет больничного листа согласно Приказа Минздравсоцразвития России от 10.07.2006 г. № 531 (Инт.). Синонимия была и раньше, ср. пример середины XIX в.: Осталась ли после покойного мужа вашего статуетка, по которой в бозе почивший Государь Император поручал ему сделать статую в пандан Венере, им же сделанной и находящейся в Эрмитаже в Русской галерее (Инт.). Интересно, что нормативными на сегодня для разных базовых слов могут быть разные члены данного ряда. Но ряд есть.

Синонимико-вариативный ряд (морфосинтаксическая парадигма) базовой единицы строится также за счет вариантов: 1) падежа и 2) формы числа базового имени.

1. Падежные варианты:

Новое Правительство с самого начала формируют в противоречие закона (Инт.); – У потерпевших принимают документы, в противоречии закона и правил страхования (Инт.); В ОАО «ЕЭСК» в противоречие законодательству до сих пор не разделены сбыт и сети (Инт.); – Подготовительные работы здесь ведутся в противоречии законодательству Украины (Инт.); В противоречие к традиционным представлениям, малыши способны осознавать свои потребности (Инт.); – По этим кредитам в противоречии к договору нет письменных уведомлений по почте (Инт.); ...в противоречие к тому же с указанным выше областным законом (Инт.); – Налог с продаж – год в противоречии с Конституцией (Инт.).

А также:

Разработка и создание программных средств в интерес Федеральных органов власти (Инт.); – Сервитут представляет собой вещное право пользования чужой вещью в интересе определенного лица (Инт.); Сердце работает в противоход с жизненными задачами выросшего человека (Инт.); – Мы движемся в противоходе с большей частью мирового сообщества (Инт.); Сонность дня в контраст к бессонной ночи (Инт.); – Она <...> была написана в контрасте к привычному образу песен Высоцкого (Инт.).

2. Формы числа:

Требуется, чтобы действия были совершены в интересе другого лица, ... (Инт.); – Развитие осуществляется в интересах личности, ... (Знание – сила, 2003, № 3); С тех пор численность морских коньков <...> в окрестности Хандумона стабилизировалась (НКРЯ 2003); – В окрестностях Рима свирепствовала холера (Паустовский. НКРЯ 1936).

Иногда это провоцирует изменения формы единицы: *с целью / в целях ознакомления.*

Выявлены нефиксированные случаи, ср. выше парадигму *попутно чего / чему / к чему / с чем* = одновременно с чем [СОШ: 580] и совсем не единичные примеры типа *Попутно к о. Великому пересекли полярный круг (Инт.); Натужился парус попутно к стране, И бури стихают, и утро в окне (Инт.)* = по направлению к чему.

В языке активны ПЕ, «списанные» грамматикой «за устарелостью», ср.:

Из меж⁴ песенных приколов мне понравилось пожелание Князя (Инт.); У меня нет никаких религиозных предпочтений, но если выбирать из между почитателями святого полумесяца и православными, отмечающими Рождество на две недели позже нас, то альтернатива ясна (Инт.); Биссектриса торчит из промеж катетов (Инт.); Как выгребать мусор <...> из промежду камней (Инт.); При этом боеспособных войск было немного, даже из среди находившихся на фронте (Инт.); Области применения поликарбоната: Строительство и реконструкция спортивных сооружений: навесы из над трибунами, ... (Инт.); У блондинки из-над джинсов видно трусики (Инт.); А взгляд из-над линии горизонта (Инт.); В пятницу вечером снято. Раздавленная рукавица водле Останкинской башни (Инт.); На Эсельсберге возле Университета есть лес-посадка, водле Дуная в центре очень красиво (Инт.); Водле речки, водле мосту, Водле мочевины, Я не думал, я не чаял Молодой девчонки (Русская народная музыка на FolkMusic.ru. Инт.), см. [Даль, 1: 235; 3: 152].

И полный реестр ПЕ очень желателен.

Поскольку словоформы других ЧР могут быть изофункциональны предлогам, представим наше понимание предлога и его функций.

2. Дефиниция и функции предлога

«Предлог как часть речи – это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, в русском – вместе с субстантивным падежным окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (или его субститута, или других единиц) в высказывании и (в некоторых случаях облигаторным) средством введения их (припредложных единиц) в предложение. Каждый предлог обладает своим лексическим значением (иногда ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы существительного или его субститута, и определяет падежную форму последнего (“управляет” ею, в том числе и именительным падежом). Предлог не есть часть морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему» [Всеволодова и др. 2003].

Будучи составляющей синтаксемы (своего рода субморфемой) [Мухин 1964; Золотова 1973], один и тот же предлог, формирующий разные синтаксемы даже с одной формой припредложного слова, например, *в + N₄* в случаях *в дом* (зайти) и *в дом* (вложить деньги), представляет разные единицы и должен быть описан в разных словарных статьях.

⁴ Мы сохраняем авторское написание (без дефиса), которое, очевидно, свидетельствует о восприятии в сознании авторов семантики каждой из составляющих сложного предлога (см. ниже о морфосинтаксической структуре предлога).

Примечание. Ср. сходный рабочий вариант дефиниции, предложенный руководителем белорусской группы профессором Гродненского университета М.И. Конюшкевич: «Предлог – это служебная ЧР со своим (возможно ослабленным) лексическим значением, входящая на правах субграммемы в субстантивную синтаксему, определяющая (для флективных языков) падежную форму последней (в том числе и именительный падеж) и вместе с флексией образующая единый синтаксемный комплекс (синплекс)».

Эквиваленты предлогов – это словоформы, выполняющие функции служебного слова и вводящие смысловой компонент, например: *быть в пределах двора, на доске длиной два метра* – где словоформы *в пределах, длиной* характеризуются тем, что, с одной стороны, в определенных условиях не могут быть употреблены в предложении без припредложного компонента, т. е. выступают как часть целого, а с другой – называют класс признака вводимого компонента. Здесь они (как и все собственно предлоги в определенных случаях, ср.: *в этом году, из чувства долга*) формируют особый тип синтаксем – свободные именные синтаксем [Золотова 1973; Всеволодова 2000: 160], образующие в Языке более сложные структуры, еще в 1950-е годы получившие в нашей модели языка название «именная группа» [Всеволодова 2000: 183]. Образую синтаксему, они и выполняют функции ПЕ.

Таким образом, в дефиниции предлога выделяются две функции:

1) Семантическая функция предлога – это конкретизация роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания, ср.: *на юге* – локатив, *к югу* – директив-вектор, *из муки* (олады) – фабрикатив, *под муку* (банка) – дестинатив [ССЗ].

2) Формально-синтаксическая функция предлога (как и аналогичная функция флексии падежа) – это введение существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы, зависимой в логико-структурном отношении, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы. Важен характер вопроса. Это вопрос падежной формы, включая предлог, если он есть. Так, от глагола *зависеть* ставим вопрос *от чего?*; от слова *привычка* вопрос *к чему?* Сама падежная форма вопросительного местоимения обусловлена грамматической валентностью предлога и своего значения не несет. Можно сказать, что собственно падежный вопрос ставится о т п р е д л о г а. Действительно, от каждого предлога мы можем поставить чисто формальный, «падежный» вопрос: *с кого-чего?, с кого-что?, с кем-чем?, по кому-чему?, по что?* (*вода по пояс*), *по ком-чем?* То же по отношению ко вторичным предлогам: *согласно с чем? по отношению к кому-чему?* От этих вопросов следует отличать вопросы смысловые типа: *бежит быстро – как бежит? Книга Маши – чья книга?*, на которые можно ответить разными частями речи: *быстро, прихрамывая, с криками; Маша, Машина, её.* В предложении – это вопрос к словоформе (к члену предложения), но не от ее синтаксической составляющей.

Вместе с тем, нельзя не сказать о наличии собственно предлогов, имеющих, как и многие глаголы в русском языке [Дорофеева 1974], валентность на смысл (мотивированное управление), а не на форму, ср.: *ехать куда? / откуда? / какой дорогой? – в село / в сторону села / к селу / из села / от села / через село / по селу.* И: *в бытность кого где? – в бытность его в городе / за рубежом / у отца / на Украине.* Такие предлоги нужно выявить и описать.

Эквиваленты предлога должны отвечать этим требованиям и, вместе с тем, чем-то отличаться от собственно предлогов. Включение эквивалентов в состав ПЕ не означает размывания границ между категориями (см. опасения в [Шереметьева 2007; 2008]). Называть не собственно предлоги можно по-разному, ср. термин Е.С. Шереметьевой «отыменные релятивы» или «фразеологические предлоги» в [Шиганова 2001]. В большинстве случаев квалификация таких единиц определяется личными позициями автора. Но лингвистика – наука точная, и необходимо найти формальные, операциональные методы объективной квалификации наших единиц.

Операциональные методы нужны нам в следующих случаях:

1) при различении предлогов и их субстантивных, адъективных и глагольных эквивалентов;

2) при определении статуса единиц, которые в словарях и грамматиках определяются как наречия и наречные предлоги.

Несколько таких методов мы нашли. Представим их.

3. Операциональные методы категоризации предложных единиц

К настоящему времени выявлены следующие методы.

1. Принципы определения перехода одной ЧР в другую, предложенные в свое время Т.С. Тихомировой [Тихомирова 1972]:

1) расхождение в лексическом значении / в наборе лексико-семантических вариантов исходной словоформы и деривата;

2) выпадение деривата из морфологической парадигмы исходной словоформы;

3) потеря синтаксического потенциала исходной части речи.

2. Наличие морфосинтаксической парадигмы, членом которой является данная единица.

3. Возможность постановки падежного вопроса от предложной лексемы.

4. Невозможность элиминировать из состава ПЕ базовый компонент.

Представим результаты применения этих операций и некоторые выводы из них.

1. В ПЕ типа *в пределах города, в границах разумного, в рамках закона, в сфере сознания* сохраняются: 1) словарное значение слова-классификатора: *предел, граница, рамка, сфера*; 2) морфологическая парадигма образуемого им словосочетания, которая, как известно, совпадает с парадигмой грамматически главного слова, что, кстати, и объясняет, наличие нескольких реализаций: *в пределах / в пределы / вне пределов / за пределы города* и др.; 3) синтаксический потенциал, в частности, возможность присоединения прилагательного: *в тогдашних пределах города, в городских пределах, в разумных границах*, и др. Поэтому говорить об их переходе в собственно предлог пока рано. И ср.: *(поехать) в качестве туриста* и невозможное **качество туриста*, ср.: *качество мяса, качество ткани* и др.; отсутствие любой другой словоформы: **с качеством туриста, *за качество туриста* и др., равно как и сужение синтаксического потенциала: **поехать в туристическом качестве*. Очевидно, что *в качестве кого-чего* – собственно предлог. Е.С. Шереметьева очень убедительно показала семантические различия в «отыменных релятивах» типа *в случае / на случай войны* и *в случае Петра / с Петром* [Шереметьева 2008]. Но операциональные методы выявляют и другие различия. ПЕ с событийным именем имеет значение условия (*в случае войны*) или цели и условия: *на случай войны* = 'если что-л. произойдет', несвойственное существительному *случай* «то, что произошло, случилось, происшествие» [СОШ: 757]. Слово *случай* со значением условия выступает только в этих двух формах и ни в каких других, и, значит, эти словоформы выпали из парадигмы слова *случай*, ср.: **к случаю войны, *для случая войны, *случаем войны, *в случаях войны* и пр. Словоформы *в случае, на случай* не могут быть употреблены без вводимого ими имени актанта, которого не требует значение слова *случай*. Они «не впускают» определения: **в ближайшем случае войны, *на такой случай войны*. Другими словами, ПЕ *в случае / на случай чего* «ушли» из ЧР «существительное» в ЧР «предлог». Единица *в случае* с предметным именем типа *в случае Петра / в случае с Петром* сохранила свое лексическое значение: *в том случае, который произошел с Петром*; она не выпала из парадигмы слова *случай*: *говорить о случае Петра, вернуться к случаю с Петром, характерно для случая с Петром*; в ней сохранилась позиция определения: *в последнем случае Петра / с Петром, во всех случаях Петра / с Петром* и др. Короче говоря, эта ПЕ еще не предлог. В нашей системе это аналог предлога. На некоторую степень определенности здесь указывает форма N_2 , поскольку базовой, очевидно, является ПЕ *случай с N_3* . Как пока-

зал С.А. Лутин, именно N_2 изначально указывал на чисто формальную зависимость, не выражая какой-либо семантики [Лутин 2008], что и объясняет преобладание форм N_2 для большинства вторичных предлогов. Таким образом, это ПЕ разного категориального статуса – собственно предлоги *в случае / на случай чего* и аналог предлога, или отыменный релятив в терминах автора, *в случае кого-чего / с кем-чем*. Еще пример: *о цвете платья (говорить), к цвету платья (подобрать), с цветом платья (гармонировать)* и: **о цвете платью / к платью / с платьем (говорить), *к цвету платью / к платью / с платьем (подобрать), *с цветом платью / к платью / с платьем (гармонировать)*. Отсюда следует, что ПЕ *в цвет чему / к чему / с чем...* – хотим мы того или не хотим – суть предлоги и только предлоги. В парадигме базовой ПЕ *в добавление к чему*, которая еще не определена полностью, предлог *к* экспликатором здесь не является, ср.: *в добавление к тезисам (предложил статью) и (говорить) о добавлении к тезисам статьи, (согласиться) с добавлением к тезисам статьи, (отказаться) от добавления к тезисам статьи*; но ср. неотмеченность: **о добавлении тезисам / с тезисами статьи (говорить), *с добавлением тезисам / с тезисами статьи (согласиться), *(отказаться) от добавления тезисам / с тезисами статьи*; и изменение смысла: *о добавлении тезисов (говорить), с добавлением тезисов (согласиться), от добавления тезисов (отказаться)*. И ПЕ *в добавление чего / чему / с чем* – предлоги. Таким образом, изменение падежа и предлог-экспликатор суть языковые механизмы перехода эквивалентов в предлоги.

2. Невыпадение базовых единиц типа *в цвет чего, в добавление к чему* из падежной парадигмы образующего слова компенсируется вхождением их в морфосинтаксическую парадигму. У аналогов предлогов типа *в пределах / вне пределов чего* есть семантическая парадигма – набор разных значений в рамках одной функционально-семантической категории: места, времени и т. д. [Всеволодова 2009]. У определенных ПЕ есть морфосинтаксическая парадигма, включающая иногда более десятка реализаций [Всеволодова 2008]. Сама парадигма свидетельствует о предложном статусе единицы, входящей в нее. Вхождение единицы в две разные парадигмы объясняется наличием зон пересечения между множествами, когда один элемент может входить в два и более множеств, а также изоморфизмом уровней [Белашапкина 1971; 1974].

3. Общепринято мнение, что многие предлоги произошли от наречий. В словарях предлог часто характеризуется как наречие, когда он может выступать, не присоединяя имени. Ср. статьи *вслед, мимо, наперерез, наперекор* и мн. др. в СОШ. Наш материал показал, что исторически процесс идет в противоположном направлении: наречия образуются от предлогов. Еще в 1964 году В.М. Филиппова показала, что в XVIII – начале XIX века слово *прежде* функционировало только как предлог, и лишь позднее «онаречилось» [Филиппова 1964: 120]. К сожалению, это принципиальное замечание осталось вне поля зрения нашей грамматики. О собственно предложном статусе такого типа слов свидетельствует и их интерпретация в словарях, в которой называется имя актанта, вводимого данным словом, а это – в соответствии с дефиницией предлога – именно его функция. Ср. интерпретации из СОШ: *вслед*. – По следам *кого-чего*, непосредственно *за кем-чем* (Выделение наше. – М.В.) [СОШ: 104]; *мимо*. – Минуя *что-л.* [СОШ: 365]; *наперерез*. – Пересекая *кому-н.* путь [СОШ: 398]; *наперекор*. – Несогласно *с кем-чем-н.* [СОШ: 398]. Ср. дефиницию наречия: «Н а р е ч и е – это часть речи, обозначающая признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства: *идти д о м о й – дорога д о м о й...*» [РГ-80, 1: 703]. Ни от одной из приведенных в РГ-80 наречных словоформ нельзя поставить падежного вопроса к какому-либо имени, а только «смысловые» вопросы к самим наречным словоформам: *куда? как?* и т.п. Ср. также: *стоять вплотную к стене – вплотную к чему?* – где налицо предлог *вплотную к*; и *заняться проблемой вплотную – как заниматься?* – где налицо наречие. Соответственно, все случаи, когда от словоформы можно поставить «падежный» вопрос, мы характеризуем как предлоги. То, что словоформа может выступать без припредложной формы, объясняется текстовой парадигмой предлога, наличием антецедента, ср.: *Тебе чай с сахаром или без?* Увидеть это помогает и сопоставление с другими

языками. Так, нашему *Она ушла, а он все смотрел вслед* в английском соответствует *after her*, а в корейском – *её след*.

4. Материал показал, что есть оморфные ПЕ, например (1) *подойти ближе / близко к окну* и (2) *стоять ближе / близко к окну*. При внешней идентичности они структурно различны. В первом случае налицо предлог *к* и его распространитель-конкретизатор (см. ниже) – компаратив или наречие, семантически важные, но конструктивно факультативные, их можно изъять из предложения: *подойти к окну*. Во втором случае слова *далеко / недалеко / близко / ближе* суть первоначальные предлоги, а обязательные в русском языке *от, с и к* – более поздние вставки-экспликаторы, формирующие их парадигму:

Коснитесь коленями пола как можно ближе от головы (Инт.); *Цифровые технологии становятся ближе с телевизором* (Инт.); *Вы ищете работу ближе к дому или наоборот* (Инт.); *Фундамент близко от забора* (Инт.); *Сниму домик в Хосте близко с морем* (Инт.); *Мы были совсем близко к взрыву* (Инт.).

Изъять *близко, ближе* из этих предложений нельзя. И значит, это ПЕ.

Асемантичность предлогов *к / с / от* (в принципе инвариантных) подтверждает это. Ср. случай, где налицо изымаемое наречие: *Кто знаком близко с форматом microMV?* (Инт.) – *Кто знаком с форматом microMV?* В других славянских языках возможна реализация этих форм без экспликатора, ср.: польск. *Szukam pracy na wakacje niedaleko Warszawy* ('Ищу работу на каникулы недалеко Варшавы', Инт.); чешск. *Blízko domu je krytý bazén* ('близко дома есть крытый бассейн', Инт.). Так определяется функция и частеречный статус словоформы.

Все ПЕ образуют функционально-грамматическое поле с ядром (собственно предлоги) и периферийными зонами (эквиваленты предлогов). Формирует это поле дихотомическая система морфосинтаксических типов ПЕ в рамках каждой зоны. Представим их.

4. Функционально-грамматическое поле предложных единиц

Структуру поля и формирующую его систему морфосинтаксических типов ПЕ можно представить следующим образом.

Центр поля – это единицы, выполняющие функции только предлога, в том числе и со сложной структурой типа *в непосредственной близости кого-чего / к кому-чему / от кого-чего / с кем-чем*. Самое ядро центра формируют так называемые (1.1) *первообразные* (первичные) предлоги, выступающие и как простые (1.1.1): *в, на, к, из, с* и пр., и как комбинированные (1.1.2) единицы разной степени сложности и разных структурных типов. Термин «первичные» (в отличие от вторичных – 1.2) употребляется потому, что в языковом сознании говорящих утеряна их внутренняя форма и связь с полнозначными словами. В список таких предлогов в РГ-80 введены единицы *кроме* и *меж, между*, хотя их этимология восстановима (*кромá* – граница, ср. *крóмка; межá* в [ЭСРЯ: 389, 521]). Но само включение их в состав первичных говорит об утрате этой связи в нашем языковом сознании и о постепенном переходе в данную группу предлогов-дериватов. Мы назвали эту группу «немотивированные предлоги». Стоит обсудить вопрос о переходе в нее для современного языкового сознания комбинированных первичных предлогов *вне, подле, возле* и вторичных *около, после⁵, сквозь*

⁵ Структуру предлогов *подле, возле* можно объяснить так: в русских говорах и в белорусском языке есть предлог *ле* – 'рядом', 'около'. Значит, он был и общерусским. Предлог *под* есть и сейчас, а *воз* был в старорусском языке и сохранился (устар. и диал.) еще в болгарском, ср.: *отивам въз братът* «иду к брату». Это структурно сложные семантически опрошенные предлоги. В.И. Даль толкует предлоги *подле* и *водле* как «в соответствии с чем» [Даль, 3: 152], а реализацию *водли, водлив* (с пометой «пск» – псковское) как «возле». Сейчас *подле* и *водле* имеют только пространственное значение. *Водле* есть в укр. (*водле* и *відля*) и белор. (*водле* и *водлуг*), польск. (*wedle, wedlug*) и чешск. (*vedle*) языках с разным распределением значений. Внешне похожий предлог *после* имеет другую структуру. Это СР *по* и след с отпавшей конечной согласной *д*. Мы согласны с авторами Этимологического словаря украинского языка [ЭСУЯ].

(и названного выше **водле**). Немотивированные предлоги могут комбинироваться друг с другом (1.1.1.1) или с частицами (1.1.1.2). В составе (1.1.1.1) выделяются моноксемные (1.1.1.1.1 структурно сложные) и полилексемные (1.1.1.1.2 составные единицы). Структурно сложные предлоги бывают семантически сложными (1.1.1.1.1), где каждый компонент сохраняет свое значение: *извне Солнечной системы*; *Из-за дома выехала машина*; и семантически опрощенными (1.1.1.1.2), где единица имеет целостное значение: *ругались из-за книги*; *напротив дома – сад*. Составные единицы управляют: (1.1.1.1.2.1) обе одной падежной формой: *для ради детей*, *за через неделю* – контактные синонимические редупликаты (СР), ср. также: *вдоль по (улице)*; и (1.1.1.1.2.2) каждая своей падежной формой: *за год до войны*, *в миле от берега* – составные дистантные предлоги. Наконец, (1.1.1.2) предлоги *до* и *без* в контаминации с частицами образуют самостоятельные ПЕ: *не до (кого-чего)*, *до (кого-чего) ли*, *не без (кого-чего)*: *мне не до книг*; *до книг ли мне*; *работа не без ошибок*. Рамки статьи не позволяют привести здесь графические варианты системы и центра поля.

Припериферийная зона центра – (1.2) вторичные предлоги – дериваты существительных, глаголов и прилагательных, но не наречий: *путем сжатия*, *ввиду отъезда*, *в связи с учебой*, *включая детей*, *относительно сварки* и т. д., также являющие строгую систему простых, сложных и составных единиц. Повторим: наш материал убедительно показывает, что не предлоги произошли от наречий, а наречия от предлогов. Рамки статьи представить этот аспект не позволяют.

Периферия – это (2) эквиваленты предлогов, представленные двумя зонами:

1. Приядерная зона – (2.1) аналоги предлогов⁶, способные определяться два класса: (2.1.1) у ядра – «слова-классификаторы» (термин Е.М. Вольф) типа **предел, рамки, область, случай**; (2.1.2) образования по аналогии с имеющимися предлогами. Так, по аналогии с **во избежание, в ознаменование** свободно образуются при наличии девербатива ПЕ с целевым значением: **в изменение, в улучшение, в увеличение чего**.

2. Периферийная зона – (2.2) корреляты предлогов – словоформы, выполняющие в определенных условиях функции предлога, не выходя из своей ЧР. Здесь тоже два класса: (2.2.1) ближе к ядру компаративы: *прошел больше километра, рост выше двух метров* (ср.: польск. предлог *ponad kilometr, ponad dwa metry*); и (2.2.2) дальше от ядра – словоформы параметрических существительных типа *доска длиной три метра, раствор крепостью один к трем* [Судзуки 2008]. Корреляты системно присоединяют квантитатив, хотя способны присоединять и собственно существительное: *стержень длиной с карандаш; На стене картина, ниже картины – фотография* (= под картиной; ср.: *ель ниже березы*).

Предлоги могут выступать в конъюнкции с другими ЧР, которые не случайны, они являются компонентами структуры ПЕ, ср.: *вплоть до / задолго до / незадолго до чего, незадолго перед чем; у самого синего моря, во всем городе (один театр)*. Они системно

Ср. трактовку укр. **після**: «...стсл. послѣ “після”; – очевидно, пізнє псл. poslě z давнішого poslědъ “слідом за”; менш переконливе виведення (Соболевский Лекции 87; Преобр. II 112; Mikl. EW 297) з прийменника ро “по”, вказівного займенника *сь “цей” і частки *-lě, або зближення (Loś RSL IV 244) з псл. *rozdъ “пізній”, дінд. paścá “позаду, слідом, пізніше”, ав. paśca “тс.; після, потім”. – Німчук Історія української мови. Морфологія 358–359; Фасмер III 339–340; Черных II, 60; ESSJ Sl. gr. I 201–203. – Див. ще післід, по, слід¹» [ЭСУЯ, 4: 414–415], ср. [ЭСЧ, 2: 60]. Отметим: в западнославянских языках в этом значении «работает» предлог **по (ро)**, ср. польск.: *po lekcji – после урока*; в южнославянских (болгарский, македонский) – *след*, ср.: *после войны – след войната*; в русском есть и предлог **по** с тем же значением: *по приезде*; предлог **след** сохранился в виде вторичного **вслед** и СР **вслед за, следом за**; но укр. **слід** указывает на существование предлога **след**, что объясняет возникновение СР.

Благодарю за помощь доцента кафедры украинского языка Донецкого Национального университета Анну Ситарь (Украина) и доцента, заведующего кафедрой русского языка университета гор. Велико Тырново Гочо Гочева (Болгария).

⁶ Наши белорусские коллеги употребляют термин «аналог» [Конюшкевич 2008] в соответствии с нашим «эквивалент». Вопрос о единстве терминологии пока не обсуждался.

выступают во всех типах ПЕ, ср., например: *в опасной близости от чего* – ПЕ, выступающая только как вторичный предлог: 1) у них есть свое место в морфосинтаксической парадигме; 2) их нельзя ввести в высказывание без припредложного компонента; 3) в некоторых единицах они не имеют позиции, ср. например: *в качестве кого-чего, в случае / на случай чего*. Пока не всегда ясно, когда эта позиция есть, когда ее нет. Такие распространители мы назвали конкретизаторами.

Конкретизаторы, экспликатеры, СР, формально осложняя ПЕ, системно выполняют определенные функции, что требует анализа каждой ПЕ на предмет возможности / невозможности или обязательности их в ее морфосинтаксической структуре.

Лексикография ПЕ требует атрибуции – характеристики их с такими группировками позиций (всего 18 позиций), как

- 1) синтагматика;
- 2) вариативность;
- 3) типология синтаксем, образуемых предложными единицами;
- 4) парадигматика с несколькими парадигмами: парадигмы, связанные 1) с типом припредложного слова; 2) с морфосинтаксической устроенностью самой ПЕ; 3) с актуальным членением (ср.: *Я живу далеко от школы* и *От школы я живу далеко*, где ПЕ *далеко от чего* образует рамочную структуру, занимая позиции фокуса темы и фокуса ремы [Всеволодова, Панков 2008; 2009; Янко 2001]); 4) с выбором типа анафоры;
- 5) лексическая синонимия и антонимия;
- 6) возможность образования союзных средств;
- 7) употребление в устойчивых сочетаниях.

Материал выявил синтагматические потенции ПЕ. Под синтагматикой ПЕ мы понимаем здесь: 1) грамматический статус припредложного компонента и его форму; 2) морфосинтаксическую структуру самой ПЕ с учетом распространителей и их статуса; 3) кроме того, впервые были выявлены предложные конверсивы. Представим результаты анализа.

II. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ

1. Грамматический статус припредложного компонента и его форма

Традиционная дефиниция предлога гласит: «Предлоги – это служебные слова, выражающие синтаксическую зависимость существительного (или местоимения-существительного) от других слов в составе словосочетания. Каждый предлог употребляется только в соединении с существительным или местоимением-существительным в косвенном падеже» [ГР-70: 311] (ср. [РГ-80, 1: 707]). Обычно любая другая ЧР в этой позиции считается субститутом существительного. Отметим реальные типы припредложных компонентов в нашем корпусе примеров:

- 1) Существительное: *в доме, за домом, ввиду болезни, в качестве няни, о книге* и др.
- 2) Прилагательное: *В голубом ей хорошо* (Устн.); *Я к зеленому не надену красное* (Устн.).
- 3) Личное и указательное местоимения: *Взяла сумку и достала из нее платок* (Устн.); *Он говорит об отъезде. С этим я не согласен* (Устн.).
- 4) Числительное: *умножить два на сорок, из двадцати вычесть восемь, с семью сложить пять, к семи прибавить два*.
- 5) Квантитатив: *он сыграл в десяти фильмах; приехали гости из семи стран*.
- 6) Наречие: *ушел в никуда; отложим на потом*.
- 7) Инфинитив: *Ехал с целью отдохнуть* (Устн.); *Звонил в расчете обсудить проблему* (Устн.).
- 8) Придаточное предложение: *Отложили праздник на когда сдадим экзамены* (Устн.); *Расскажи лучше об где ты собираешься работать* (Устн.); *Начнем разговор с почему смотался Юрка* (Устн.); *Давайте уж дойдем до куда решили сначала* (Устн.).

- 9) Предикативная единица (как правило, цитация): *Об «я хочу уехать» поговорим позже (Устн.); На «ты мне поможешь» не рассчитывай (Устн.).*

Прокомментируем эти позиции.

1. Существительное – базовая ЧР для предложной синтаксемы. Обычно фиксируют связь предлога с косвенными падежами. Но системны и случаи припредложного N₁ [Акимова 1990; Клобуков 1986]: *Здание в стиле поздний модерн (Инт.); по фамилии Степанов и по имени Степан (С. Михалков); Употребляют слово «Иван» в смысле «русский» (Инт.); Информация о «Работа рядом с домом (газета)» (Инт.).*

Выделим случаи управления двумя припредложными единицами. Найдены три типа:

1.1. ПЕ предполагает наличие двух актантов: второй актант – субъект действия или состояния, названного первым существительным типа *(быть) в поле / вне поля чего, кого-чего: быть в поле внимания ученых / вне поля притяжения Земли.*

1.2. ПЕ вводит две формы, как правило, одного слова со значением разделительности / очередности: *шаг за шагом, год за годом, дом за домом (обходить), нога к ноге, рука об руку, плечо к плечу, слово в слово, день в день.* Обычно первое имя стоит в форме N₁ или N₄ (*проезжали деревню за деревней*); но возможна и форма N₅: *спиной к спине.* Ср. при разных лексемах: *Гвозди уложены в два ряда шляпкой к ножке (Инт.).*

1.3. ПЕ N₅ к N₃ типа *стоять спиной к стене, лежать головой к югу, ср.: *лежать к югу.*

2. Для прилагательных интересны три аспекта: 1) прилагательное в собственно припредложной позиции; 2) прилагательное как эквивалент существительного – имя актанта; 3) прилагательное как распространитель-конкретизатор в составе ПЕ.

2.1. Прилагательные и порядковые числительные, употребленные самостоятельно в любой падежной форме, в том числе, при предлоге, принято оценивать как субстантиваты. Но если это правомерно применительно к словам типа *больной, хромой, земноводное* и др., имеющим форму рода и числа (ср.: *два первых и три вторых (съели)*), то здесь речь идет о прилагательных, выступающих только в форме среднего рода ед. ч. (примеры выше). Думается, что 1) прилагательное здесь сохраняет свою категориальную принадлежность, поскольку речь идет о собственно признаке; 2) формой репрезентации прилагательного должен бы быть не мужской, а средний род.

2.2. Прилагательное – дериват имени при предлоге или аналоге: *летать в условиях Севера – в северных условиях.* Такой случай для именной формы однозначно определен грамматикой как статус собственно существительного [РГ-80], что возражений не вызывает. Но когда нужно объяснить, как работает язык, как строится высказывание для решения коммуникативных задач, важно определить возможности и условия выбора между прилагательным и существительным. И в случае возможной замены речь идет о свойстве ПЕ называть имя актанта либо существительным: *отказался по соображениям / из соображений этики; Приморье: без поддержки правительства зиму не пережить (Инт.);* либо прилагательным: *отказался по этическим соображениям / из этических соображений; без правительственной поддержки.* Ср: *Пение в сопровождении инструментов (Инт.); Псалом означало пение с сопровождением инструментов (Инт.); – Национальное поурри в инструментальном сопровождении (Инт.); Игры с пением и с инструментальным сопровождением (Инт.),* – где прилагательное структурно и семантически облигаторно. Но не: *с помощью ножа – *с ножевой помощью; во изменение закона – *в законное изменение.* Статус именной словоформы в каждом случае нужно оговорить. Корпус таких единиц пока не известен.

2.3. Прилагательное-конкретизатор, что будет оговорено ниже.

3. Для местоимений отметим два случая: 1) выбор типа анафоры; 2) «двучастные» местоимения: *друг друга* (тоже анафора), неопределенное местоимение *кое-кто, кое-что*, отрицательные местоимения типа *никто, ничто* и *некого, нечего*, способные впускать предлог внутрь себя: *друг с другом, ни о ком, ни у чего, не с кем, кое для кого.*

3.1. О личных местоимениях в позиции анафоры сделаем два замечания.

3.1.1. Еще В.Г. Кульпина показала для польского языка [Кульпина 1986], и русский материал это подтвердил, что синтаксический потенциал личных местоимений гораздо уже, нежели у существительных. Некоторые функционально-семантические категории ограничены в плане использования личного местоимения. Если именная локативность свободно использует анафору-местоимение (*Подошел к дому, но войти в него не стал*), то именная темпоральность в принципе не допускает в этом случае личных местоимений: **Завтра среда, а в нее у меня семинар; *Зачет шел два часа, и в течение них никто из аудитории не выходил*. И это – лингвистическая универсалия. Не принимает личного местоимения предлог из в причинном значении: *Он не спорил с тобой из уважения к тебе* и *Он относится к тебе с уважением* и **из него не стал с тобой спорить*; ср.: *Прекратите шум, у меня от него голова болит*. Многие другие ПЕ тоже выбирают притяжательные или определительные местоимения, ср.: *Открыл банку с помощью ножа* и *Достал нож и с его помощью открыл банку*; *В случае аварии вызовите милицию* и *Может произойти авария. В этом случае вызовите милицию*; *В качестве эксперта позовем Ивана*; и *Нужен эксперт. В этом качестве позовем Ивана*.

Признание слова существительным не меняет сути дела. Это тоже определенное свойство ПЕ – выбирать для анафоры либо личное, указательное (*для него, для этого*), либо согласуемое местоимение или повтор антецедента. Но возможна и нуль-форма: *Тебе чай с сахаром или без?; Ты в университет? – Нет, из; Я стоял у входа, но он прошел мимо* = мимо меня. И механику реализации этого свойства нужно прописать для каждой ПЕ. Пока не сформулированы правила выбора анафоры для определенных типов ПЕ, сейчас не определенные, но нужные для написания активной грамматики.

3.1.2. Известно, что иногда личные местоимения предпочитают отличный от существительного падеж. При глаголах *тосковать, скучать, скорбеть* и др. с предлогом по вместо N_3 : *Прозелит не должен скорбеть по собственным иеврейским отцу и матери* (НКРЯ 2004)⁷, личные местоимения наряду с Pro_3 : *И чехи скорбели по нему* (НКРЯ 2003) выступают в Pro_6 : *Скорблю по нем, как и по любому другому человеку, уходящему от живых* (Инт.); *Скорбим по ним. Мир потерял прекрасных музыкантов и людей* (Инт.). Предлоги *во вред, во благо* управляют N_2 , и N_3 : *работать во благо народа / народу, действовать во вред других / другим*. Но личные и возвратные местоимения отмечены только в N_3 даже в конъюнкции с N_2 : *работать во благо общества и себе* (Инт.); *Тратьтесь во благо других и себе, будет хорошо!* (Инт.); *Он действовал во вред каждого и мне* (Инт.).

Нужно выявить все такие случаи.

3.2. У двучастных местоимений обычно отмечается интерпозиция предлогов: *друг для друга, друг о друге; ни с кем, ни о чем, ни перед кем, ни для чего, кое за кем, кое в чем*. Однако для *друг друга* и *кое-кто, кое-что* отмечена и препозиция:

Ткнулись в друг друга губами и носами и пошли в дом (Лимонов. НКРЯ 1982); *Уж больно наши взгляды на жизнь расходятся, а жить без друг друга не можем* (Инт.); *Человек и время взаимосвязаны, хотя существуют вне друг друга* (Инт.); *Вот начал рисовать материал к кое-чему* (Инт.); *Кое-что для кое-кого*. (Инт.)⁸.

У отрицательных местоимений отмечена одна, но частотная структура с препозицией предлога *без*: *без ничего, без никого*:

Чай без ничего (Инт.); *Пирожок почти без ничего лежал в самом центре стола* (Инт.); *Я один без никого* (Инт.); *Фото без никого* – Раздел «пейзаж» (Инт.).

Вторичные предлоги чаще выступают в препозиции: *относительно кое-кого, взамен кое-чего*. Вторичные составные с постпозицией второго предлога могут как вы-

⁷ Впрочем, см.: *Вдова его, Платонида Андревна, тихонько поплакала, да старик Маркел Семеныч уронил несколько слезинок, да только всего и было вещественного выражения скорби по этом усопшем* (Лесков. НКРЯ 1867).

⁸ Дипломная работа студентки филологического факультета МГУ О.В. Селивёрстовой «Сочетаемость предлогов с двучастными местоимениями», защищенная под рук. автора в 2007 г.

ступать в препозиции (*по отношению к друг другу, по отношению к кое-кому*) или в интерпозиции (*Важно, как собеседники сидят друг по отношению к другу* (Крейдлин), но не: **кое по отношению к кому*), так и создавать пересекающиеся конструкции: *по отношению друг к другу; по отношению кое к кому*⁹.

Этот аспект тоже требует анализа и фиксации в грамматике.

4. Количественное числительное вне квантитатива при предлоге выступает, в основном, в тех же формах, что и существительное. Но при анализе коррелятов предлогов – словоформ параметрических существительных типа *длиной, с крепостью* сколько единиц в количественных числительных проявился подразряд – «комплексные числительные» [Судзуки 2008]. В именных группах, сформированных словоформами параметрических существительных типа *длиной, с крепостью* они выступают в Num₁ даже после предлогов и компаративов, управляющих родительным падежом: *частицы с энергией выше десять в двадцатой; работать с картинками размером порядка сто шестьдесят на сто шестьдесят; породы крепостью порядка один – три по Боме; раствор крепостью не менее один к трем; частицы размером не более ноль целых пять десятых нанометра*. Сюда вошли показатели степени, пропорции, диапазона, площади и объема, десятичные дроби, по крайней мере, начинающиеся с нуля. Описать их употребление еще предстоит.

5. Квантитатив – количественно-именная группа – был выделен в самостоятельную единицу, поскольку, в отличие от собственно количественного числительного, в квантитативе в именительном и винительном падежах грамматически главным, как известно, является числительное: *есть книги – есть пять книг; взять книги – взять пять книг*; во всех других падежах грамматически главным является существительное, а числительное согласуется с ним по падежу: *нет книг – нет пяти книг; вместе с книгами – вместе с пятью книгами* и т.д. Наблюдения над квантитативом позволяют выделить два случая.

5.1. Как показано в СОШ, при предлоге *по*, но с разными вариантами значения разделительности, числительные разных морфологических типов ведут себя по-разному.

1) При общем значении разделительности (типа *разойтись по домам; разложить по полкам*) числительные всех морфологических типов, согласуясь с существительным, выступают в Num₃: *Разослали письма по одной тысяче / трем тысячам шестистам сорока одному адресу / сорока двум адресам*.

2) При наличии слов *каждый, все, многие, некоторые* квантитатив – кроме сочетаний с *один – четыре*, – может присоединяться к предлогу *по* как в Num₂ (*Каждый получил по шестисот пятидесяти рублей* [СОШ: 542], *заплатили по десяти рублей*), так и в Num₄: *каждый получил по шестьсот пятьдесят рублей, заплатили по десять рублей*. И тогда, если в составном числительном есть слово *один* (но не *два – четыре*), выступающее здесь только в Num₃, при одном предлоге разные числительные будут выступать в разных падежных формах: *Каждому заплатили по одной тысяче* (Num₃) *шестьсот сорок* (Num₄) *одному рублю* (Num₃); ср.: *по три тысячи шестьсот сорок два рубля*; но не **каждому – по трем тысячам шестистам сорока двум рублям*. И значит, предлог *по* управляет не тремя, как пишут грамматиканы, а четырьмя падежами: родительным, дательным, винительным и предложным.

5.2. При коррелятах – словоформах параметрических существительных в атрибутивной функции – в отсутствие конкретизаторов квантитатив системно выступает в Num₁: *стержень длиной одна десятая метра; бутылка объемом пять литров*.

Влиять на выбор падежа может порядок слов. В постпозиции к корреляту системны Num₁: *доска длиной два метра*; в препозиции – в ряде случаев системны Num₂ *доска двух метров длиной* [Судзуки 2008]. Но при параметрических словоформах – обстоя-

⁹ Мы не затрагиваем здесь вопрос о постпозиции предлога типа: *Работаю не только славы ради, но и денег для; поступать друг другу назло*: эта проблема касается и первичных, и вторичных предлогов и связана с актуальным членением, т. е. с коммуникативной структурой предложения. См. также [Галактионова 2007; Крылов, Муравенко 2007].

тельства места – а это собственно предлоги – Num₂ в постпозиции систем: *на глубине трех метров, на высоту ста метров*, хотя возможен и Num₁: *на глубине три метра; Полет самолета проходит на высоте десять тысяч метров*. Представить эти правила – тоже насущная задача.

Квантитатив по-своему расширяет потенциал предлога, что будет показано ниже.

Думается, более корректным в дефиниции предлога было бы указание на введение им не собственно существительного, а имени – разряда, включающего существительные, прилагательные, числительные, именные и возвратное местоимения и квантитативы.

6. Наречия в припредложной позиции обычно рассматриваются как субстантивация. Вместе с тем, в каких-то случаях некоторые наречия (какие именно – в грамматиках не отмечено) – в нарушение нормы (но не системы) – получают падежную форму: *Помогите с задачей, нужно к завтраму* (Инт.); *К завтраму всем выучить наизусть* (Инт.); (в кодифицированной речи заменяются дескрипцией: *к завтрашнему дню*). Ср. также: *Я вас покидаю... до завтра* (Инт.); *Уехал до завтра в лес* (Инт.)¹⁰. В других случаях они сочетаются с определением: *Поговорим о нашем завтра*. И здесь можно говорить о субстантивации наречий. Но в случаях *доживем до завтра, я за завтра это сделаю*; равно как и: *ждал до сегодня, приготовил к сегодня / на сегодня, за сегодня последует завтра, подумаем о сегодня* – думается, таких оснований нет. От того, что мы назовем эти наречия субстантивированными, сам факт использования наречий в позиции при предлоге не изменится. Ср. еще примеры:

Апликация. Не совсем к сейчас (Инт.); *Подождет до потом... не сегодня* (Инт); *Прошу у всех прощения за вчера и за потом* (Инт); *Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда* (Пелевин); *Пастернаки для ниоткуда. Мандельштамы для никуда* (Инт); *Я смотрю в никуда, через ниоткуда я смотрю в себя, а через себя я вижу бесконечное пространство* (Инт); *А на Арбате, наверное, не камеры, а картонные коробки, и подключены они к Ниоткуда* (Инт).

В такой позиции отмечены наречия времени и места. Возможность употреблять так другие наречия и способность каждого предлога употребляться с наречиями еще нужно выявить. Возможно, потенциал наречий шире, нежели мы думаем.

7. Инфинитив (Vinf) при предлогах с целью, в целях, в надежде и в расчете систем. Предлоги с целью / в целях присоединяют как Vinf, так и N₂: *Огромную роль в построениях А. Т. Ф. играют сближения слов (т.е. сопоставления с целью показать их родство или какую-то иную историческую связь)* (Зализняк. НКРЯ 2000) – *Покупателю предлагается 2–3 варианта <...> дома с целью показа максимальных возможностей пространства* (НКРЯ 2004).

В расчете, в надежде присоединяют через предлог на также N₄: *(Изобретение) было засекречено в расчете применить его для охраны границ* (НКРЯ 2003) – *Операции в Арденнах и под Балатоном были спланированы в расчете на применение «копья»* (НКРЯ 1996).

См. при других предлогах:

вышел под предлогом покурить; зашла под видом попросить соли; Как ты насчет поест?; Для покурить у нас есть курилка (Устн.); *В отношении поговорить с шефом – к Юре* (Устн.); *В смысле похвалить ты прав* (Устн.); *Об уехать хоть на неделю даже подумать не могу* (ТВ); *Из собрать народ ничего не вышло* (ТВ).

Очевидно, что потенциал ПЕ на Vinf нужно выявить. В армянском, французском языках припредложная позиция Vinf системна.

8.–9. Вопрос о предикативных структурах в припредложной позиции в грамматике не обсуждался. Даже если по отношению к случаям присоединения придаточной части или цитации в русском языке можно предположить эллипс выражений типа

¹⁰ О слове *завтра* у Даля: *Завтра или завтраи употреб. как сущ. ср. (род. завтра или завтраго, или завтрава; дат. завтраю или завтраму, или завтрау, заутру; твор. завтраем или завтраим, или заутром; предл. о завтрае, о завтраем, о заутре)* [Даль, 1: 510].

«на время, когда...», «о месте, где...», «о словах» и т. п., то наверняка есть языки, в которых такой пропуск невозможен, и вот почему подобные случаи тоже должны стать объектом нашего интереса.

2. МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖНОЙ ЕДИНИЦЫ

Как показано выше (см. также [Загнитко и др. 2009; Конюшкевич 2008]), уже первичные предлоги выступают и в сложных образованиях. То же верно и для ПЕ всех типов, хотя каждый тип имеет свои особенности. Рассмотрим следующие образования: 1) синонимические редупликаты (СР), 2) составные дистантные предлоги, 3) структуры с экспликаторами, 4) предложные сочетания с конкретизаторами.

Синонимические редупликаты – это составные контактные структуры, когда два синонимичных предлога – редупликант и редупликатор – управляют одной падежной формой:

Такая мебель, сработанная из фрагментов старой и отжившей свой век, объявлена создателями как созданная для ради развлечения (Инт.); (см. в памятниках XVII в.: Ты, свет мой, для ради доброты и приятства Василья жалей; Для ради ихъ (стрельцов) скудости напередъ выдано жалования... (Лингвистические детективы. 2008. Инт.); За ради паспорта с белоголовым орланом (Инт.); Некоторые журналисты делают весьма правильные выводы о том, что 58-я армия, если бы атаковала первой, могла бы за через пару дней после начала боевых действий быть в Тбилиси (Война в Южной Осетии: подведение итогов. Инт.); Данные для перевода денег за через Сбербанк РФ:... (Инт.); Продается студия возле у М. Звёздная (Инт.); Один из них в азарте игры оказался вплотную у возле работающего бура (Инт.).

Редупликатом является и **рядом у кого-чего**. См. предлог **рядом чего**:

Кафе почти рядом нашего дома (Инт.); В Великобритании, рядом речки Эйвон (приток Северна), был обнаружен «младший Стоунхендж» (Инт.); Полицейские применили водометы для разгона сборища рядом вокзала Зеллерхаузен (Инт.).

В конъюнкции с синонимичным ему у (у дома, у речки) образуется СР:

Совсем рядом у Курского вокзала построят новехонькую гостиницу (Инт.); Сдаются комнаты рядом у моря в Евпатории (Инт.); Живем мы рядом у границы (Инт.).

СР системны и для аналогов, ср. делибератив: **К вопросу китайской революции (Сталин) – О китайской революции – Относительно китайской революции – Насчет китайской революции и к вопросу о китайской революции / к вопросу относительно китайской революции / к вопросу насчет китайской революции; спец в вопросах дизайна – спец по дизайну – спец в отношении дизайнера и спец в вопросах по дизайну / в вопросах в отношении дизайнера**. Ср. также: **жить вблизи моря / жить у моря и жить вблизи у моря; мебель в цвет обоев / мебель под обои и мебель в цвет под обои**.

Вероятно, русский язык характеризуется максимальной степенью семантического согласования [Гак 1972; Всеволодова 2000: 158] и предрасположен к максимальной экспликации смыслов, вплоть до их вербального удвоения. Ср., например, повтор отрицания типа **никто не пришел, никто никуда не ходил, никто нигде никогда ни с кем ни о чем не говорил**, чуждый многим неславянским языкам. Именно этим обусловлены такие явления как **очень прекрасный, нежели чем** и подобные им, которые, будучи нарушением нормы, есть проявление определенных характеристик русской языковой системы.

Составные дистантные предлоги сформированы двумя самостоятельными единицами, каждая со своей припредложной формой, в данной структуре образующими единое целое. Они представлены структурами трех типов:

1. Структура с первым компонентом – семантическим конкретизатором-скаляром типа **в километре от озера, в часе езды от дома, за час до отхода поезда, через год после войны**; либо конкретизатором-вектором: **к югу от города, на север от озера**. Скаляр и вектор могут быть в конъюнкции: **в километре к югу от села**; но в локативных ПЕ, по крайней мере, один из них структурно облигаторен, ср.: ***Разбили лагерь от**

села. Для временных отношений конкретизатор структурно факультативен, ср.: *Пришел за час до отхода поезда – Пришел до отхода поезда*. Ср. выше: *за через пару дней после начала боевых действий*. То же у вторичных предлогов: *Работал там в течение года после окончания школы; На протяжении месяца до операции был под наблюдением врачей*. Все такие ПЕ должны быть в словарях и грамматиках.

2. Структура, формируемая двумя словоформами одной лексемы со значением разделительности (ср. выше *дом за домом*): *от дома к дому; ото дня ко дню, из дома в дом; из года в год, из книги в книгу, с часу на час, с ветки на ветку* и т.д. ССЗ такие единицы рассматривает как состоящие из двух отдельных синтаксем, например, единица типа *из дома в дом* представлена своей первой частью в разделе *из + N₂*, а второй в *в + N₄*. Но это целостные ПЕ со своими собственными значениями.

3. Структура, формируемая аналогами, например, с целевым значением, предполагающая наличие как адресата, так и его действия, каузирующие действия субъекта, типа *в награду / в наказание кому за что*; ср.: *В отместку ему за его вранье мы перестали с ним общаться* (Устн.). Словоформы типа *в награду* выступают и без актантов, если последние даны в контексте, ср.: *Открой мне всю правду, не бойся меня: В награду любого возьмешь ты коня* (Пушкин) = *в награду за рассказ*.

Предложные структуры с экспликаторами. Выше отмечены составные предлоги с первичными предлогами в постпозиции – экспликаторами. Но не каждый первичный предлог в постпозиции представляет собой экспликатор. Некоторые предлоги есть компонент первичной реализации соответствующего слова и его валентности: *в связи с чем ← связь чего с чем, связывать что с чем; по отношению к кому-чему ← отношение / относиться к кому-чему*. В ПЕ типа *в цвет к платью / в цвет с платьем к* и с валентностью слова не мотивированы. То же отмечено и для ПЕ с пространственным значением степени близости. При этом некоторые предлоги могут выступать как самостоятельно (*Отели Милана вблизи выставочного комплекса* (Инт.)), так и с экспликаторами:

Миланский отель вблизи к выставочному комплексу (Инт.); *Маточная артерия (a. Uterina) отходит от подчревной артерии (a. hypo-gastrica) в глубине малого таза вблизи до боковой стенки таза...* (Инт.); *Хотел бы купить дом или дачу в Московской области или вблизи от ее границ* (Инт.); *Город вблизи с морем* (Инт.).

То же верно для *в близости чего / до чего / к чему / от чего / с чем*. Другие ПЕ работают только в сочетании с экспликаторами, хотя в ряде славянских языков сохранились и в самостоятельном употреблении: *Стою близко к окну* (Инт.) (см. выше). Вероятно, то же в ПЕ *справа / слева от кого-чего*, ср.: **стоял от меня / *справа меня* и *...да одесную его и ошую его оступиша татарове аки вода* (Инт.); *...увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога* (Инт.); *Киевский Христианский Военно-Исторический Клуб «Одесную Силы»* (Инт.);

и в ПЕ *рядом с чем / к чему*:

Сидеть рядом с часами и каждые пятнадцать минут требовать перерыва я, естественно, не могла (НКРЯ 2004); *Добротный деревянный дом, рядом с крыльцом – береза* (НКРЯ 2004); *Рядом с видимым нам миром существует множество невидимых миров...* (НКРЯ 2003) – *Очень рядом к последнему дому на нашем пути небольшой поток воды натыкался на дорогу* (Инт.); *Рядом к девочкам кучи знакомых Заходили и толпы подруг, И цветущие кисти черемух Мыли листьями рамы фрамуг* (Б. Пастернак. 1956–1959. Инт.); *Как правило, точки прикрепления мышц у любителей находятся очень рядом к суставам*¹¹ (Инт.).

¹¹ Отмечены случаи *рядом к + N₅*: *Рядом к машиной – я...* (Инт.); *И портрет Билла Клинтона (рядом к окном над столом Скиннера)* (Инт.); *Стою рядом к канавой, которую видно* (Инт.); *Семейная пара фотографировала своего ребенка в автомобиле, который стоял рядом к кладбищем 17-го века* (Инт.); *Замкните на одну минуту кнопку РСВ5, которая расположена рядом к гнездами для подключения видеоманитофона* (Инт.). Предположение об описке или контаминации не однозначно: из 500 примеров с единицей *рядом к*, предлагаемых поисковой системой Яндекс (50 страниц сайта), к предложным образованиям относились (не считая повторов) 83; из них 74 – *к + N₃* и 9 (т. е. более 10%) – *к + N₅*. В картотеке архангельских говоров филологического

То же в коррелятах, ср.: *Новорожденный длиной в два метра* (Инт.). Но здесь предлог не влияет на морфологическую парадигму самого слова: *говорить о длине два метра / в два метра, достигать длины два метра / в два метра* (но не: **достигать в длину в два метра*, что свидетельствует о собственно предложном статусе **в** длину) и т.д. Этот факт подтверждает, что корреляты не определяются.

Предложные сочетания с конкретизаторами. В составе единиц есть компоненты, семантически важные, но обычно структурно факультативные. В СОШ даны единицы типа *задолго до чего, незадолго до чего / перед чем* (СОШ: 207, 415), где при предлогах **до** и **перед** выступают наречия, без них не работающие. Но в такой же позиции выступают и другие наречия: **вскоре после чего, сразу после кого-чего** и др., в плане таксиса способные ориентироваться на момент речи: *он вскоре придет*, или на момент в тексте: *он позвонил, и мы сразу ушли*. Они конкретизируют общее значение, передаваемое предлогом, ср.: *подошел чуть ближе к окну и остановился метрах в трех / подошел к окну, отошел чуть от дома / отошел далеко от дома*. Мы назвали их конкретизаторами (вслед за [РГ-80], где этот термин относится к союзным конструкциям).

В роли конкретизаторов выступают: 1) наречия, обычно в препозиции к предлогу (примеры выше); 2) местоимения **сам, самый, весь**: *В самом селе я не был, ехал мимо него; Жил старик со своею старухой у самого синего моря* (Пушкин); *Во всем городе один театр*. Именные локативные группы типа *В городе есть театр* и *Во всем городе один театр* суть разные структуры, поскольку вторая имеет позицию для конкретизатора **весь** и возможна только при наличии количественного показателя, ср. неотмеченность: **Во всем городе есть театр* [Всеволодова, Владимирский 2008]; 3) компаративы: *подошел ближе к окну, сыграл более чем в сорока фильмах, ждал не дольше чем до часу*; 4) прилагательные: *в правой стороне от дома, летал в трудных условиях Севера*.

При квантитативе конкретизаторами работают и вторичные предлоги **порядка, около, сверх, свыше** *скольких единиц*.

Конкретизаторы делятся на:

1) **с к а л я р ы**, определяющие количественную границу выражаемой величины: *подошел близко к окну, задолго до урока, сразу после обеда*;

2) **в е к т о р ы**, конкретизирующие направление (не только в пространственном, но и в социальном и во временном аспектах): *пришел позже / раньше чем в два часа / ровно в два часа; Это было сделано в научных интересах кафедры*;

3) **а в т о р и з а т о р ы** (квалитативы), передающие исходящую от говорящего дополнительную характеристику вводимого предложной единицей актанта или значение персуазивности: *склад в опасной близости от пляжа; пришел примерно в два часа*.

Прокомментируем представленный материал.

1. Анализ выявил различия в функциях компаративов простых и с союзами **чем** и **нежели**. Простой компаратив по своей грамматической валентности имеет позицию для имени компарата в форме N_2 : *Петя выше Маши; Иван уехал раньше Петра; прочитал больше пяти книг, работал в течение больше семи лет, раствор крепче сорока градусов, на протяжении не менее ста километров* и пр. В каждом из этих случаев может быть употреблен союзный вариант, но при этом может измениться падежная форма компарата, поскольку функцией союза является «погашение» валентности компаратива, ср.: *Петя выше, чем Маша; Иван уехал раньше, нежели Петр; работал семь лет / более чем семь лет* и т. д. Соответственно, если к компаративу присоединяется предлог, возможен только союзный вариант: *приехали гости не менее чем из десяти стран; играл более чем в сорока фильмах; уехал не дольше чем на неделю; А калорий*

факультета МГУ отмечены случаи $к + N_5$: *Они не друг дружке к окнами*; и $к + N_2$: *к реки, к воды*, равно как и употребление предлога **о** с N_2 . Как видим, синтаксический потенциал предлогов в общерусском формате шире, чем в нормативном литературном языке. И игнорировать его в наших исследованиях не стоит.

в ста граммах орехов значительно больше, нежели в ста граммах печени (Инт.); работал более чем в течение семи лет; не менее чем на протяжении ста километров. Таких комментариев в грамматиках нет.

2. О случаях типа *летать в условиях Севера – летать в северных условиях* см. выше [РГ-80]. Но в случаях типа *летать в трудных условиях Севера* (припредложное имя сохраняется) налицо конкретизатор-прилагательное. Эквиваленты свободно включают такое определение (ср.: *в широко понимаемых границах категории, в тогдашних пределах города* и пр.), а вторичные предлоги, возможно, включают, ср.: *в качестве отмычки использовал нож, с помощью ножа открыл банку, русская эскадра находилась в виду японских берегов, в связи с болезнью отсутствовал*. Нужно определить потенции каждой ПЕ и правила использования в них прилагательных.

3. Материал показал, что статус ПЕ в рамках категории предлога обуславливает определенную специфику как частеречного состава конкретизаторов, так и их «поведения». Выше были даны характеристики конкретизаторов, главным образом, в структуре собственно предлогов. Представим некоторые случаи функционирования конкретизаторов в аналогах и коррелятах предлогов.

3.1. В аналогах именно конкретизаторы несут основной смысл. Так, в единицах типа *приедет в период с первого по пятое марта, ехали в направлении на Москву / к Москве / из Москвы* аналоги предлогов *в период, в направлении* выполняют функцию ПЕ, а собственно содержательные компоненты *с первого по пятое марта, на Москву / к Москве / из Москвы* выступают как конкретизаторы, будучи и семантически, и структурно облигаторными. Это случаи упомянутого выше мотивированного управления. Есть языки (например, чеченский, ингушский), где словоформы типа *в период, в направлении* в этом случае невозможны, высказывание имеет вид типа *приедет с первого по пятое марта, ехали на Москву / из Москвы*. Такие случаи нужно выявить и представить возможные реализации: *с первого по пятое / в период с первого по пятое, на Москву / в направлении на Москву*.

3.2. Анализ коррелятов типа *длинной, с частотностью* [Судзуки 2008] показал, что:

1) За исключением согласуемых конкретизаторов-авторизаторов и вектора **общий**, выступающих, в отличие от собственно предлогов, в препозиции к словоформе (ср.: *станция расчетной мощностью 1000 000 квт, спутник предполагаемой массой 350 кг, пять вагонов общей вместимостью 400 человек* и др.) все остальные конкретизаторы стоят в постпозиции к корреляту. Конкретизаторами выступают не только наречия (*длинной примерно / приблизительно / точно пять метров*) или компаративы (*длинной более / не меньше пяти метров*), но и собственно предлоги: *длинной сверх / свыше / до / от / от... до... / около / порядка пяти метров; длиной по пять метров (каждый)* и др. Конкретизаторы здесь относятся к числительному, формируя значение ПЕ.

2) В своей совокупности все корреляты образуют категориальную структуру – систему значений количественной характеристики со значениями определительным: *породы крепостью один – три по Боле* или обстоятельством: *ехать со скоростью сто км/ч*. Это фрагмент функционально-семантического поля количественности, в нашей грамматике (в том числе и в [Теория-5 1996]) пока не представленный.

4. ПЕ с коррелятами обычно вводят квантитатив (о его падежной парадигме см. выше). Это побудило нас выяснить, как при квантитативе с конкретизатором работают собственно предлоги. Были выбраны предлоги **в** (+ N₄ / + N₆) и **к** (+ N₃) с конкретизатором – предлогами **порядка** и **около** (+ N₂) и квантитативом. Здесь возможно и существительное, но соотносимое с квантитативом: *А то, что есть, обошлось в порядка годовой зарплаты по тем временам* (Инт.). Были выявлены два типа реализаций:

4.1. Существительным в квантитативе управляет предлог **порядка / около** (N₂), нейтрализующий в этом случае грамматическую валентность предлогов **в** или **к**:

1) а) *Объем планируемых расходов на доразведку оценивается в порядка \$62 миллионов* (Инт.; ср.: в шестьдесят два миллиона); *Компания Calatrasi <...>, предлагающая на экспорт в порядка тридцати стран мира свыше 70 % своей продукции* (Инт.; ср.: в тридцать

стран); *Пропускная способность по треугольникам возросла в порядка сотен раз* (Инт.; ср.: в сотни раз); *Вчера я <...> добавил сайт в порядка 30-ти каталогов* (Инт.; ср.: в тридцать каталогов);

б) *В порядка 600 устройств соединение выполнено напрямую* (Инт.; ср.: в шестистах устройствах); *Участвовала в порядка 100 плевральных пункций* (Инт.; ср.: в ста пункциях); *Эта суперпрограмма регистрирует Ваш сайт в около 1500 поисковых систем* (Инт.; ср.: в тысяче пятистах системах); *Наше оборудование успешно используется в около 70 стран*¹² (Инт.; ср.: в семидесяти странах).

2) а) *Всего по стране репрессивные меры предлагалось принять к порядка 250 тысяч человек...* (Инт.; ср.: к двумстам пятидесяти тысячам); *Исходные примерно четыреста тэгов сведены к порядка ста наиболее употребительных* (Инт.; ср.: к ста употребительным); *Доступ к порядка 1000 различных учебных курсов* (Инт.); *Количество банк-клиентов разных банков, <...> в общей сложности близится к порядка 50-ти. Не организаций, а именно разных систем «Банк-Клиент»* (Инт.);

б) *<...> получить бесплатный интернет-доступ к около 200 популярных ресурсов в Москве и в регионах* (Инт.); *...получить доступ к около 400 планет различных форм и жизненных условий* (Инт.); *Население города выросло от 2,84 миллионов в 1970 году к около десяти миллионов на сегодняшний день* (Инт.); Отмечены случаи, когда *около* является главным и семантически: *В зарубежных военно-морских силах более 25 стран в настоящее время находится к около 150 корветов* (Энциклопедия вооружений. Инт.); *Замена иконок, к около 40 сторонних приложений, включая последние популярные* (Инт.). В других случаях их можно рассматривать как редупликаты: *Серёга приехал только к около трех* (Инт.), (приехал к трем / около трех); *Долго собирался попробовать реал, и вот 3 декабря к около 17.00 открылся на полдепозита* (Инт.).

4.2. Квантитативом управляет предлог: **в** (N_{um_4} / N_6) и **к** (N_3), конкретизатор гасит свою валентность, функционально сближаясь с наречиями **примерно, приблизительно**.

а) *Сухой Лог, стоимость разработки которого НорНикель оценивает в порядка \$1 миллиард* (Инт.); *Выручку за 2007 год Rambler Media оценивает в порядка \$63 миллиона* (Инт.); *Банк России должен будет ввести своих спецпредставителей в порядка 140 (сто сорок) банков, получающие господдержку* (Инт.); *У него была плантация в около сто растений* (Инт.); *Больше всего, в около три раза, увеличилось число болгар, посетивших Румынию* (Инт.);

б) *К тому времени он успел сняться в порядка двадцати картинах* (Инт.); *Вообще играет в порядка 30 группах* (Инт.); *В порядка 50 общинах имеется лишь по 1 кандидату на пост руководителя общины* (Инт.); *Работы Эрвина Реддла экспонировались в около сотне стран мира* (Инт.); *Статьи о плоскорезах были опубликованы уже в около десятке различных газет* (Инт.); *Под вопросом остается установка счетчиков еще в около двух тысячах домов* (Инт.);

в) *Та же тенденция приведет к порядка 14 процентам роста цен в 2008 г.* (Инт.); *Предложены исправления к порядка 300 ошибкам и проблемам в безопасности* (Инт.); *Оперативникам уже удалось доказать причастность задержанного к порядка тридцати раз-*

¹² Такие структуры вызывают и сомнения, поскольку норма не определена, см. диалог в Интернете: *Наше оборудование успешно используется в около 70 стран. Или «странах»? И вообще, не режет ли слух сочетание «в около»?* (2007. Инт.); *Вопрос все же простой: есть ли стилистически безупречный русский перевод стилистически безупречного «is used in about 70 countries»?* (Инт.). Число таких употреблений в разных текстах говорит об их узуальности. Структура **в около** употребляется и в значении длительности, где нормативно лишним представляется предлог **в**: *Пенсионерку затопили соседи сверху, вода лилась в около 2 часов* (Инт.); *Уже в около 8-ми месяцев постоянные позывы в туалет* (Инт.); то же в случаях со значением пространственной или временной близости: *27 октября в около Зеленограда появился кобель* (Инт.); *Камера спроектирована с учетом необходимости работы при низких температурах в около Плутона* (Инт.); *Сегодня в около семи часов утра на шахте Коксовая (г. Прокопьевск) произошел внезапный выброс мелких фракций угля и газа* (КузбассИнвест.RU 2002. Инт.). Ср. также: *Вы просто <...> перечисляете в около пять-восемь рублей* (Инт.). Ср. узуальные для польского языка пространственные **naokoło / wokół** czego и болгарскую аналогию: *Обезпокоителен е фактът, че в около 75 000 семейства в София има член на фамилията, които страда от различна форма на психично отклонение* (Инт.).

бойным нападением (Инт.); *Нефть должна упасть к порядка 15–20 долларам за баррель* (Инт.); *...песни к около 60 художественным кинофильмам* (Инт.); *Основной сайт DAAD открывает путь к около 250 сайтам* (Инт.); *...планируется обеспечить доступ каждому жителю Москвы к около 100 телевизионным каналам до 2005 г.* (Инт.).

Как видим, определять падежную форму припредложного слова может его ЧР. Приведенные факты показывают, что необходим анализ и осмысление подобных конструкций.

4.3. Об оморфных структурах с конкретизатором и предлогом типа *близко/ ближе к окну* говорилось выше. В директиве (*куда?*) рядом *к + N₃*, обычно при глаголах и девербативах с приставками *при-*, *под-*, *до-* налицо конкретизатор рядом: *Там, без церемонии, в прибаннике настлали сена и накрыли его простынями, приложив подушки рядом к стене* (= к стене) (А. Фет. НКРЯ 1855); *Рядом к кому можно дотянуться радио-эзернетом?* (Инт.); *Пока болела рядом к плите не подходила* (Инт.). В локативе (*где?*) *к* – экспликатор: *Новый отель расположен почти рядом к центру пляжа* (Инт.) – **расположен к центру*; *Стою рядом к входу в подвал* (Инт.) – **стою ко входу*; *Какое метро рядом к тебе?* (Инт.).

3. ПРЕДЛОЖНЫЕ СИНТАКСЕМЫ – КОНВЕРСИВЫ

Конверсивы (лексические: *Иван купил у Петра дом* ⇔ *Петр продал Ивану дом* и грамматические: *Иван продал дом* ⇔ *Иваном продан дом*; *Самолет потерпел аварию* ⇔ *С самолетом – авария*), как известно, есть одна из системных трансформаций структуры предложения [Апресян 1974; Ломтев 1972], связанная с переводом имени коммуникативно важного компонента из позиции любого члена предложения в позицию подлежащего (подробнее [Всеволодова 2000: 452; 2009]). Но изоморфизм разных уровней Языка [Белошапкина 1971; 1974] проявляет себя и здесь: иногда предлог меняет имена актантов-участников ситуации при сохранении смысла высказывания. Выше был приведен пример с предлогом *в* пандан с *N₅*: *лошади в пандан с маяком* ⇔ *маяк в пандан с лошадьми*. См. также:

Корабль плыл в виду берега ⇔ *Берег был в виду корабля* (= с корабля был виден берег); *Продаю машину в придачу с двумя новыми колесами* ⇔ *Продаю Машину. В придачу с машиной продаю два новых колеса* (= продаю машину и колеса); *Сначала решаем задачу № 1 с применением бинорма Ньютона. Задачу № 2 решаем аналогично с задачей № 1* ⇔ *Сначала решаем задачу № 1 с применением бинорма Ньютона. Аналогично с задачей № 2*; *Профессор во главе экспедиции* ⇔ *Экспедиция во главе с профессором*; *Ему спокойно за спиной у директора* ⇔ *За спиной у него директор, поэтому ему спокойно*¹³.

Такие случаи еще ждут своего выявления и анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Таковы первые итоги осмысления нашей работы к настоящему времени. Проработаны единицы в диапазоне букв А–И (порядка 4000 статей¹⁴). Но даже этот далеко не полный корпус дал удивительно богатый и принципиально новый языковой материал, до сих пор в наших грамматиках не представленный, и позволил увидеть такие характеристики языка и такие его механизмы, которые заслуживают серьезного изучения.

¹³ Интересно, что остальные члены морфосинтаксической парадигмы конвертирования не допускают: *Задачу № 2 решаем аналогично задаче / к задаче № 1*. И только у конверсива есть синоним с предлогом-экспликатором для: *Аналогично для задачи № 2*. Единица *за спиной кого / у кого* имеет несколько лексико-семантических вариантов (ср., например: *За спиной у него 10 лет работы на Севере*), но ни один другой вариант конверсива не имеет.

¹⁴ Я благодарю члена российской группы, доктора филологических наук, профессора, заведующего «Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии» филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Поликарпова за проделанную в отношении числовых данных внеплановую работу и А.А. Поликарпова и Е.В. Клобукова за конструктивные замечания по тексту статьи.

2. Одним из важнейших для нас является вывод о необходимости анализировать языковой материал во всей его полноте, не пренебрегая «неправильными» и «нелитературными» с нашей точки зрения единицами.

3. Уже этот материал, достаточно скромный в рамках всего языка, показал такие аспекты системности языка и языка как системы, которые в наших грамматиках и словарях не отмечаются.

4. Можно с уверенностью говорить о грамматике не просто русского языка, а о грамматике отдельных частей речи, в частности, предлогов.

5. Оказалось, что первичные предлоги выполняют в языке две служебные функции: собственно предлогов, где реализуется то или иное, пусть ослабленное, лексическое значение; и экспликаторов – собственно формальных распространителей ПЕ, семантически опустошенных, но определяющих падежную форму припредложного слова, то есть грамматически релевантных. Это аспект структуры предложных единиц, который тоже до сих пор в грамматике не рассматривался.

6. Грамматика предлога подтвердила адекватность концепции о двуединстве поля и категории как структур, формирующих Язык. Именно полевая структура объясняет вовлечение в категорию служебных единиц полнозначных слов, а структура категории позволяет представить их соотношенность и увидеть зоны пересечения разных типов ПЕ.

7. Нам необходимы операциональные, объективные методы категоризации ПЕ. Материал показывает, что язык имеет свои средства опредложивания и перевода словоформ полнозначных лексем в служебные единицы¹⁵.

8. Вовлекая в сферу активного изучения некодифицированные единицы, мы отнюдь не предлагаем их популяризацию и включение в школьные пособия и словари. Тем не менее, с одной стороны, лингвистика должна изучать язык целиком, а с другой – кодификация должна охватывать более широкий корпус единиц, в том числе и с фиксацией функциональных стилей языка. Так, иностранный студент-медик без знания предлогов типа *книзу от чего: Головки бедренных костей лежат кзади, кнаружи и кверху от вертлужных впадин; Кпереди и кнутри от артерии залегают подключичная вена; Книзу от надпереносья лобная кость переходит в отросток...* – не может идти в анатомический практикум уже на первом курсе. В словарях есть не все из таких предлогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова 1990 – Г.Н. Акимова. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
- Амиантова и др. 2001 – Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Баш и др. 1959 – Е.Г. Баш, Н.К. Венедиктова, М.В. Всеволодова, И.В. Толстой, Л.И. Шведова. Беспредложное и предложное управление. М., 1959.
- Безяева 2002 – М.Г. Безяева. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Белашапкова 1971 – В.А. Белашапкова. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей // Категория падежа в структуре и системе языка. Рига, 1971.
- Белашапкова 1974 – В.А. Белашапкова. Сложное предложение и словосочетание. (К вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
- Бондаренко 1961 – В.С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.

¹⁵ Пока эта статья проходила свой путь в редакции журнала, мы смогли выделить и сформулировать восемь операциональных методов, позволяющих определить грамматический статус словоформы полнозначного слова, в частности степень его опредложности, и условия предложного функционирования полнозначных единиц, не выходящих из своего частеречного класса. Этот материал требует отдельной публикации.

- Всеволодова 2000 – *М.В. Всеволодова*. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова 2008 – *М.В. Всеволодова*. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М., 2008.
- Всеволодова 2009 – *М.В. Всеволодова*. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // ВЯ. 2009. № 3.
- Всеволодова, Владимирский 2008 – *М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский*. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 2008.
- Всеволодова и др. 2003 – *М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов*. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
- Всеволодова, Панков 2008 – *М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков*. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 6.
- Всеволодова, Панков 2009 – *М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков*. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2009. № 1.
- Гак 1972 – *В.Г. Гак*. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Галактионова 2007 – *И.В. Галактионова*. Предлог: препозиция и постпозиция // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007.
- Грамматикализация 2002 – Грамматикализация пространственных значений. Исследования по теории грамматики 2 / В.А. Плунгян (ред.). М., 2002.
- ГР-70 – Грамматика русского литературного языка / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970.
- Дорофеева 1974 – *Т.М. Дорофеева*. Обязательная синтаксическая сочетаемость глагола в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Загнитко и др. 2007 – *А.П. Загнітко, І.Г. Данилюк, Г.В. Ситар, І.А. Щукіна*. Словник українських прийменників. Донецьк, 2007.
- Загнитко и др. 2009 – *А.П. Загнітко, К.М. Виноградова, І.Г. Данилюк, Н.Г. Загнітко, Н.В. Куц, М.В. Оранська, Т.М. Кітаєва, Г.В. Ситар, В.Л. Чекаліна, І.А. Щукіна*. Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських прийменників та їхніх еквівалентів. Донецьк, 2009.
- Золотова 1973 – *Г.А. Золотова*. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
- Исследования 2000 – Исследования по семантике предлогов: Сб. статей. М., 2000.
- Кириченко 2003 – *А.С. Кириченко*. Семантическая структура предлога «между» // Исследования по теории грамматики 2. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Клобуков 1986 – *Е.В. Клобуков*. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- Конюшкевич 2008 – *М.І. Канюшкевіч*. Беларuskія прыназоўнікі іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. Частка 1. Дыяпазон А–Л. Гродно, 2008.
- Крылов, Муравенко 2007 – *С.А. Крылов, Е.В. Муравенко*. Послелогии в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007.
- Кульпина 1986 – *В.Г. Кульпина*. Система падежного функционирования личных местоимений в польском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Ломтев 1972 – *Т.П. Ломтев*. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Лутин 2008 – *С.А. Лутин*. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
- Мухин 1964 – *А.М. Мухин*. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.
- Пайяр, Плунгян 2000 – *Л. Пайяр, В.А. Плунгян*. Предлог *над*. Факты и интерпретация // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Плунгян, Рахилина 2000 – *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*. По поводу «локалистской» концепции значения предлога *под* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Попова 1974 – *З.Д. Попова*. Падежные и предложно-падежные формы русского языка в связной речи. Воронеж, 1974.
- Потебня 2007 – *А.А. Потебня*. Мысль и язык. М., 2007.
- РГ-80 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Селивёрстова 1998 – *О.Н. Селивёрстова*. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском языке // Т.Н. Маляр, О.Н. Селивёрстова. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Мюнхен, 1998.

- Селивёрстова 2000 – *О.Н. Селивёрстова*. Семантическая структура предлога «на» // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Селивёрстова 2001 – *О.Н. Селивёрстова*. Значения предлогов и некоторые общие проблемы семантики // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Скобликова 1971 – *Е.С. Скобликова*. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Судзуки 2008 – *Рина Судзуки*. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Теория-5 – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996.
- Тихомирова 1972 – *Т.С. Тихомирова*. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Филиппова 1964 – *В.М. Филиппова*. Изменения в глагольных словосочетаниях // Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.
- Черкасова 1967 – *Е.Т. Черкасова*. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
- Шаранда 1981 – *А.Н. Шаранда*. Сравнительная типология категории предлога. М., 1981.
- Шереметьева 2007 – *Е.С. Шереметьева*. Проблема категориального статуса отыменных релятивов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007.
- Шереметьева 2008 – *Е.С. Шереметьева*. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.
- Шиганова 2001 – *Г.А. Шиганова*. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001.
- Янко 2001 – *Т.Е. Янко*. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Humboldt 1841–1852 – *W. von Humboldt*. Gesammelte Werke. Berlin, 1841–1852. Bd. 1–7.

СЛОВАРИ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.
- Даль – *В.И. Даль*. Словарь живого великорусского языка. Совмещенная редакция изданий В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании. Т. 1–4. М., 2003.
- МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.
- СОШ – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- СУ – Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- ССЗ – *Г.А. Золотова*. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М., 2001.
- ЭСРЯ – *А. Преображенский*. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- ЭСУЯ – *Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Редкол.: О.С. Мельничук (гол. редактор) та ін. Т. 4: Н–П / Уклад.: Р.В. Болдирєв та ін.; Ред. тому: В.Т. Коломісць, В.Г. Складенко. К., 2003.*
- ЭСЧ – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.

© 2010 г. А.С. РОГОВА

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В РУССКО-НОРВЕЖСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

В статье рассматривается языковое поведение русскоязычных иммигрантов, живущих в Норвегии в непосредственной близости к российско-норвежской границе. Как показало наше исследование, речь данной группы обладает спецификой, выделяющей ее из ряда других изученных примеров речевого поведения иммигрантов в ситуации доминирования другого языка. В статье анализируются возможные причины формирования подобной модели языкового поведения, заключающиеся в особенностях социально-культурной ситуации, сложившейся в русско-норвежском приграничье в последние два десятилетия.

Речь русскоязычных иммигрантов во Франции, Германии, Финляндии, США, Израиле и других странах с начала 1990-х гг. неоднократно становилась объектом социолингвистических исследований [Авина 2000; Гайнер, Ашкинази 2002; Голубева-Монаткина 1993; Гусейнов 1995; Лаллукка 2004; Протасова 2004; Leinonen 1992; Naiditch 2002 и др.]. При этом исследований, посвященных речи иммигрантов в Норвегии, нет, несмотря на то что там проживает значительная русскоязычная диаспора со своими социолингвистическими особенностями.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИММИГРАНТСКОЙ РЕЧИ

В поле зрения исследователей, обращающихся к речи русскоязычных иммигрантов, оказываются, как правило, ее лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности [Бразаускаене 2000; Гловинская 2001; Земская 1998; Протасова 1998; Язык русского зарубежья 2001 и др.]. При этом большинство исследований, посвященных группам русскоязычных иммигрантов в иноязычной среде, показывает достаточно единообразную картину особенностей речевого поведения в ситуации доминирования другого языка. Иммигранты активно включают в свою речь слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком [Latoma 1998; Жданова 2004; Земская 2004; Найдич 2005; Осипова 2002; Протасова 2004; Пфандль 1994]. Пишущие на эту тему приводят многочисленные примеры, подтверждающие эту закономерность: «для нее важен саксес [‘успех’]»; «я купила себе такие ботинки / вотапруф [‘водонепроницаемые’]» и др. [Земская 2004: 22–23]; «поставь посуду в дишвошерку» (от англ. *dishwasher* «посудомоечная машина») [Осипова 2002: 450]; «летом урлауб (нем. *Urlaub* “отпуск”) в Либаноне (ср. с нем. *Libanon* при русской норме *Ливан*)», «у меня счет в шпаркассе (нем. *Sparkasse* “сберкассе”)» [Жданова 2004: 89–91] и др.

Некоторую сложность вызывает определение статуса подобных отдельных слов какого-либо языка, включаемых в высказывание, полностью (грамматически и фонетически) построенное на другом (в данном случае русском) языке. Интерпретация отдельных слов иностранного языка, вставляемых в русскую речь, как заимствований в целом характерна для русскоязычной традиции изучения русского языка иммигрантов (см., например, [Земская 2002; Полинская 2004; Протасова 2000]). В ряде случаев присутствует эксплицитная негативная оценка данного явления; в частности, Е.А. Земская пишет

о том, что «заимствования – это явный враг родного языка» [Земская 2002: 38]. С другой стороны, Е.Ю. Протасова обращает внимание на заметные отличия данного явления от того, что традиционно именуется заимствованиями: «заимствования в русский язык, происходящие за пределами России, не всегда следуют тем же правилам, что заимствования из иных языков во внутривоссийском употреблении» [Протасова 2000: 59].

Другой взгляд на это явление можно встретить в работах американской исследовательницы К. Майерс-Скоттон, которая считает все подобные примеры (за исключением устоявшихся и вошедших в языковую норму заимствованных слов) переключением кодов (далее – ПК) независимо от длины и сложности иноязычных конструкций. К. Майерс-Скоттон предлагает рассматривать все элементы «вставного» языка как континуум, на одном конце которого находятся отдельные слова, а на другом – целые фразы [Myers-Scotton 2006: 254].

В данной статье при анализе материала мы будем считать все иностранные слова (помимо устоявшихся и вошедших в норму русского языка заимствований) в русской речи информантов примерами ПК. Однако это ПК не всегда происходит между русским и соответствующим иностранным языком: возможно и переключение между русским языком и новым регистром речи, который создается и используется иммигрантами и характеризуется включением слов иностранного языка в русскую речь. В качестве примера такого «нового регистра» можно привести вводимое М.С. Полинской понятие «эмигрантского русского языка», удобное для описания речи значительной части русскоязычных иммигрантов в США [Полинская 2004: 33]. К наиболее характерным чертам этого «эмигрантского русского языка» она относит употребление «ноу» вместо русского «нет», которое появляется в речи уже через 3–6 месяцев пребывания в США, когда иммигранты еще, как правило, не владеют английским языком, а также активное включение в речь английских слов [Там же: 35–36]. М.С. Полинская далее пишет, что «употребление английских заимствований считается настолько более уместным, что меня часто поправляют и делают замечания, когда я говорю *ковер* вместо *карпит* (англ. carpet), *фунт* вместо *паунт* или *наличные* вместо *кэш*» [Там же: 37].

М.А. Осипова отмечает, что собственно разговорный язык иммигрантов трудноуловим для исследователя, не принадлежащего к данному сообществу, т. к. «с приездом из России носители русского языка в США зачастую говорят на особом русском языке, не так, как они говорят друг с другом» [Осипова 2002: 45], то есть «русские американцы» осознают особенность того регистра русской речи, которым они пользуются в повседневной жизни при общении с определенными собеседниками: «иммигранты по сути дела пользуются, по крайней мере, двумя устными языковыми разновидностями (русского языка. – А. Р.)», одна из которых используется для общения со «своими», другая – с «чужими» [Там же: 450]. Первый вариант М.А. Осипова называет «региональным вариантом русского языка, бытующим в США» [Там же: 451].

Таким образом, мы можем говорить о том, что русскоязычные иммигрантские сообщества формируют новый регистр речи, который можно назвать «иностранно-русским». Он имеет следующие особенности: активное ПК между русским и соответствующим иностранным языками, выполнение функции языка внутригруппового общения при осознании говорящими его отличия от стандартного русского языка. Рассматривая русско-норвежские языковые контакты, мы будем говорить о регистре, который мы назовем «норвежским русским» (далее – НР). Данный регистр характеризуется активным переключением между русским и норвежским языками. Мы будем также исходить из того, что выбор языка осуществляется не только при использовании каждого конкретного норвежского слова в русском высказывании, но и при выборе регистра речи, для одного из которых (НР) нормой является использование норвежских слов и словосочетаний¹.

¹ Явления, когда постоянное и массовое ПК ведет к появлению немаркированного кода внутригруппового общения, описаны на материале более длительных контактов между различными языками (см., например, [Головки 2001]).

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Объектом нашего исследования, таким образом, является речь русскоязычных иммигрантов, живущих в русско-норвежском приграничье, в частности, в ближайшем к границе норвежском городе Киркенесе. Материал, легший в основу данной статьи, собран в ходе полевых исследований в Киркенесе в августе 2006 г. и в апреле–июне 2007 г., а также в Мурманске в мае 2008 г. Основную часть материала составляют 50 полуструктурированных интервью, общее количество информантов – 60 человек. Среди опрошенных есть русские и норвежцы, живущие как в Киркенесе, так и в Мурманске. Норвежские информанты большей частью являются представителями местной администрации (муниципалитета Сер-Варангер) и работниками социальной сферы (администрация школы и детских садов, полиция, сотрудники норвежского консульства в Мурманске и т. д.). Среди русских информантов – женщины, вышедшие замуж за норвежцев и живущие в Киркенесе от полугода до десяти лет; молодые люди и подростки, приехавшие в Норвегию с матерями, а также русские, работающие в Киркенесе. Часть русских информантов – люди, постоянно проживающие в Мурманске, но регулярно бывающие в Норвегии. Большая часть интервью записана на диктофон, остальные беседы зафиксированы в полевом дневнике.

Еще одним источником являются документы и, в первую очередь, местные газеты, издаваемые в Киркенесе («*Sør-Varanger Avis*») и в Мурманской области («*Советский Мурманск*», «*Комсомолец Заполярья*», «*Полярная правда*» за период 1991–2008 гг.). Важными для данного исследования являются также наблюдения, сделанные во время полевой работы в Киркенесе. В общей сложности три месяца, проведенные в Киркенесе, дали возможность наблюдать за естественным языковым поведением местных жителей в различных ситуациях общения, от случайных контактов в магазинах до встреч в русском православном приходе и занятий на курсах норвежского языка для иностранцев (где большинство студентов русские). Незначительная часть материала отражает языковое поведение русскоязычных иммигрантов, живущих в других регионах Норвегии (интервью и интернет-форумы).

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В НОРВЕГИИ

Если мы обратимся к материалу речи русских иммигрантов, живущих в Норвегии за пределами Киркенеса, то мы увидим картину, во многом аналогичную упомянутым выше ситуациям: в регистре, используемом языковым сообществом русских, живущих в Норвегии, допустимо (или даже предписано) употребление норвежских слов. НР осознается говорящими как отличный от стандартного русского языка, его используют в разговоре с определенными собеседниками:

Если я разговариваю с тобой или с Антоном, я, конечно, скажу: «Я *посёкала* на эту стипендию», – а если с мамой, то: «Я *подала* заявление на стипендию» (рус., ж., 25 лет, Альта²) (*посёкала* – от норв. *å søke* – «подать заявку»).

При использовании норвежских слов в высказывании, грамматическая рамка которого задана русским языком, в ряде случаев происходит их морфологическая адаптация. Глаголы спрягаются, приобретая типичные для русского языка окончания, существительные начинают склоняться в соответствии со словоизменительными моделями русского языка. Например: «Ну, утленингам-то со знаниями и образованием это замечательно» (норв. *utlending*, *-en* – рус. «иностранец»); «Он же еще и маркетсфёрингом занимается» (норв. *markedsføring*, *-en* – рус. «маркетинг»). Образуются также и новые слова по словоизменительным моделям русского языка на основе норвежских лексем.

² Здесь и далее в скобках указываются следующие сведения об информанте: национальность (рус. – русский / русская, норв. – норвежец / норвежка), пол, возраст, место постоянного (на момент интервью) проживания.

Например, получивший водительские права человек назван «офёрекорченным» (от норв. *foererkort* – рус. «водительские права»)³.

Казалось очевидным, что в Киркенесе мы столкнемся с аналогичной ситуацией функционирования русского языка в среде иммигрантов. Тем не менее, собранный здесь материал дает несколько иную картину. Норвежские слова, конечно, иногда обнаруживаются в речи русских иммигрантов, но такие примеры немногочисленны. Кроме того, большая часть примеров ПК в нашем материале связана с реализацией его референтной функции: название реалий, соответствия которым нет в русском языке или они слишком сильно отличаются по значению (напр., *videregaende* «старшие классы средней школы», *likningskontor* «налоговая инспекция», *vikar* «временный сотрудник» и т. п.), а также заполнение лексических лакун (если говорящий не знает, как называется тот или иной предмет по-русски). Например: «Потом уже идешь после 10 классов в *videregaende*, я не знаю, как это по-русски называется» (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Крайне незначительно количество примеров, где ПК на норвежский в пределах русского предложения выполняет другую функцию: «Нам важно, чтобы они понимали, что им говорит учитель. А *beholde morsmaal* [рус. “сохранить родной язык”] – это задача родителей» (рус., ж., 28 лет, Киркенес).

Немногочисленность случаев ПК и ограниченность их чисто прагматическими разновидностями не позволяет говорить о наличии НР в Киркенесе. За пределами же Киркенеса этот регистр несомненно существует, о чем свидетельствуют примеры активного ПК в речи русских иммигрантов, живущих в других регионах Норвегии. Иными словами, практически полное отсутствие включений норвежских слов в русскую речь в Киркенесе (и, соответственно, отсутствие здесь НР) не является спецификой норвежско-русского языкового контакта, т. е. не определяется лингвистическими характеристиками данных языковых систем, а является типичным именно для данного языкового сообщества и для данной территории.

Чтобы найти объяснение этому явлению, обратимся к анализу языковой и культурной ситуации в русско-норвежском приграничье.

«ПРИГРАНИЧЬЕ» КАК ОСОБОЕ ПРОСТРАНСТВО

Важным аспектом рассматриваемой территории является ее приграничное положение. Любая граница, в том числе и политическая, составляет неотъемлемую часть одной из универсальных оппозиций – оппозиции «своего» и «чужого». С понятием границы тесно связано понятие локальной (региональной) идентичности. Будучи частью социальной идентичности человека, локальная идентичность подразумевает личное чувство принадлежности к месту, к территории, занимаемой группой. Локальная идентичность не является неизменной во времени и пространстве, т. к. территории не вечны, а границам свойственно изменяться [Paasi 2007: 29]. Границы того, что воспринимается как «свое» пространство, могут меняться в зависимости от различных аспектов взаимоотношений между группами.

Политические границы, безусловно, влияют на то, где проводятся психологические границы, при этом и значение политической границы также не является неизменным. В советское время коммуникация между населением по обе стороны советско-норвежской границы была минимальна. После распада СССР произошли значительные изменения, которые затронули многие стороны жизни местного населения. В первую очередь, изменение границы повлекло за собой изменение социального пространства, его расширение как для русских, так и для норвежцев, которые стали постепенно осваивать территорию, ранее закрытую для них.

Если до 1991 г. в рассматриваемом нами регионе существовало две территории, четко отделенные друг от друга государственной границей, то после 1991 г. в дополнение

³ Данные примеры взяты из обсуждений в интернет-форуме русскоязычных жителей Норвегии (www.dom.no).

к ним возникло новое пространство «норвежско-российского приграничья», которое в восприятии тех, кто активно его осваивает, не является в полной мере ни Россией, ни Норвегией. Киркенес сегодня – это, безусловно, приграничный город. Это проявляется и внешне (вывески на норвежском и русском языке, норвежская и русская речь на улицах, автомобили с норвежскими и русскими номерами на парковках и т. д.), и на уровне экономической и политической жизни. По данным Центрального статистического бюро Норвегии, в 2007 г. в муниципалитете Сер-Варангер (административным центром которого является Киркенес), при общем населении 9463 человек (на 1 января 2006 года) постоянно проживало 282 русских, из которых большинство составляли женщины (211 человек).

На сегодняшний день практически всеми признается значение приграничного положения Киркенеса и сотрудничества с Россией для его развития. В исследовании о специфике Киркенеса как приграничного города приводится высказывание норвежки, жительницы Киркенеса: «Настоящие перемены здесь начались, когда была открыта граница с Россией»⁴ [Viken et al. 2007: 60]. Далее авторы подчеркивают, что эта цитата представляет собой идею, лежащую в основе общего нарратива о развитии города, и встроена в социальные практики, конструирующие сегодняшний Киркенес.

Идея единого трансграничного пространства реализуется как в политических и административных решениях, в официальном дискурсе, так и на уровне личностного восприятия территории. Мы можем, в частности, говорить о том, что для некоторых жителей Мурманска и Мурманской области (в том числе бывших, сегодня живущих в Киркенесе) в результате активного освоения пространства приграничья произошло снижение психологической значимости государственной границы и расширение «своего» пространства, которое включает в себя в том числе и Киркенес, точнее некоторую его «русскую» часть, имеющую полусхутливое неофициальное название «Кирсановка». Киркенес – это то место, куда ездят несколько раз в год за покупками, из аэропорта Киркенеса летают в отпуск и в командировки, значительная часть событий трансграничного сотрудничества (встречи, семинары, переговоры) сосредоточена также в Киркенесе.

Таким образом, Киркенес для мурманчан не является заграницей в полном смысле этого слова, и высказывание «курица не птица – Киркенес не заграница», которое можно услышать в Мурманске, становится не только шуткой. В статье мурманской газеты «Полярная правда», посвященной конфликтам между русскими и норвежцами на бытовом уровне, журналистка пишет:

Мы обречены если не на любовь, то, во всяком случае, на терпимое и доброжелательное отношение друг к другу. Ведь как Киркенес для мурманчанина не заграница, так и Мурманск для жителя Киркенеса близкий город («Полярная правда», 03.11.99).

Об этом же свидетельствуют высказывания жителей Мурманска, регулярно (несколько раз в год) бывающих в Киркенесе:

Если ты побывал в Киркенесе, то если по карте посмотреть, то ты естественно был на территории Норвегии, за границей, а так... [...] Русских там очень много, и не ощущается, что ты прям так вот за границей. Единственное, что другой валютой пользуешься, ну и пересекаешь границу, все эти формальности проходишь. Но тем не менее полного такого ощущения заграницы нету [...] ...абсолютно комфортно там себя ощущаешь, как дома (рус., ж., 25 лет, Мурманск).

Киркенес, он вообще приобрел новое название: Кирсановка и Кирик. То есть это как бы такое... маленький русский поселок. Кирсановка. Или маленький город. У нас есть там Киркенес-центр, торговый центр. И его называют «Волна». Все говорят: «Пойдем в “Волну” сходим, продуктов там купим», потому что у нас тут [в Мурманске] универмаг есть [с таким названием]. То есть очень много таких реалий, которые норвежские изначально, но русскими воспринимаются уже как что-то свое. Им проще назвать «Волной», чем «Киркенес-Центром» (рус., ж., 27 лет, Мурманск).

Как мы видим, Киркенес не воспринимается как чужое пространство, как заграница. Во втором примере интересно также использование местоимений при определе-

⁴ Здесь и далее перевод цитат мой. – А. Р.

нии Киркенеса и Мурманска. Про оба города информантка, которая живет и работает в Мурманске, говорит «у нас», разница только в том, что в Киркенесе – это «у нас там», а в Мурманске – «у нас тут».

Учитывая специфику восприятия пространства местным населением, обратимся теперь к объяснению особенностей языкового поведения русскоязычных иммигрантов, в частности – крайне редких случаев ПК в их русской речи. Рассмотрим факторы, которые обычно приводятся для объяснения ПК в речи иммигрантов.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ПК, И СЛУЧАЙ КИРКЕНЕСА

Г. Пфандль, исследующий языковое поведение русских иммигрантов в Германии, пишет о том, что одним из основных факторов изменения языкового поведения в условиях иммиграции является **исчезновение привычного языкового фона** [Пфандль 1994: 105]. Вторым крайне важным фактором он считает «утрату актуальной динамики языка», т. е. **оторванность от процесса естественного развития языка** [Там же: 107].

Иную причину специфики языкового поведения иммигрантов, рассматривая речь русской диаспоры в Германии, называет В.В. Жданова. Она связывает ее особенности с тем, что русскоязычные иммигранты являются в Германии **представителями недоминирующей системы** [Жданова 2004: 88]. В этом случае, подчеркивает она, личность «оказывается в окружении иного культурно-языкового сообщества со свойственными ему моделями поведения» [Там же]. В.В. Жданова проводит прямую параллель между речевым поведением иммигрантов и их ориентацией на русское или немецкое социокультурное пространство. Например, использование немецких слов в русской речи она объясняет как попытку говорящего заявить о своей принадлежности к немецкому языковому, культурному и социальному пространству. Переключение кодов в данном случае становится одним из способов создания желаемого – немецкого – образа. В.В. Жданова подчеркивает, что для иммигрантов, ориентированных на интеграцию, немецкий язык представляется более престижным. Престижность русского языка, в свою очередь, снижается, что является следствием изменений в системе ценностей индивида в новой среде [Там же: 92]. Неравенство языков в новой системе координат оказывается одним из определяющих факторов, воздействующих на языковое поведение иммигрантов.

Еще одну причину формирования особого регистра речи иммигрантов называет М.С. Полинская, которая объясняет стремление к включению англоязычного маркера в речь русских иммигрантов в США желанием выразить **солидарность с достаточно обособленным иммигрантским сообществом** [Полинская 2004: 35] или, другими словами, стремление приспособиться к жизни иммигрантской общины, которая позиционирует себя как «группу, отличную от аналогичных групп в метрополии» [Там же: 43].

В случае Киркенеса все перечисленные выше факторы либо отсутствуют, либо выражены в гораздо меньшей степени. Во-первых, языковой фон во многом остается привычным как благодаря большому количеству русских в Киркенесе, так и благодаря вывескам и объявлениям на русском языке, русскому телевидению, библиотеке с книгами и газетами на русском и т. п. Благодаря этим же причинам, а также близости России и частоте контактов, вряд ли можно говорить об оторванности от тенденций языкового развития в России. Контакты с русским языком метрополии реализуются как во время поездок в Мурманск или Мурманскую область на выходные, так и за счет регулярных приездов в Киркенес русских, постоянно живущих в России.

Что касается доминирования, то этот фактор выражен в Киркенесе существенно слабее, чем в цитированном выше описании В.В. Ждановой. Мы можем выделить две основных причины такой слабой выраженности. Во-первых, русские, живущие в Киркенесе, как правило, не стремятся стать норвежцами (хотя, безусловно, есть исключения). Во-вторых, с определенной долей уверенности мы можем говорить о том, что сегодня русский и норвежский языки имеют в Киркенесе более или менее равную

престижность. Русские в Киркенесе не заинтересованы в обязательной демонстрации своей принадлежности к норвежскому «культурному пространству», что связано с особенностями восприятия Киркенеса как особой приграничной территории. Этот фактор может быть особенно значим в среде подростков и молодых людей, для которых русский язык оказывается важным маркером внутригрупповой идентичности: знанию русского языка придается большое значение. В приведенном ниже примере (разговор трех девочек 10–11 лет) две девочки (Н и П) регулярно поправляют свою подругу (Л), которая приехала в Норвегию в возрасте четырех лет и говорит по-русски с небольшими ошибками. Две другие девочки живут в Норвегии два и три года соответственно:

1) Интервьюер: *А вы решили уже, кем хотите быть?*

[...]

Л: *А ты чем?*

Н: *А я .. Во-первых, не чем, а кем. Но я еще не знаю.*

2) Л: *Я их коплю, таких машин.*

П, Н: *Собира-а-аю!*

П/Н: *Коплю! (смеется) Собираю!*

Л: *Ну, собираю.*

Русский является основным языком общения в молодежной среде иммигрантов из России, несмотря на то что все они включены в норвежское общество посредством обучения в школе. Кроме того, учитывая тот факт, что многие молодые люди приехали из России достаточно взрослыми (а также всегда есть те, кто приехал сравнительно недавно), в среде русских всегда есть группа «экспертов», которые могут оценить знание языка и, по-видимому, «осмеять» говорящего неграмотно. Подобное отношение выражает, в частности, одна информантка, русская девушка 20 лет, с шести лет живущая в Киркенесе:

Также очень смешно смотреть на многих, которые переехали 2–3 года назад, которые уже говорят с акцентом по-русски, которые не умеют писать. Мальчик, которого зовут Ваня Петров, и который не разговаривает по-русски, и который приехал два года назад – это очень смешно видеть (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Негативное отношение к смешению русского и норвежского языков высказывают и взрослые информанты:

И перевести какой-то норвежский термин на русский язык они не в состоянии. Я не уверен, что они до конца понимают, что он значит. И они по-норвежски говорят, потому что толком не знают, что это такое. Примерно, может быть. Потому что объясняет норвежец. А как он объяснит? Он же русское слово не назовет (рус., м., 50 лет, Киркенес).

Ситуация, в которой русские не говорят по-русски или говорят с ошибками, воспринимается многими представителями среднего и старшего поколения как естественная, неизбежная. Молодые люди, по-видимому, склонны относиться к этому иначе: незнание русского языка вызывает насмешку. Так, вопрос, умеет ли она читать по-русски, вызывает у 11-летней девочки, приехавшей в Норвегию в дошкольном возрасте, удивление.

Такому отношению к языку отчасти способствует тот факт, что среди русских в Киркенесе распространено мнение, что их главное преимущество на рынке труда – это знание русского языка. Знание русского языка оказывается преимуществом при поиске работы, в первую очередь, в сфере услуг, а также в тех отраслях бизнеса, которые развивают сотрудничество с Россией.

Мне всего, в принципе, 20 лет, я устроилась на работу, у меня постоянная работа, у меня хороший доход только благодаря тому, что я знаю русский. (...) А те люди, которые собираются жить здесь, еще пару лет точно, они понимают, что без русского здесь, в принципе, никуда, если ты хочешь получить какую-нибудь нормальную работу (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Практическая ценность русского языка оценивается чем дальше, тем выше. Еще несколько лет назад русский язык представлялся бесполезным языком, важность знания

которого не шла ни в какое сравнение с важностью овладения норвежским. Сегодня, не отрицая необходимости знания норвежского языка, многие, и, в первую очередь, молодежь, высоко оценивают практическую значимость русского языка, что связано с расширением его функционирования в сфере экономических взаимоотношений. Таким образом, сегодня в Киркенесе русский язык применяется не только в семейных и бытовых ситуациях: в большей или меньшей степени он функционирует в тех же сферах, что и норвежский язык, за исключением, по-видимому, сферы государственного управления.

Наконец, говоря о ситуации в Киркенесе, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что русскоязычные жители Киркенеса не представляют собой единого иммигрантского сообщества и не осознают себя отличными от русских в России. В их повседневных практиках во многом очевидно сохранение ориентации на Россию. Символические границы «своего» пространства в данном случае не совпадают с государственной границей: Киркенес может не осознаваться русскими как собственно норвежское пространство. У многих русских иммигрантов в Киркенесе нет ощущения «заграницы», следовательно, в их социальной идентичности нет той компоненты, связанной с иммиграцией, для выражения и закрепления которой иммигранты, как правило, заимствуют чужой язык. Экспрессивная функция переключения кодов, которая, в том числе, символизирует социальную идентичность «иммигранта», человека, живущего в иноязычном и инокультурном окружении, оказывается не востребуемой и, следовательно, не возникает потребности в формировании нового регистра речи.

Сочетание данных факторов делает рассматриваемую нами ситуацию принципиально отличной от ситуации иммигрантов, оказавшихся в иных социокультурных условиях. Мы не можем говорить ни об утрате русского языка, ни о какой-либо особой борьбе за сохранение языка в данной среде. Основная специфика русской речи в среде русскоязычных иммигрантов в приграничье заключается, собственно говоря, в отсутствии какой-либо особой специфики. Говорить на русском языке считается естественным, и в последние годы это не вызывает какого-либо негативного отношения в обществе. Развитие русского языка в этой среде происходит вне отрыва от языкового развития метрополии. Это, в сочетании с особенностями социальной идентичности русскоязычных жителей норвежского приграничья, приводит к тому, что функционирование русского языка в приграничной Норвегии принципиально отличается от известных нам ситуаций функционирования родного языка в иммигрантской среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авина 2000 – *Н.Ю. Авина*. Об особенностях русской речи в Литве // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.
- Бразаускаене 2000 – *Е. Бразаускаене*. Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1.
- Гайнер, Ашкинази 2002 – *М. Гайнер, Л. Ашкинази*. Язык русской иммиграции в Америке // Диаспоры. 2002. № 4.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. О некоторых уязвимых синтаксических конструкциях в языке русской эмиграции // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А. Белошапковой. М., 2001.
- Головко 2001 – *Е.В. Головко*. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии Европейского университета в С.-Петербурге. СПб., 2001.
- Голубева-Монаткина 1993 – *Н.И. Голубева-Монаткина*. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. № 2.
- Гусейнов 1995 – *Г. Гусейнов*. Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии. Хельсинки, 1995.
- Жданова 2004 – *В.В. Жданова*. Русский язык диаспоры: идентификационные стратегии иммигрантов-билингвов // Русский язык за рубежом. 2004. № 3.
- Земская 1998 – *Е.А. Земская*. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // ИАН СЛЯ. 1998. № 4.
- Земская 2002 – *Е.А. Земская*. Сорняк или роза? (к вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // ИАН СЛЯ. 2002. № 4.

- Земская 2004 – *Е.А. Земская*. Специфика речи русской диаспоры на рубеже XX–XXI века // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*. 2004. 24.
- Лаллукка 2004 – *С. Лаллукка* (ред.). Доклады международного семинара «Русскоязычное население Финляндии», Хельсинки, 25–26 сентября 2003. Хельсинки, 2004.
- Найдич 2005 – *Л. Найдич*. Новая алия сохраняет русский // *Отечественные записки*. 2005. № 2.
- Осипова 2002 – *М.А. Осипова*. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Т.М. Николаева (отв. ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.
- Полинская 2004 – *М.С. Полинская*. Русский язык в США // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*. 2004. 24.
- Протасова 1998 – *Е.Ю. Протасова*. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // *Русистика сегодня*. 1998. № 3–4.
- Протасова 2000 – *Е.Ю. Протасова*. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // *ИАН СЛЯ*. 2000. № 4.
- Протасова 2004 – *Е.Ю. Протасова*. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
- Пфандль 1994 – *Г. Пфандль*. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // *Русский язык за рубежом*. 1994. № 4–5.
- Язык русского зарубежья 2001 – *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская*. М.; Вена, 2001.
- Latoma 1998 – *S. Latoma*. English in contact with «the most difficult language in the world»: the linguistic situation of Americans living in Finland // *International journal of the sociology of language*. 1998. 133.
- Leinonen 1992 – *M. Leinonen*. Language survival: Russian in Finland // *Slavica Tampereusia*. I. Tampere, 1992.
- Myers-Scotton 2006 – *C. Myers-Scotton*. Multiple voices: An introduction to bilingualism. Oxford, 2006.
- Naiditch 2002 – *L. Naiditch*. Code-switching and -mixing in Russian-Hebrew bilinguals // D.G. Gillbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in contact*. Amsterdam, 2002.
- Paasi 2007 – *A. Paasi*. Borders and regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective // *The flexible frontier: Change and continuity in Finnish-Russian relations. Aleksanteri Series*. 2007. № 5.
- Viken et al. 2007 – *A. Viken, T. Nyseth, B. Granås*. Kirkenes: The 'bordered' reinvention of a mining town // T. Nyseth, B. Granås (eds.). *Reinvention of place. Nordregio-rapport*. 2007.

© 2010 г. Д.В. ГЕРАСИМОВ

ВИДО-ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ПАРАГВАЙСКОГО ГУАРАНИ: СФЕРА ДЕЙСТВИЯ И ПОРЯДОК ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В настоящей статье предлагается краткий обзор видо-временной системы парагвайского гуарани (семья тупи-гуарани). Особое внимание уделяется относительному порядку грамматических показателей в агглютинативной глагольной словоформе. Порядок основных видо-временных суффиксов и клитик парагвайского гуарани иконически отражает соотношение их сфер действия: показатели с более широкой семантической сферой действия располагаются правее, т. е. дальше от корня. При этом видимые нарушения типологических универсалий порядка аффиксов, таких как принцип релевантности Дж. Байби, носят иллюзорный характер и исчезают при более внимательном взгляде на семантику соответствующих показателей.

1. ВВЕДЕНИЕ

Среди подходов к объяснению порядка следования морфем внутри словоформы важное место занимает принцип релевантности Дж. Байби [Bybee 1985: 20–23, 33–35], согласно которому в словоформе ближе к корню располагаются те аффиксы, значение которых более релевантно, т. е. в большей степени затрагивает семантику корня. В частности, теория Байби предсказывает, что аспектуальные показатели располагаются ближе к корню, нежели темпоральные, а темпоральные показатели – ближе к корню, нежели модальные [Ibid.: 34–35].

Эта тенденция надежно засвидетельствована во многих ареально и генетически разнородных языках мира, однако и из нее наблюдаются исключения. К языкам, для которых предсказания теории Байби как будто бы нарушаются, относится современный парагвайский гуарани. В настоящей статье мы детально рассмотрим факты гуарани, касающиеся относительного порядка основных видо-временных показателей, и постараемся продемонстрировать, что видимые нарушения принципа Байби носят иллюзорный характер и исчезают при более внимательном взгляде на семантику затрагиваемых показателей. Анализ будет вестись с опорой на понятие сферы действия, во многих отношениях являющееся развитием идеи «релевантности» грамматического показателя по Байби [Pesetsky 1985; Rice 2000; Boland 2006]. Мы покажем, что относительный порядок основных видо-временных суффиксов парагвайского гуарани иконически отражает соотношение их сфер действия: показатели с более широкой сферой действия располагаются правее, т. е. дальше от корня.

Вслед за [Rice 2000: 24–25] мы понимаем сферу действия в терминах композиционной семантики: показатель Z имеет более широкую сферу действия, нежели показатель Y , присоединяющийся к тому же самому выражению X , если значение Z «прибавляется» к сумме значений X и Y ¹. Понятие сферы действия является прямым

¹ У термина «сфера действия» в лингвистике есть как минимум еще три связанных, однако нетождественных значения. В работах по семантико-синтаксическому интерфейсу сферой действия называется фрагмент логической формы (LF), над всеми узлами которого этот оператор синкомандует. В отечественной лингвистике у рассматриваемого термина есть еще два значения, как кажется, отсутствующих у англоязычного термина «score» [Rice 2000: 24–25]. В [Богуславский 1996: 43] сфера действия лексемы определяется в рамках развиваемой в данной работе модели как

развитием и формализацией понятия релевантности в [Bybee 1985], недаром во многих публикациях последнего десятилетия термины «relevance» и «score» приводятся через косую черту как синонимы. Будучи сформулированной в терминах композициональной семантики, теория К. Райс сохраняет совместимость с когнитивным объяснением наблюдаемых закономерностей расположения морфем, а предлагаемая ею иерархия сфер действия практически изоморфна шкале релевантности Дж. Байби. Вместе с тем, переход на иной уровень рассмотрения явления, как это часто бывает в науке, сопровождался своего рода тактическим «шагом назад». Так, самой К. Райс идея о зависимости порядка аффиксов от соотношения сфер действия была изначально сформулирована в слишком радикальном виде: в настоящее время очевидно, что композициональная грамматическая семантика есть лишь один из факторов, оказывающих влияние на расположение морфем в предикатной словоформе и с утверждением [Rice 2000: 395] о том, что фиксированные порядковые модели возникают только в тех случаях, когда порядок применения семантических операторов, соответствующих аффиксам, нерелевантен, согласиться нельзя [Muysken 1986; Numan 2003]. Кроме того, подход в терминах сфер действия, по крайней мере, в том виде, в котором его понимает большинство исследователей, опирается на синхронную композициональность грамматической семантики, в то время как теория Байби изначально была тесно связана с диахроническими соображениями и теорией грамматикализации.

Тем не менее, подход, основанный на понятии сферы действия, имеет ряд преимуществ. Во-первых, он строится на более четко определенных терминах: утверждение о широкой сфере действия показателя в большинстве случаев можно проверить с точки зрения условий истинности; понятие релевантности является во многом интуитивным, и утверждение о большей релевантности той или иной граммемы для семантики корня в общем случае трудно верифицируемо. Во-вторых, понятие сферы действия легко переводимо на метаязыки формально-семантических теорий (у предшественниц которых оно отчасти и заимствовано, ср. [Muysken 1981; Pesetsky 1985]). В-третьих, этот подход позволяет в единых терминах объяснять относительный порядок «содержательных» глагольных категорий, таких как время, аспект и модальность, и категорий «синтаксических»: отрицания, залога, актантной деривации и т. д.; в литературе доминирует синтаксически-ориентированный подход к объяснению взаимного порядка последних [Baker 1985; Pesetsky 1985; Speas 1991; Alsina 1999; Stiebels 2003 и др.]. Наконец, подход, основанный на понятии сферы действия, позволяет объяснить случаи, когда одни и те же аффиксы могут меняться местами внутри глагольной словоформы с соответствующими изменениями в значении. Ср. следующие примеры из адыгейского языка (западнокавказская семья) и языка Верхней Некахи (тотонакская семья):

(1a) *A-щ къы-гу-ры-Іо-гъа-шьо*
TOT-ERG DIR-сердце-PREV-говорить-PAST-SML
'Кажется, он понял'.

(1б) *A-щ къы-гу-ры-Іо-шьуа-гъ*
TOT-ERG DIR-сердце-PREV-говорить-SML-PAST
'Казалось, он понимал' [Короткова, Ландер 2007].

(2a) *natawaʔo:kutumɑ:n:áʔ*
na-ta-wa-ʔo:-kutun-mɑ:n:án-lj
FUT-3PL.SUB-есть-TOT-DES-PROG-ST.PL-PFV
'они хотят все съесть (полностью)'.

фрагмент синтаксической структуры (далее – СинтС) текста, такой, что смысл входящих в него единиц заполняет некоторую семантическую валентность данной лексемы. Кроме того, в ряде работ по морфологии ([Плунгян 2001; Сичинава 2001] и др.) сферой действия грамматического показателя называется фрагмент парадигмы, в котором этот показатель может встречаться.

(2б) natawakutumə:ʔo:áʃ
 na-ta-wa-kutun-mə:-ʔo:-n:án-lj
 FUT-3PL.SUB-есть-DES-PROG-TOT-ST.PL-PFV
 ‘они все хотят есть’.

(2в) natawakutumə:n:anʔó:ʃ
 na-ta-wa-kutun-mə:-n:án-ʔó-lj
 FUT-3PL.SUB-есть-DES-PROG-ST.PL-TOT-PFV
 ‘они хотят поесть всего (т. е. попробовать все имеющиеся блюда)’ [Beck 2007].

В адыгейском примере (1а) суффикс претерита расположен слева от суффикса симилятива и имеет более узкую сферу действия: он локализует в прошедшем «вложенную» ситуацию, называемую глагольным корнем (‘он понимает’), в то время как семантика симилятива (‘казаться’) остается как бы «снаружи». В (1б) обратный порядок суффиксов соответствует обратному соотношению сфер действия: претерит относится к «внешней» ситуации (‘кажется, что он понимает’), и симилятив как бы попадает «внутри» прошедшего времени. В адыгейском языке порядок суффиксальных показателей иконически отражает порядок операций, которые слушающий должен проделать, чтобы композиционально «вычислить» из значений отдельных грамем значение всей глагольной словоформы. Несколько более сложный случай представлен в примерах (2а–в) из языка Верхней Некахи, где показатель тоталитатива -ʔo:- занимает различные позиции в словоформе в зависимости от того, над какой частью ситуации он осуществляет квантификацию: над действием, выраженным самой лексемой, над субъектом или над объектом.

В настоящей работе мы постараемся показать, что взаимный порядок основных видо-временных показателей глагола в парагвайском гуарани определяется именно соотношением их сфер действия, а также рассмотрим некоторые следствия, вытекающие из такого положения дел. Дальнейшее изложение построено следующим образом. Раздел 2 посвящен изложению проблемы: в нем перечисляются основные видо-временные показатели гуарани и устанавливается их относительный порядок. Раздел 3 кратко суммирует базовые сведения о морфосинтаксисе гуарани, необходимые для понимания дальнейших примеров. В разделе 4 дается сжатый обзор видо-временной системы гуарани, фокусирующийся на наиболее частотных показателях, фигурирующих в настоящей работе. Раздел 5 посвящен обсуждению некоторых асимметрий между основными показателями прошедшего и будущего времени, во многом связанных с различиями в сфере действия. В разделе 6 приводится собственно доказательство тезиса о соответствии порядка видо-временных аффиксов в гуарани соотношению сфер действия, основывающееся на рассмотрении семантики сочетаний различных аффиксов при одном глаголе.

2. ОСНОВНЫЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ИХ ПОРЯДОК

В гуарани значения аспектуально-темпорально-модального комплекса выражаются в глаголе суффиксами или постклитиками. Одним из ближайших к корню является показатель так называемого «тоталитатива» -*ra*, значение которого традиционно описывается как «исчерпанность действия» и относится к сфере перфекта (подробнее см. в разделе 4). За ним следуют показатели будущего времени, наиболее употребительным из которых является суффикс -*ta*:

(3) Ahániri-rõ ñande i-poriahú-va ja-hasa-pá-ta upe Parana sygu
 нет-COND мы.INCL 3-бедный-REL 1PL.INCL.A-переходить-TOT-FUT DEM Парана река
 ha ij-yvy-tuichá-va o-ĩ-ta hendá-icha.
 и 3-земля-большой-REL 3А-быть-FUT 3.место-MNR

‘В противном случае мы, бедняки, все уйдем на ту сторону Параны, а те, у кого много земли, останутся на месте’².

В то же время другой показатель сферы перфекта, суффикс *-ta*, занимает позицию правее показателя будущего времени:

- (4) Nde re-ḡuahẽ mboyve hendá-pe oge go-hasá-ta-ma.
ты 2SG.A-приходить до 3.место-LOC мы.EXCL 1PL.EXCL.A-переходить-FUT-PERF
‘Прежде чем ты придешь на место, мы уже сами доберемся туда’.

В [Tonhauser 2006: 249–254] при помощи целого ряда тестов обосновывается тезис о том, что семантика показателя *-ta* имеет скорее модальную, нежели темпоральную природу (см. также разделы 4 и 5), что, вообще говоря, вполне характерно для показателей из сферы будущего. Однако в свете этого наблюдения и обобщения Байби расположение этого суффикса столь близко к корню выглядит тем более замечательным.

Суффикс *-ta* является наименее маркированным способом выражения референции к будущему (это вообще самый частотный видо-временной показатель в гуарани). Ему противопоставлен показатель «второго будущего» *-ne*, выражающий референцию к будущему времени в сочетании с широким кругом модальных значений (возможность, намерение и т. д.). Этот суффикс занимает уже позицию правее *-ta*:

- (5) O-juhú-ma-ne katu ij-yké-re karai Poli, i-raíno,
3A-встречать-PERF-FUT2 же 3-сторона-RE сеньора Поли 3-крестный
ha vy'a-gui-gei térã nipo kyhyjé-gui
и радость-ABL-AUG или кажется страх-ABL
o-ñe-mbo-jere o-mbo-hare chu-pe: ...
3A-REFL-CAUS-поворачиваться 3A-CAUS-дорога 3-OBL
‘Он также обнаружил рядом сеньора Поли, своего крестного, и не то от радости, не то от испуга, повернулся и указал ему: ...’³

Показатель *-ne* является самым правым в ряду бесспорно суффиксальных видо-временных показателей, входящих в состав глагольной словоформы. Значение прогрессива / дуратива выражается при помощи спрягаемой частицы *(h)ina*, которую целесообразно рассматривать как клитику:

- (6) A-pu'ã meme ha a-ha a-porandu mba'é-pa oi-ko hína.
1SG.A-встать сразу и 1SG.A-идти 1SG.A-искать вещь-Q 3A-быть 3.PROG
‘Я сразу встал и пошел выяснять, что происходит’.

² Примеры, источник которых специально не указан, взяты нами из параллельного гуарани-испанского корпуса, разрабатываемого Лабораторией компьютерных исследований Центра малоизученных языков Университета штата Нью-Мехико (CRL NMSU) для нужд машинного перевода.

Для записи языковых примеров в настоящей работе используется стандартная современная орфография, утвержденная парагвайским Министерством образования и культуры. В ее основу положен фонематический принцип, и орфографическая запись способна адекватно заменить фонемную транскрипцию. В некоторых случаях мы допускаем отступления от принятой орфографии в том, что касается слитного / раздельного написания, поскольку в этом отношении она несколько непоследовательна и не вполне адекватна фактам морфологии языка. Отдельные примеры, заимствованные из существующих публикаций, приводятся в транскрипции, используемой в оригинальных источниках.

³ Семантика показателя *-ne* довольно сложна, а его сочетания с другими видо-временными показателями, в частности, с суффиксом перфекта *-ta* часто имеют идеоматизированную, некомпозиционную семантику. Пример (3) взят из нарратива, представляющего собой пересказ сна, т. е. в каком-то смысле относящегося к плану ирреалиса.

Энклитикой является также основной показатель референции к прошлому *kuri*. Относительный порядок *kuri* и (*h*)*ina* может варьироваться. В [Gregores, Suárez 1967: 151–152] утверждается, что при сочетании этих показателей в составе одного глагольного комплекса *kuri* чаще следует левее (*h*)*ina* (7), однако в наших примерах значительно преобладает обратный порядок (8):

(7) *Natã o-ñe-ha'arõ kuri hina Kalaíto Mbatoví-pe*
 сильно 3A-REFL-ждать PAST 3.PROG Калаито Матови-LOC
o-ḡuahẽ-ramo tava-'í-gui Naĩno,
 3A-приходить-COND город-DIM-AVL Наино
ha o-mombe'u o-ñe-mbo-hasa-ha-gue Paraguay-pe.
 и 3A-рассказывать 3A-REFL-CAUS-происходить-COMP-NPST Асунсьон-LOC
 'Они с нетерпением ждали Калаито в Матови, когда из города прибыл Наино и рассказал о том, что произошло в Асунсьоне'.

(8) *Ichu-gui o-kañy hina kuri pe Vito oi-kuaa-porã-itẽ-va.*
 3-AVL 3A-прятаться 3.PROG PAST DEM Виктор 3A-знать-хорошо-AUG-REL
 'От него было [все это время] скрыто то, что Виктор прекрасно знал'.

Таким образом, относительный порядок основных видо-временных показателей в парагвайском гуарани может быть суммирован в виде следующей таблицы (двойная вертикальная черта показывает место, где проходит граница глагольной словоформы; пунктирная черта между (*h*)*ina* и *kuri* обозначает вариативность во взаимном расположении этих показателей):

Таблица 1⁴

VERBUM	<i>-pa</i>	<i>-ta,</i> <i>-pota</i>	<i>-ma</i>	<i>-ne</i>	<i>hina</i>	<i>kuri</i>
глагольная основа	тоталитатив	будущее	перфект	будущее 2	дуратив	прошедшее
	вид	время / модальность	вид	время / модальность	вид	время

Нетрудно заметить, что порядок, представленный в Таблице 1, сразу в нескольких отношениях нарушает иерархию Байби: некоторые бесспорно аспектуальные показатели занимают позиции дальше от корня, нежели показатели времени, причем обладающие модальным оттенком значения.

3. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОРФОСИНТАКСИСЕ

Как видно уже из вышеприведенных примеров, в морфологическом отношении парагвайский гуарани относится к языкам преимущественно агглютинативного строя. В то же время способность многих корней выступать в неоформленном виде, а также большое количество неизменяемых частиц и клитик, представляющих различные стадии процесса грамматикализации, придает гуарани внешнее сходство с изолирующими языками [Dietrich 1990]. Нередки также случаи контекстной вариативности облика служебных и корневых морфем, однако фузионные явления носят единичный характер. Развита именная инкорпорация, хотя в современном языке наблюдается тенденция к

⁴ В Таблице 1 представлен лишь относительный порядок наиболее важных и частотных видо-временных показателей. Полная порядковая модель глагола гуарани включает в себя по меньшей мере 15 суффиксальных порядков, не считая ряда суффиксов, позиция которых в глагольной словоформе жестко не фиксирована, а также не менее 5 порядков постклитик.

лексикализации инкорпоративных комплексов [Velázquez-Castillo 1995]. Суффиксация незначительно преобладает над префиксацией. Префиксально выражаются лицо-число участника, императив, оптатив, большая часть значений актантной деривации; суффиксальное выражение имеют каузатив от переходных глаголов, значения аспектуально-темпорально-модального комплекса, дискурсивные категории.

В системе знаменательных частей речи наибольшее значение имеет противопоставление между «активами» и «стативами» [Nordhoff 2004]. К первым относятся переходные глаголы и активные непереходные глаголы, внутри вторых выделяются слабодифференцированные разряды имен, инактивных (непереходных) глаголов и прилагательных. Последние традиционно рассматриваются как подкласс инактивных глаголов. Вопреки встречающимся в литературе утверждениям о нерелевантности признака переходности для морфосинтаксиса гуарани [Климов 1977; Velázquez-Castillo 2003], лично-числовое и падежное маркирование [Герасимов 2005], а также ряд синтаксических и словообразовательных процессов (например, выбор показателя каузатива, см. [Velázquez-Castillo 2002]) четко противопоставляют переходные и непереходные глаголы.

В гуарани представлена система личного маркирования, характерная для языков тупи-гуарани и авети-маве, которая объединяет в себе иерархию лиц и явление «расщепленной непереходности» (split intransitivity). Имеется две серии личных префиксов глагола: активная и инактивная. Активные непереходные глаголы, согласуясь со своим единственным актантом, принимают лично-числовой показатель активной серии, а качественные глаголы, соответственно, – инактивной. Личные префиксы инактивной серии используются также в качестве показателей притяжательности имени⁵, см. Таблицу 2.

Таблица 2

Лично-числовые показатели активной и инактивной серий

лицо/число		‘радоваться’ (активный гл.)	‘помнить’ (инактивный гл.)	‘нож’ (имя)
Sg	1	a-vy’a	che-mandu’a	che-kyse
	2	re-vy’a	nde-mandu’a	nde-kyse
	3	o-vy’a	i-mandu’a	i-kyse
Pl	1+2	ja-vy’a	ñande-mandu’a	ñande-kyse
	1+3	ro-vy’a	ore-mandu’a	ore-kyse
	2	pe-vy’a	pende-mandu’a	pende-kyse
	3	o-vy’a	i-mandu’a	i-kyse

Переходный глагол согласуется с тем из своих ядерных актантов, лицо которого выше в дейктической иерархии $1 > 2 > 3$. При этом, если согласование контролирует участник с семантической ролью агенса, глагол принимает показатель активной серии, если же участник с ролью пациенса, соответственно, инактивной. Исключение составляют случаи, когда агенсом является говорящий (или множество людей, включающее говорящего), а пациенсом – слушающий (или множество людей, включающее слушающего). В этой ситуации используются специальные маркеры, кумулятивно выражающие лицо и число агенса и пациенса: *ro-* – при единственном числе пациенса и *ro-* – при множественном. Спряжение переходного глагола проиллюстрировано в Таблице 3 на примере глагола *pete* ‘шлепать, ударять’:

⁵ Строго говоря, форма *che-mandu’a* может означать не только ‘я помню / вспоминаю’, но и ‘мой воспоминания’, а *che-kyse*, соответственно, – не только ‘мой нож’, но и ‘у меня есть нож’. Разница в морфосинтаксическом поведении имен и инактивных глаголов крайне слаба и носит скорее количественный характер [Nordhoff 2004].

Лично-числовые показатели переходного глагола

A\P	1SG	2SG	3SG	1PL.INCL	1PL.EXCL	2PL	3PL
1	X	ro-pete	a-pete	X	X	po-pete	a-pete
2	che-pete	X	re-pete	X	ore-pete	X	re-pete
3	che-pete	nde-pete	o-pete	ñande-pete	ore-pete	pende-pete	o-pete
1+2	X	X	ja-pete	X	X	X	ja-pete
1+3	X	ro-pete	ro-pete	X	X	po-pete	ro-pete
2	che-pete	X	pe-pete	X	ore-pete	X	pe-pete
3	che-pete	nde-pete	o-pete	ñande-pete	ore-pete	pende-pete	o-pete

Распределение глаголов на классы зафиксировано в лексиконе и зависит от целого ряда семантических факторов. [Mithun 1991: 510–512] рассматривает противопоставление активных и инактивных глаголов как чисто аспектуальное, отождествляя его с противопоставлением процессов и состояний. Однако независимого критерия для различения этих двух акциональных классов для гуарани до сих пор не предложено (как это сделано для английского в [Vendler 1957; Dowty 1979; Freed 1979; Filip 1999] и др.); кроме того, М. Митун допускает возможность концептуализации одного и того же лексического значения и как процесса, и как состояния. Таким образом, ее гипотеза попросту неверифицируема. Весьма правдоподобной выглядит гипотеза [Velázquez-Castillo 1991], согласно которой основным семантическим параметром, отличающим активные глаголы от инактивных, является степень вовлеченности субъекта в действие; менее существенная роль отводится степени контролируемости действия субъектом. Так, глаголы *-tapo* ‘умирать’ и *kai* ‘гореть’ относятся к активным, поскольку обозначаемые ими процессы, хотя и неподконтрольны субъекту, но предполагают в нем сильные изменения. В отличие от гипотезы М. Митун, данный подход позволяет объяснить активный характер бытийных глаголов: хотя локативные и экзистенциальные предикаты сложно причислить к процессам, они называют ситуации, в которых субъект участвует целиком, во всей своей полноте. Вопрос о семантической мотивации расщепленной непереходности в гуарани в целом остается открытым [Adelaar 2000: 147; Velázquez-Castillo 2003: 137–156].

4. КРАТКИЙ ОЧЕРК ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ

Видо-временные показатели в парагвайском гуарани не организованы в сколько-нибудь регулярную морфологическую парадигму. Различные показатели демонстрируют различную степень грамматикализованности.

Наибольшую частотность по текстам имеет немаркированная форма глагола, представляющая собой чистую основу без каких-либо видо-временных показателей. Она может использоваться для референции как к настоящему (9), так и к прошедшему (10):

- (9) Viru-mi niko ai-kotevẽ ani haḡua a-ha po nandi-etc.
 деньги-DIM EMPH 1SG.A-нуждаться PRON чтобы 1SG.A-идти рука голый-AUG
 ‘Мне нужно немного денег, чтобы не идти с пустыми руками’.
- (10) Neta o-terere hikuái ha o-mba'e-mombe'u oju-pe.
 много 3A-пить.терере PL и 3A-вещь-разговаривать REC-OBL
 ‘Они пили много терере и беседовали’.

В большинстве публикаций утверждается, что немаркированная форма не может употребляться для референции к будущему [Gregores, Suárez 1967: 153; Tonhauser 2006:

235]. Есть, однако, несколько примеров, где подобная ситуация имеет место; все они либо допускают побудительную (императивную или гортативную) интерпретацию, либо относятся к контексту «запланированного будущего» (англ. *timetable future*, ср. русск. *Ближайший поезд отправляется в 23.59*). В [Tonhauser 2006: 234–235] отмечается, что в изолированном употреблении немаркированная форма скорее получает претериальную интерпретацию в случае предельных (*telic*) предикатов (11a) и презентную интерпретацию – в случае неопределенных (11b):

(11a) O-u.
3A-приходить
'Он пришел'. >> 'Он приходит'.

(11b) O-vu'a.
3A-радоваться
'Он рад'. >> 'Он обрадовался'.

Сколько-нибудь надежно проверить это утверждение на текстовом материале не представляется возможным, однако подобная ситуация является довольно распространенной в языках мира ([Welmers 1973; Frank 2004: 238–239; Шлуинский 2006: 179; Romeo 2008] и др.).

Из эксплицитных маркеров временной референции наиболее частотным (и наиболее морфологизованным) является суффикс будущего времени *-ta*, уже проиллюстрированный в примерах (1–2). Он представляет собой наиболее нейтральное средство выражения будущего времени; о некоторой специфике этого показателя речь пойдет более подробно в последующих разделах. В сфере будущего ему противопоставлены показатели *-pota* и *-ne*.

Суффикс ближайшего будущего *-pota* занимает ту же позицию в глагольной словоформе, что и *-ta*. Любопытно, что оба показателя восходят к глаголу *pota* 'хотеть', представляя собой различные степени его грамматикализации.

(12) *Peteĩ-va umi marĩno ao-vokó-pe o-je-juhu kuatione-ẽ*
один-REL DEM моряк одежда-карман-LOC 3A-REFL-находить бумага-речь
i-ró-pe o-hai-va'e-kue marĩno o-mano-mbotá-va
3-рука-LOC 3A-писать-REL-NPAST моряк 3A-умирать-IMMFUT-REL
hao-ẽ-myatã-va'e-kue hekové-re yga'yguuy ho-'y-guy-va'e-kue.
и 3A-REFL-поймать-REL-NPAST 3.живой-RE подлодка 3-вода-под-REL-NPAST

'В кармане одного из моряков было обнаружено написанное его рукой письмо, предсмертное письмо моряка, заточенного живьем в затонувшей подлодке'.

(Буквально: *письмо, которое написал своей рукой моряк, которому скоро предстояло умереть и который был заточен в затонувшей подлодке*).

Пример (12) демонстрирует, что показатель *-pota* локализует ситуацию на оси времени относительно момента референции, а не момента сообщения. То же самое относится и к *-ta* (см. ниже пример 39).

Суффикс *-ne*, проиллюстрированный в примере (3), описывается в существующих публикациях как показатель будущего времени с оттенком интенциональности, внешнего или внутреннего долженствования. Он также употребляется в целом ряде контекстов эпистемической модальности, в некоторых из которых сема отнесенности к будущему уже не прослеживается, ср. (14).

(13) «Ro-me'ẽ-ne katu», he'i chu-pe hikuái.
1PL.EXCL-давать-FUT2 же 3.говорить 3-OBL PL
'«Конечно же, мы тебе дадим», – ответили ему'.

(14) Oi-mé-ne ãva aña kóga, ajeve o-sẽ-mba-rei.
3A-быть-FUT2 DEM зло посев потому.что 3A-выходить-ТОТ-MAL
'Должно быть, их (сорняки) сажает сам дьявол, потому что они лезут повсюду'.

Учитывая, что подобные значения тесно связаны с дискурсивными характеристиками высказывания, а также плохо сохраняются в переводе, сколько-нибудь точно описать семантику этого суффикса, ограничиваясь рассмотрением корпусного материала и не прибегая к помощи носителей языка, довольно затруднительно. Кроме того, сочетание суффикса *-ne* с другими аспектуальными и темпоральными показателями часто имеют некомпозиционное значение, что не дает возможности говорить о сфере действия этого суффикса. Поэтому в дальнейшем обсуждении показатель *-ne* привлекаться не будет.

Показатели сферы прошедшего менее частотны; это связано с тем, что, как уже говорилось в начале данного раздела, темпорально немаркированная форма сама способна выражать референцию к прошлому. Наиболее употребительным из этих показателей является частица *kuri* (5–6, 15), источником грамматикализации которой является омонимичное наречие со значением промежутка времени (16).

- (15) На Felipe katu he'i: – Pyhare niko jaguarete o-gue.rahá kuri
и Фелипе же 3.говорить вечер ЕМРН ягуар 3А-нести PAST
peteĩ-mi kure o-gue.rekó-va ure kuña-karai i-mena-ve-'ỹ-va,
один-DIM свинья 3А-иметь-REL DEM женщина-господин 3-муж-SUP-CAR-REL
héga-va Huana.
3.имя-REL Хуана

‘Филипе же ответил: «Ночью ягуар утащил единственную свинью у вдовы по имени Хуана»’.

- (16) Kuri-vé-vo ja'é-ta o-pyta-ha o-mba'apo-mi menda
PAST-SUP-SIM 1PL.INCL.A.говорить-FUT 3А-оставаться-COMP 3А-работать-DIM брак
geru-rã-re, ha upéi oi-pota ña-me'ẽ ij-yvy-rã-ngue Anselma-pe
плата-NFUT-RE и затем 3А-хотеть 1PL.INCL.A-дать 3-земля-NFUT-NPAST Ансельма-OBL
‘Потом мы скажем, что он остался, чтобы подзаработать на свадьбу, и еще что он хочет, чтобы мы отдали причитавшуюся ему землю Ансельме’.

Показатель *kuri* имеет двойственную природу: он может использоваться для локализации ситуации на оси времени как предшествующей как моменту сообщения, так и интервалу референции. Большая часть употреблений приходится на случаи, когда время сообщения включается в интервал референции. Как правило, *kuri* используется тогда, когда темпоральная локализация ситуации в прошедшем не вытекает естественным образом из контекста. При наличии в предложении темпоральных обстоятельств, эксплицитно задающих время ситуации (например, наречия *kuéhe* ‘вчера’), употребление *kuri* невозможно (так называемый «эффект контекстной вытеснимости», см. [Даниэль, Плунгян 1996]). В то же время, этот показатель может сочетаться с обстоятельствами, которые в принципе могут быть проинтерпретированы и как относящиеся к прошлому, и как относящиеся к будущему, такими как *ko'ãga* ‘сегодня’ или *pyhare* ‘вечером, ночью’ (ср. пример 15 выше). В нарративе довольно типичным является употребление *kuri* в первой клаузе, для локализации всей истории в прошлом по отношению ко времени сообщения; после этого следует цепочка темпорально немаркированных форм. Ср. пример (17), представляющий собой начало сказки:

- (17) O-ĩ-je kuri ure kuju kapí'ipé-pepeteĩ ka'ajuku guý-pe,
3А-быть-REP PAST DEM кузнечик трава-LOC один подорожник под-LOC
o-guegeko-há-pe i-kuaga-mi.
3А-иметь-NMR-LOC 3-норка-DIM

‘Жил-был кузнечик в траве под листом подорожника, где у него была норка’.

По нашему мнению, наиболее адекватной является трактовка *kuri* как показателя «неконтактного прошедшего»: его употребление при глаголе невозможно, если обозначаемая данным глаголом ситуация продолжается в настоящем. Это представляется вполне естественным в свете диахронического происхождения рассматриваемой частицы.

Имея ряд общих черт с типичными показателями зоны «сверхпрошлого» [Plungian, van der Auwera 2006] *kuri* отличается от них тем, что в сочетании с предельными предикатами не приводит к антирезультативному прочтению.

Частица *kuri* противопоставлена другому частотному показателю референции к прошлому – *-va'ekue*:

- (18) O-mano-va'ekue che-gu ha o-pyta ché-ve ko Mbatovi.
 3A-умирать-DPAST 1SG-отец и 3A-оставлять 1SG-OBL DEM Матови
 'Мой отец умер и оставил мне Матови'.

Традиционно контраст между этими двумя показателями описывается как контраст между ближайшим и отдаленным прошедшим [Fernández-Guizetti 1969; Liuzzi 1987; Liuzzi, Kirtchuk 1989]. Скорее можно говорить о том, что *-va'ekue* маркирует отдаленное прошедшее, а *kuri* представляет собой немаркированный член оппозиции. В ряде работ можно встретить утверждения о том, что *kuri* используется только для выражения годиернального прошлого, т. е. маркирует ситуации, случившиеся в тот же день, что и момент речи [Gregores, Suárez 1967: 125; Melià et al. 1997: 102], однако такая трактовка не подтверждается материалом. Ср. следующий пример из [Tonhauser 2006: 264], записанный от носительницы в возрасте около 40 лет:

- (19) Che-mitã-me ai-mo'ã-ma kuri ko tekove o-pa-ta-ha
 1SG-ребенок-LOC 1SG.A-думать-PERF PAST DEM мир 3A-кончатся-FUT-COMP
 2012-pe.
 2012-LOC
 'В детстве я думала, что конец света наступит в 2012 году'.

Исследование Ю. Тонгаузер показывает, что противопоставление *kuri* и *-va'ekue* носит во многом прагматический характер и не может быть сформулировано в абсолютных временных терминах. Разные типы ситуаций требуют разных критериев разграничения между «давним» и «недавним». Сам по себе показатель *-va'ekue* образован сочетанием маркера релятивизации *-va* и суффикса «именного прошедшего» *-kue*⁶. (Аналогичным образом к сочетанию релятивизатора с суффиксом «именного будущего» *-rã* восходит показатель долженствования *-va'erã*.) Как и *kuri*, *-va'ekue* может употребляться в первой предикации нарратива для задания точки отсчета для последующего дискурса:

- (20) Che-valle-pe o-ĩ-va'ekue peteĩ karai.
 1SG-город-LOC 3A-быть-DPAST один сеньор
 'Был в моем городе один сеньор' [Tonhauser 2006: 265].

С другой стороны, показателю *kuri* противопоставлен показатель непосредственного прошедшего *-ramo*, локализирующий ситуацию на оси времени как непосредственно предшествующую моменту референции. Этот показатель занимает суффиксальный слот внутри словоформы, еще левее показателя тоталитатива *-pa-*. Подобно последнему, он перетягивает на себя ударение, в норме падающее на последний слог корня (21–22):

- (21) ...ha pe mitã-'i o-u-ramó-va
 и DEM парень-DIM 3A-приходить-IMMPAST-REL
 t-o-ñe-mbo-ja ché-ve ko'á-pe.
 OPT-3A-REFL-CAUS-приблизиться 1SG-OBL DEM-REL
 '...а этот мальчишка, который только что пришел, пусть подойдет сюда ко мне'.

⁶ О темпоральном маркировании на именных группах в типологической перспективе см. [Nordlinger, Sadler 2004]. Категории именного времени в парагвайском гуарани специально посвящены работы [Tonhauser 2006; 2007] (где, впрочем, предлагается называть эту категорию «именным аспектом», терминологическая дискуссия продолжается в [Nordlinger, Sadler 2008; Tonhauser 2008]).

К сфере прошедшего относятся также две глагольные частицы – *ra'e* и *raka'e*, выступающие в качестве аналогов *kuri* и *-va'ekue* соответственно в контекстах со сниженной утвердительностью. Последующие примеры иллюстрируют употребление *ra'e* для референции к прошедшему в инференциальном (22), гипотетическом (23), вопросительном (24) контекстах. В грамматиках *ra'e* иногда включают в число показателей отдаленного прошлого, однако см. пример (22), где временная дистанция между интервалом референции и моментом речи составляет несколько секунд:

- (22) – Ju'í-nte-ngo ra'e – he'i kuimba'e o-je-su'u-ramó-va,
 лягушка-только-EMPH DPAST 3.говорить мужчина 3A-REFL-кусать-IMMPAST-REL
 ha o-ho jeu hikuái.
 и 3A-идти опять PL
 [Контекст: человек, которого укусила змея, нагибается и видит в траве лягушку]
 '«Это же была всего лишь лягушка», – сказал укушенный только что мужчина, и они пошли дальше'.
- (23) Túva katu he'i ichu-pe: – Ja-ha tatay-pý-pe,
 отец же 3.говорить 3-OBL 1PL.INCL.A-идти огонь-внутренность-LOC
 nde-sy oi-mé-pe o-jaro-pá-ma ra'e tembi-'u-rã.
 2SG-мать 3A-быть-FUT2 3A-делать-ТОТ-PERF DPAST вещь-есть-NFUT
 'Отец же сказал ему: «Давай пойдем на кухню, твоя мама, наверное, уже все приготовила»'.
- (24) Chiko, ge-mo-nga-gu-pá-ma-ra ra'e umi kure?
 Франциско 2SG.A-CAUS-обедать-ТОТ-PERF-Q DPAST DEM.PL свинья
 'Франциско, ты покормил свиней?'

В сочетании с суффиксом будущего времени *-ta-* и показателем *-mo-*, *ra'e* употребляется в восклицательных предложениях со значением нереализуемого желания (25)⁷. Следует отметить, что эта конструкция отлична от канонического оптатива, вводимого префиксом *t(a)-*.

- (25) -Mba'e-icha-ta-mo ra'e che avei che-py'a-guasú Dav-icha.
 вещь-MNR-FUT-MO DPAST я также 1SG-сердце-большой Давид-MNR
 «Вот если бы я тоже был такой храбрый, как Давид!»

Аналогично *raka'e* выступает как аналог *-va'ekue*: показатель давнопрошедшего со сниженной утвердительностью. Эта частица часто употребляется в сочетании с показателями пересказывательности (*ndaje*, *jeko* и др.), ср.:

- (26) Yma-ite ndaje raka'e apelío guaraní meme o-ĩ ko ñane-retã-me.
 давно-AUG REP DPAST обращение гуарани всегда 3A-бытьDEM 1PL.INCL-страна-LOC
 'Говорят, что в былые времена все имена в нашей стране были на гуарани'.

Пример (27) иллюстрирует употребление в вопросительном контексте:

- (27) E-mombe'ú-py ñandé-ve tio Rréi
 IMP-рассказывать-RESP 1PL.INCL-OBL дядя Рейнальдо
 mba'é-icha-ra raka'e la ñogãirõ Cháko-pe.
 вещь-MNR-Q DPAST DET война Чако-LOC
 'Расскажи нам, дядя Рейнальдо, как оно было в Чакскую войну'.

Сочетание *raka'e* с показателем модально нагруженного будущего *-ne-* употребляется для выражения значения предположения:

- (28) Che-gumba-kure i-membú-ma-ne raka'e.
 1SG-животное-свинья 3-ребенок-PERF-FUT2 DPAST
 'Моя свинья, должно быть, уже давно опоросилась'.

⁷ Других употреблений суффикса *-mo-*, кроме как в составе конструкции, проиллюстрированной в (25), не выявлено, поэтому охарактеризовать его семантику представляется затруднительным.

Таким образом, система темпорально-модальных показателей гуарани может быть суммирована в виде следующей диаграммы (Рис. 1). Выше временной оси изображены показатели, употребляемые в контекстах немаркированного асертивного статуса, под ней – показатели, функционирующие в контекстах со сниженной утвердительностью. Перед нами не вполне симметричная, но довольно стройная система, чувствительная к таким семантическим параметрам, как временная дистанция и асертивный статус предикации.

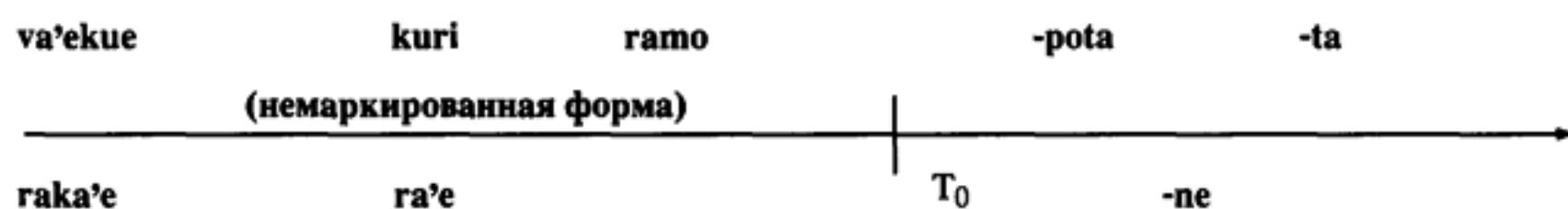

Рис. 1.

Более тонкий анализ системы будет предложен в следующем разделе. Однако прежде чем перейти к нему, необходимо охарактеризовать также семантику основных аспектуальных показателей. Хотя существует известный соблазн ограничиться стандартными ярлыками типа «перфект» или «прогрессив», аспектуальные граммемы в гуарани при всем внешнем сходстве значительно отличаются от канонических аспектуальных значений, представленных в европейских языках.

Упомянутый в начале статьи суффикс тоталитатива *-pa*⁸ представляет собой результат грамматикализации глагола *-pa* ‘кончатся’. Несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что при сочетании с неопредельными (atelic) предикатами этот показатель обозначает прекращение действия к моменту референции.

- (29) O-ku-**pa**.
 3A-идти(о дожде)-тот
 ‘Дождь прекратился’.

При сочетании же с предельными предикатами суффикс тоталитатива указывает на достижение предела ситуации, на то, что «инкрементальная тема» ([Dowty 1991]; «накопитель эффекта» в терминах [Падучева 2004]) полностью «исчерпана»:

- (30) A-terere ha a-terere-**pa** rige
 1SG.A-пить.терере и 1SG.A-пить.терере-тот после
 a-kontinua che-rembi-apo.
 1SG.A-продолжать 1SG-вещь-делать
 ‘Я пью терере, а выпив все / напившись, продолжаю работу’.

- (31) Ani re-mboka-**pu** hese, re-mondyi-**pá**-ta jakare
 PRON 2SG.A-ружье-звук 3.в 2SG.A-пугать-тот-FUT крокодил
 ha ave re-poi-**reí**-ta vála vуго-**reí**-re.
 и также 2SG.A-отпускать-зря-FUT патрон дурак-зря-RE
 ‘Не стреляй в нее, ты распугаешь всех крокодилов, да еще и потратишь патроны на бесполезную глупую тварь’.

- (32) O-ñani-**mba** opa o-ĩ-**va**.
 3A-бежать-тот все 3A-быть-REL
 ‘Все, кто присутствовал, разбежались’.

В примере (30) в качестве инкрементальной темы выступает кумулятивный прямой объект (напиток терере), либо, при другой интерпретации, имплицитный параметр ситуации, не соответствующий определенному поверхностному аргументу (степень удовлетворения жажды субъекта). В (31) *-pa* выражает полный охват множественного

⁸ В [Tonhauser 2006] и др. работах того же автора используется термин «комплетив» (completive aspect). Анализ аналогичного показателя в близкородственном языке мбыа см. в [Thomas 2007].

квантованного прямого объекта, а в (32), присоединяясь к непереходному глаголу, полный охват множественного квантованного субъекта. Ср. различные употребления суффикса *-ʔo:-* в примерах (2а–в) из языка Верхней Некахи.

Есть ряд контекстов (например, сочетание с бытийными глаголами), в которых взаимодействие *-ra* с акциональной семантикой предиката не вполне укладывается в приведенную выше формулировку (да и вопрос о рабочих тестах на предельность глагола применительно к парагвайскому гуарани вряд ли можно считать окончательно решенным), однако обсуждение этой проблематики выходит за рамки настоящей статьи.

Суффикс тоталитатива *-ra* занимает в цепочке аспектуально-темпоральных суффиксов следующую позицию за показателем непосредственного прошедшего *-ramo*. Он также перетягивает на себя ударение с корня (32), что свидетельствует о высокой степени грамматикализации.

Другой суффикс из сферы перфекта, *-ta*, указывает на то, что ситуация имеет место в момент референции, подчеркивая при этом, что она не имела места в некоторый момент, предшествовавший моменту референции. В испанском переводе ему часто соответствует частица *ya* 'уже' (употребляемая, кстати, как заимствование и в разговорном гуарани нередко вместе с этим показателем).

(33) *Na'é-ma ndé-ve*
 1SG.ГОВОРИТЬ-PERF 2SG-OBL
 'Я уже сказал тебе'.

В отличие от канонического перфекта европейских языков, *-ta* свободно сочетается с неопределенными предикатами (34). Таким образом, этот «перфект» не является, строго говоря, перфективным: он не указывает на достижение конечной точки ситуации и представляет собой «нейтральный ракурс» (*neutral viewpoint aspect*) в терминах [Smith 1997(1991)].

(34) *Ko'á-gui che ańó-nte-ma hay'ú-ta ko'á-pe,*
 здесь-ABL я в.ОДИНОЧКУ-ТОЛЬКО-PERF 1SG.A.ПИТЬ-FUT здесь-LOC
che-mba'é-ma ko y-kua.
 1SG-ВЕЩЬ-PERF DEM ВОДА-ОТВЕРСТИЕ
 'Отныне только я буду пить здесь, теперь этот источник мой'.

Основным средством выражения прогрессивного значения является спрягаемая постглагольная клитика (*h*)*ina*, восходящая, по-видимому, к одному из бытийных глаголов [Fernández Guizzetti 1966: 190; Bertinetto 2006]. Ее морфосинтаксическое поведение довольно любопытно: с одной стороны, она демонстрирует определенную степень синтаксической свободы; с другой стороны, на стыке формы 1SG *a-ina* и глагольной основы происходит чередование, характерное для границы между морфемами, а не словоформами.

Прогрессивное значение (*h*)*ina* выражает в сочетании с динамическими предикатами:

(35) *Ko'ě-gurí, a-páy-gamo, a-hendu sapy'a kuña oga jága,*
 утро-около 1SG.A-вСТАВАТЬ-COND 1SG.A-СЛЫШАТЬ ВДРУГ женщина дом хозяин
ore-machu ure ruhare ambué-pe, o-ja'o i-ména-me hína,
 1PL.EXCL-КУХАРКА DEM ВЕЧЕР ДРУГОЙ-LOC 3A-ругАТЬ 3-МУЖ-OBL 3.PROG
ha'e nd-o-ñangarekó-i ha-gué-re va-icha peteĩ mba'e
 он NEG-3A-заБОТИТЬСЯ-NEG COMP-NPAST-RE REL-MNR один вещь
che nd-ai-kuaá-i-va.
 я NEG-1SG.A-ЗНАТЬ-NEG-REL

'Наутро, когда я проснулся, я внезапно услышал, как хозяйка дома, наша вчерашняя кухарка, ругала своего мужа за то, что он не позаботился о чем-то, мне неизвестном'.

употребление исключено; для локализации зависимой предикации в прошедшем используется маркер именного прошедшего.

(iv) Показатели сферы прошедшего могут выражать темпоральную локализацию ситуации как относительно времени референции, так и относительно времени сообщения; суффиксы сферы будущего локализуют ситуацию относительно времени референции, демонстрируя, таким образом, скорее свойства прогрессива, нежели собственно будущего времени.

(v) Показатели прошедшего и будущего времени могут употребляться одновременно при одном предикате; при этом их сочетание указывает на некоторое нереализованное событие в прошлом (39), но не, скажем, на некоторое совершенное событие в будущем.

- (39) O-jaro-ta hína kuri rego nd-oi-kuaá-i mba'é-ra.
ЗА-делать-FUT 3.PROG PAST но NEG-ЗА-знать-NEG вещь-Q
'Они собирались делать, да не знали, что'.
*'Они сделают, только не знают, что именно'.

Эти и некоторые другие факты позволили Ю. Тонгаузер [Tonhauser 2006: 249ff] утверждать, что суффикс будущего времени *-ta* и другие маркеры референции к будущему в гуарани имеют скорее модальный, нежели темпоральный характер и что парагвайский гуарани должен быть охарактеризован как язык, лишенный категории времени (*tenseless language*). Менее радикально гуарани может быть охарактеризован в терминах [Bhat 1999] как язык с приоритетом модальности (*mood-prominent language*), где для выражения референции к будущему используются показатели из сферы ирреалиса. Однако в свете последнего вывода порядок показателей, описанный в разделе 2, выглядит тем более удивительным⁹.

В то же время асимметрии (i) и (iii–v) хорошо укладываются в гипотезу о том, что показатель прошедшего времени имеет более широкую сферу действия, нежели суффиксы будущего времени *-ta* и *-pota*. Последнее типологически не удивительно, поскольку оба суффикса представляют собой результат грамматикализации глагола желания. По данным [Voland 2006: 90], модальные показатели, развившиеся из дезидеративных глаголов, обычно имеют довольно узкую сферу действия.

6. ЭФФЕКТЫ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ

В настоящем разделе мы попытаемся привести еще один сильный аргумент в пользу гипотезы, высказанной в последнем абзаце предыдущего раздела. Этот аргумент основывается на семантическом поведении аспектуальных показателей (*h*)*ína* и *-ta*, занимающих в глагольном комплексе позицию между показателями будущего и прошедшего времени. В последующих примерах мы покажем, что эти показатели имеют более широкую сферу действия, нежели будущее время, но более узкую, нежели прошедшее. Таким образом, относительный порядок всех рассматриваемых показателей отражает соотношение их сфер действия.

В примере (40) (это реплика арестанта, который услышал, что судье привезли доказательства его невиновности) сфера действия показателя (*h*)*ína* очевидным образом включает в себя оператор будущего времени. Верен первый перевод, в котором (*h*)*ína* употребляется в своем «стативном» значении, указывая на текущую релевантность всей ситуации, выраженной формой *a-sē-mbota-ité-ko*. Второй перевод, в котором (*h*)*ína* включает в свою сферу действия только собственно лексическую семантику (динамической) основы и получает прогрессивную интерпретацию, сам попадая в сферу действия показателя ближайшего будущего, в рассматриваемом контексте не име-

⁹ Мы, однако, полагаем, что *-ta* является показателем проспективного будущего, а все его модальные прочтения обусловлены контекстом, конвенциональными импликациями и т. д. По-видимому, Ю. Тонгаузер в последних работах приходит к тому же выводу [Tonhauser 2009b; to appear].

ет смысла. Пример (40) и подобные ему крайне интересны с точки зрения устройства аспектуальной композиции в гуарани, однако эта проблематика выходит за рамки настоящей статьи.

- (40) A-sě-mbota-ité-ko'-a-ína ré-icha-rõ.
 1SG.A-выходить-IMMFUT-AUG-EMPH-1SG.A-PROG DEM-MNR-COND
 'Если так, то я скоро выйду отсюда'.
 (= такова релевантная ситуация, что я должен скоро выйти)
 *'Раз так, я скоро буду выходить отсюда'.
 (= буду находиться в процессе выхода)

Аналогичная ситуация наблюдается в примере (41):

- (41) – Ña-sě-mbota-ite-ma hína ka'aguý-gui. – he'i mamá,
 1PL.INCL.A-выходить-IMMFUT-AUG-PERF 3.PROG лес-ABL 3A.говорить мама
 e-ma'ẽ-mí-na ndapepeté-ma o-je-kuaa ñu.
 IMP-смотреть-DIM-RESP очень.близко-PERF 3A-REFL-знать поле
 «Мы вот-вот уже выйдем из леса, – сказала мама. – Смотри-ка, вон уже видно поле».

Пример (42) взят из [Gregores, Suarez 1967: 155]. Приводимый авторами перевод, в котором оператор будущего времени имеет сферу действия над (*h*)ína, звучит довольно искусственно. Мы предполагаем, что в данном случае авторы допустили ошибку (каковых, к сожалению, довольно много в этой широко известной грамматике) и перевод должен быть исправлен по образцу примеров (39–41).

- (42) 'ága-ite mã o-guahê-ta hína la o-ho-va'e-kue.
 сейчас-AUG уже 3A-приходить-FUT 3.PROG DET 3A-идти-REL-NPAST
 'Very soon now the one who went will be arriving'.

Правильный перевод: 'Теперь уже скоро придет тот, кто ушел' (такова релевантная в настоящий момент ситуация, что он придет).

При сочетании (*h*)ína и *kuri* наблюдается обратная ситуация: (*h*)ína попадает в сферу действия оператора прошедшего времени (43–44):

- (43) Ré-ina gamo-ite ai-me='a-ína kuri Misiones-pe
 DEM-DUR(?) COND-AUG 1SG.A-быть=1SG.A-PROG PAST Мисьонес-LOC
 lo mitã ndive.
 DET.PL сосед с
 'Как раз в это время я жил в Мисьонес с соседями'.

- (44=8) Ichu-gui o-kañu hína kuri pe Vito oi-kuaa-porã-ité-va.
 3-ABL 3A-прятаться 3.PROG PAST DEM Victor 3A-знать-хорошо-AUG-REL
 'От него было [все это время] скрыто то, что Виктор прекрасно знал'.

Можно предположить, что в тех случаях, когда (*h*)ína следует за показателем прошедшего времени, он имеет более широкую сферу действия, однако подобные примеры пока слишком малочисленны для того, чтобы делать определенные выводы:

- (45=7) Natã o-ñe-ha'arõ kuri hína Kalaíto Mbatoví-pe
 сильно 3A-REFL-ждать PAST 3.PROG Калаито Матови-LOC
 o-ñeahê-gamo tava-'í-gui Naño,
 3A-приходить-COND город-DIM-ABL Наино
 ha o-tombe'u o-ñe-mbo-hasa-ha-gue Paraguaý-pe.
 и 3A-рассказывать 3A-REFL-CAUS-происходить-COMP-NPAST Асунсьон-LOC
 'Они с нетерпением ждали Калаито в Матови, когда из города прибыл Наино и рассказал о том, что произошло в Асунсьоне'.

Аналогичный семантический эффект наблюдается при сочетании с показателями будущего времени аспектуального показателя *-ta*. В этом случае, однако, семантическая разница между двумя вариантами соотношения сфер действия не столь ощутима:

- (46) *Upé-va, che-paino, nd-ai-kuaa-vé-i-ma;*
 DEM-REL 1SG-крестный NEG-1SG.A-знать-SUP-NEG-PERF
a-ha-ta-há-ma-nte ai-kuaa
 1SG.A-идти-FUT-COMP-PERF-только 1SG.A-знать
ha mombuyu roã ave i-katú-gõ.
 и далеко хорошо также 3-возможно-COND
 ‘Этого, крестный, я уже не знаю, я только знаю, что уйду и очень далеко, если это возможно’.
- (47) *O-gambosa-ra gire ha'e-kuéga he'i hoga.ygua-kuéga-pe:*
 3A-завтракать-ТОТ после он-PL 3A.говорить домочадец-PL-OBL
go-hó-ta-ma.
 1PL.EXCL-идти-FUT-PERF
 ‘После завтрака они сказали своим домашним: «Мы уже выходим»’.
- (48) - *Ña-i-mbota-ite-ma hína mamá, – he'i Tani.*
 1PL.INCL.A-быть-IMMFUT-AUG-PERF 3.PROG мама 3A.говорить Эстанисла
 ‘«Мы уже почти готовы, мама», – сказала Эстанисла’.

Таким образом, типологическое своеобразие видо-временной системы парагвайского гуарани заключается не столько в линейном порядке показателей, как таковом, сколько в соотношении их сфер действия, отражением которого является этот порядок. В ряде случаев сфера действия аспектуального показателя включает в себя оператор временной референции, что несколько противоречит традиционным представлениям о взаимодействии аспектуальной и темпоральной семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславский 1996 – *И.М. Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Герасимов 2005 – *Д.В. Герасимов*. Гуарани как язык номинативного строя // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения–2004. СПб., 2005.
- Даниэль, Плунгян 1996 – *М.А. Даниэль, В.А. Плунгян*. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии) // ИАН СЛЯ. Т. 55 (1). 1996.
- Климов 1977 – *Г.А. Климов*. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Короткова, Ландер 2007 – *Н.А. Короткова, Ю.А. Ландер*. Логика полисинтетической словоформы: адыгейский материал // Контенсивная типология естественных языков. Материалы междунар. научно-практич. конф. Махачкала, 2007.
- Плунгян 2001 – *В.А. Плунгян*. Анतिрезультатив: до и после результата // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // ВЯ. 2004. № 5.
- Сичинава 2001 – *Д.В. Сичинава*. Плюсquamперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Шлуинский 2003 – *А.Б. Шлуинский*. Аспектуальный класс и аспектуальные значения: независимость и взаимодействие // Грамматические категории: Иерархии, связи, взаимодействие. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2003.
- Adelaar 1994 – *W.F.H. Adelaar*. The nasal / oral distinction in Paraguayan Guaraní suffixes // *Revista Latinoamericana de Estudios Lingüísticos*. 1994. V. 8.
- Adelaar 2000 – *W.F.H. Adelaar*. International journal of American linguistics. Chicago, 2000. V. 66 (1). Rec.: M. Velázquez-Castillo. The grammar of possession: Inalienability, incorporation and possessor ascension in Paraguayan Guaraní.
- Alsina 1999 – *A. Alsina*. Where's the mirror principle? // *The linguistic review*. 1999. V. 16.
- Baker 1985 – *M.L. Baker*. The mirror principle and morphosyntactic explanation // *Linguistic inquiry*. 1985. V. 16.
- Beck 2007 – *D. Beck*. Variable affix orderings in Upper Nexaca Totonac // *Proceedings of the 12th Workshop on structure and constituency in the languages of the Americas*. University of British Columbia working papers in linguistics. Vancouver, 2007.

- Bertinetto 2006 – *P.-M. Bertinetto*. On the tense-aspect system of Bolivian Chaco Guaraní // *W. Dietrich* (cur.). *Guaraní y «Mawetí-Tupí-Guaraní»*. Estudios históricos y descriptivos sobre una familia lingüística de América del Sur. Münster, 2006.
- Bhat 1999 — *D.N.S. Bhat*. The prominence of tense, aspect and mood. Amsterdam, 1999.
- Boland 2006 – *A. Boland*. Aspect, tense and modality: theory, typology, acquisition. Utrecht, 2006.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee*. Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Cinque 1999 – *G. Cinque*. Adverbs and functional heads. Oxford, 1999.
- Dietrich 1990 – *W. Dietrich*. Chiriguano and Guarayo word formation // *D.L. Payne* (ed.). *Amazonian linguistics: studies in Lowland South Amazonian languages*. Austin, 1990.
- Dowty 1979 – *D. Dowty*. Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrech, 1979.
- Dowty 1991 – *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. V. 67. № 3.
- Fernández Guizzetti 1966 – *G. Fernández Guizzetti*. La polisemia del símbolo lingüístico y otras falacias acerca de la indole del significado // *Suplemento antropologico de la revista del Ateneo Paraguayo*. 1966. V. 2. № 1.
- Fernández Guizzetti 1967 – *G. Fernández Guizzetti*. Las marcas aspecto-temporales en el guaraní común del Paraguay // *Bulletin de la faculté des lettres de Strasbourg*. 1967.
- Filip 1999 – *H. Filip*. Aspect, eventuality types and nominal reference. New York; London, 1999.
- Frank 2004 – *D.B. Frank*. TMA and the St. Lucian Creole verb phrase // *G. Escure, A. Schwegler* (eds.). *Creoles, contacts and language change: linguistic and social implications*. Amsterdam, 2004.
- Freed 1979 – *A.F. Freed*. The semantics of English aspectual complementation. Dordrecht, 1979.
- Gregores, Suárez 1967 – *E. Gregores, J.A. Suárez*. A description of colloquial Guaraní. The Hague; Paris, 1967.
- Hyman 2003 – *L. Hyman*. Suffix ordering in Bantu: a morphocentric approach // *G. Booij, J. van Marle* (eds.). *Yearbook of morphology 2002*. V. 3. Dordrecht, 2003.
- Liuzzi 1987 – *S.M. Liuzzi*. Temps et aspect en guaraní. These de doctorat de 3ème cycle. Paris IV, 1987.
- Liuzzi, Kirtchuk 1989 – *S.M. Liuzzi, P. Kirtchuk*. Tiempo y aspecto en Guaraní // *Amerindia*. 1989. V. 14.
- Melià et al. 1997 – *B. Melià, L. Farré, A. Pérez*. El guaraní a su alcance. Asunción, 1997.
- Mithun 1991 – *M. Mithun*. Active / agentive case marking and its motivations // *Language*. 1991. V. 67.
- Muysken 1986 – *P. Muysken*. Approaches to affix order // *Linguistics*. 1986. V. 24.
- Nordhoff 2004 – *S. Nordhoff*. Nomen / Verb-distinktion im Guaraní. Universität zu Köln. Arbeitspapier № 48. 2004.
- Nordlinger, Sadler 2004 – *R. Nordlinger, L. Sadler*. Nominal tense in cross-linguistic perspective // *Language*. 2004. V. 80 (3).
- Nordlinger, Sadler 2008 – *R. Nordlinger, L. Sadler*. When is a temporal marker not a tense? Reply to Tonhauser // *Language*. 2008. V. 84 (2).
- Pesetsky 1985 – *D. Pesetsky*. Morphology and logical form // *Linguistic inquiry*. 1985. V. 16.
- Plungian, van der Auwera 2006 – *V.A. Plungian, J. van der Auwera*. Towards a typology of discontinuous past marking // *STUF*. 2006. V. 59 (4).
- Rice 2000 – *K. Rice*. Morpheme order and semantic scope: word formation in an Athabascan verb. Cambridge, 2000.
- Romeo 2008 – *N. Romeo*. Aspect in Burmese: meaning and function. Amsterdam, 2008.
- Smith 1997(1991) – *C.S. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1997.
- Speas 1991 – *M. Speas*. Functional heads and inflectional morphemes // *Linguistic review*. 1991. V. 8.
- Stiebels 2003 – *B. Stiebels*. Transparent, restricted and opaque affix orders // *U. Junghanns, L. Szucsich* (eds.). *Syntactic structures and morphological information*. Berlin; New York, 2003.
- Thomas 2007 – *G. Thomas*. Quantification, completive aspect and degree modification in Mbyá // *A. Deal* (ed.). *Proceedings of SULA4*. Amherst, 2007.
- Tonhauser 2006 – *J. Tonhauser*. The temporal semantics of noun phrases: evidence from Guaraní. PhD thesis. Stanford, 2006.
- Tonhauser 2007 – *J. Tonhauser*. Nominal tense? The meaning of Guaraní nominal temporal markers // *Language*. 2007. V. 83 (4).
- Tonhauser 2008 – *J. Tonhauser*. Defining cross-linguistic categories: the case of nominal tense // *Language*. 2008. V. 84 (2).

- Tonhauser 2009a – *J. Tonhauser*. Counterfactuality and future time reference: the case of Paraguayan Guaraní *-mo'ã* // *Proceedings of Sinn und Bedeutung XIII*. 2009.
- Tonhauser 2009b – *J. Tonhauser*. Is Paraguayan Guaraní a tenseless language? // *Proceedings of semantics of Under-represented languages of the Americas (SULA) 5*. 2009.
- Tonhauser, to appear – *J. Tonhauser*. The Paraguayan Guaraní future marker *-ta*: formal semantics and cross-linguistic comparison // *M. Rathert, R. Musan (eds.)*. *Tense across languages*. Tübingen, to appear.
- Velázquez-Castillo 1991 – *M. Velázquez-Castillo*. The semantics of Guaraní agreement markers // *Proceedings of the 17th annual meeting of the BLS*. 1991.
- Velázquez-Castillo 1995 – *M. Velázquez-Castillo*. Noun incorporation in Guaraní: a functional analysis // *Linguistics*. 1995. V. 33. № 4.
- Velázquez-Castillo 2002 – *M. Velázquez-Castillo*. Guaraní causative constructions // *M. Shibatani (ed.)*. *The grammar of causation and interpersonal manipulation. Typological studies in language*. V. 48. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Velázquez-Castillo 2003 – *M. Velázquez-Castillo*. Grammatical relations in active systems: the case of Guaraní // *Foundations of language*. 2003. V. 9 (2).
- Vendler 1957 – *Z. Vendler*. Verbs and times // *Philosophical review*. 1957. V. 66 (2).
- Welmers 1973 – *W.E. Welmers*. *African language structures*. Berkeley, 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ГЛОССАХ

A – агенс переходного глагола	NEG – отрицание
AOR – аорист	NFUT – именное будущее
AUG – аугментатив	NEG.FUT – будущее под отрицанием
CAUS – каузатив	NMR – номинализатор
COLL – собирательная множественность	NPAST – именное прошедшее
COMP – комплементаризер	OBL – косвенный падеж
COND – условно-наклонение	OPT – оптатив
DEM – демонстратив	PAST – прошедшее время
DES – дезидератив	PERF – перфект
DET – определенный артикль	PFV – перфектив
DIM – диминутив	PL – множественное число
DIR – директивный преверб	PREV – (локативный) преверб
DUR – дуратив	PROG – прогрессив
EMPH – эмпфаза	Q – показатель вопроса
ERG – эргатив	RE – показатель локативного происхождения с широким кругом пространственных, локативных и ролевых значений
EXCL – эксклюзив	REC – реципрок
FUT – (проспективно) будущее время	REFL – рефлексив / центробежный маркер
FUT2 – второе будущее	REP – репортатив
IMMFUT – ближайшее будущее время	SG – единственное число
IMP – императив	SIM – одновременность
INCL – инклюзив	SML – симилятив
IRR – ирреалис	ST.PL – множественное число стативов
IRR2 – второй ирреалис	SUB – субъект
LOC – локатив	SUP – сравнительная степень
MNR – образ действия (manner) / объект сравнения	TOT – тоталитатив
MO – показатель контрфактического желания	

© 2010 г. А.Ю. БУГАЕВА

АППЛИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АЙНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Памяти Владимира Петровича Недялкова

Настоящая работа посвящена разнообразию синтаксических и семантических типов аппликативов в айнском языке в основном на материале диалектов Титосэ и Сару (южный Хоккайдо). Аппликативы в айнском языке образуются посредством префиксов *e-*, *ko-* и *o-* (порядок перечисления отражает уменьшение частотности префикса). Собственно синтаксическая роль этих префиксов заключается в повышении валентности, а конкретное значение может варьироваться в зависимости от лексического значения исходного глагола. В айнском наблюдаются как широко распространенные в языках, так и необычные типы аппликативных конструкций, которые представляют особый интерес для лингвистической типологии.

1. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЙНСКОГО ЯЗЫКА

Айнский – это агглютинативный, полисинтетический, инкорпорирующий язык с преимущественным вершинным маркированием слова. Генетическое родство этого языка неизвестно, кроме того его можно считать практически мертвым, поскольку лишь несколько человек на острове Хоккайдо в северной Японии еще в какой-то степени помнят свой родной язык.

Основной порядок слов AOV/SV¹. Определения занимают препозитивное положение. Номинативный и аккузативный падежи отсутствуют. Подлежащее и прямое дополнение определяются по их относительному положению в структуре предложения. Личные местоимения в позиции подлежащего и дополнения часто опускаются, поскольку лицо и число подлежащего и дополнения обязательно маркируются в сказуемом посредством местоименных аффиксов. Косвенные дополнения отсутствуют. Адьюнкты маркируются постпозитивами.

Большинство существительных не могут быть употреблены с локативными постпозитивами непосредственно: между именем и послелогом добавляется локативное

* Автор выражает свою признательность участникам обсуждения на следующих конференциях и семинарах: «The 3rd Oxford-Kobe linguistics seminar international symposium: The linguistics of endangered languages» (Кобэ, Институт Оксфорд-Кобэ, 2–5 апреля 2006 г.), «The 133rd Meeting of the linguistic society of Japan» (Саппоро, университет Саппоро Гакуин, 18–19 ноября 2006 г.), the 2nd Meeting of the project on «Typological study of voice phenomena in the world's languages» (Осака, Государственный музей этнографии, 10 марта 2007 г.), где были представлены части данной работы. Кроме того, автор выражает глубочайшую благодарность за критические замечания по поводу ранних версий данной статьи Э. Генюшене, Х. Накагава, А. Айхенвальд, Р. Диксону, Б. Хайне, В. Накамура, редактору журнала и анонимным рецензентам. Работа выполнена при поддержке Министерства образования, науки и культуры Японии, международной научно-исследовательской программы Grant-in-Aid (грант № 1805013) и гранта ELDP IPF128 (SOAS, University of London), направленного на документацию исчезающих языков.

¹ Здесь я использую стандартные сокращения: S для подлежащего интранзитивного глагола, A для подлежащего транзитивного глагола и O для дополнения; ни одно из них не обозначает какую-либо конкретную семантическую роль; см. [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000: 2].

существительное (особый морфологический класс слов, например, *or-(o)* 'место' в (12) и (24)). Опозиция между существительными и глаголами четкая; исключение составляют некоторые формы интранзитивных глаголов, которые также могут быть поняты как существительные. В языке отсутствует морфологически выделяемый класс прилагательных. Значения, передаваемые прилагательными в других языках, в айнском выражаются интранзитивными глаголами.

Разграничение транзитивов и интранзитивов, которые различаются как синтаксически, так и морфологически, очень существенно.

Система грамматических отношений в утвердительных предложениях в айнском организована в целом как трипартитная система: А, S и О различаются перекрестной (согласовательной) маркировкой в глаголе в 1PL эксклюзиве, а именно: *ci=* маркирует 1PL.A, *=as* – 1PL.S, *un=* – 1PL.O, и в «неопределенном (indefinite) лице», а именно *a=* IND.A, *=an* – IND.S и *i=* – IND.O. «Неопределенное лицо» используется не только для маркировки имперсонала, но и в функции 1PL инклюзива, гонорифического 2SG/PL и логофорического лица (лицо протагониста в цитатах и устной литературе)², последнее переводится в примерах как 'я', но глоссируется как IND.

Наблюдаются также некоторые элементы нейтральной системы, т.е. отсутствуют флективные различия между перекрестными показателями 2SG и 2PL: А, S и О маркируются показателями *e=* для 2SG.A/S/O и *eci=* для 2PL.A/S/O. 3-е лицо имеет нулевую маркировку. Личные местоимения также ведут себя нейтрально, т.е. одинаковы для А/S/O.

Наблюдается также одна черта номинативно/аккузативной системы: А/S и О различаются глагольным согласованием в 1SG, а именно: *ku=* маркирует 1SG.A/S и *en=* – 1SG.O.

Изложенные выше сведения о маркировке грамматических отношений в айнском языке суммируются в Табл. 1.

Посессивность является единственной категорией, обязательно маркируемой в существительных, включая локативные существительные. В айнском языке используются разные конструкции для маркировки неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности.

Неотчуждаемая принадлежность выражается конструкцией типа изафета: вершина (обладаемый объект) маркируется по лицу и числу зависимого слова (обладателя) посредством глагольных согласователей А (подлежащее переходного глагола: см. Табл. 1), а также одним из алломорфных посессивных суффиксов *-V* или *-(V)hV*, в которых обычно копируется последний гласный корня единожды или дважды с эпентетическим /h/, например, *ku=sapa-ha* [1SG.A=голова-POSS] 'моя голова' для корней, оканчивающихся на гласный, и *ci=setur-u* или *ci=setur-uhu* [1PL.(EXC).A=спина-POSS] 'наши (моя и его / её) спины'³ для корней, оканчивающихся на согласный. Если вершина выражена локативным существительным, она маркируется по лицу и числу зависимого слова (обладателя) посредством глагольных согласователей О (дополнение переходного глагола: см. Табл. 1), и принимает посессивные суффиксы лишь в случае анафоры зависимого слова (обладателя) с референтом в 3-м лице, ср. *en=sam* [1SG.O=рядом]

² Ср. [Tamura 1970: 578; (1972) 2001: 376], а также [Bugaeva 2004: 25, 40], где эта функция рассматривается как «1SG/PL в цитатах» и «1SG/PL в устной литературе», поскольку большая часть народных сказов передается в форме полупрямой речи с точки зрения протагониста, чье настоящее имя или личность обычно раскрывается только в главном предложении в самом конце сказа. Однако недавно я высказала предположение, что местоимения *asinuma* 'данное лицо' (англ. 'self') (SG)/*aoka(y)* 'данные лица' (PL), используемые в полупрямой речи и соответствующие личные аффиксы *a=* IND.A, *=an* IND.S, *i=* IND.O могут быть истолкованы как специальные логофорические местоимения и аффиксы, сходные с местоимениями, отмеченными во многих западно-африканских языках. Здесь я использую термин «логофоричность» в его первоначальном смысле, как это было предложено в [Hagège 1974: 287]: «особая категория элементов субституции, личных и посессивных, которые отсылают к автору дискурса или к партиципанту, мысли которого передаются»; подробнее см. [Bugaeva 2008].

³ Разница между «короткими» (*ci=setur-u*) и «длинными» (*ci=setur-uhu*) посессивными формами неясна.

**Маркировка грамматических отношений в айнском языке
(диалект Титосэ, южный Хоккайдо)**

лицо-число	A/S/O личные местоимения	A аффиксы	S аффиксы	O аффиксы
1SG	<i>kani</i>	<i>ku=</i>	<i>ku=</i>	<i>en=</i>
1PL.(EXC)	<i>cóka</i>	<i>ci=</i>	<i>=as</i>	<i>un=</i>
2SG	<i>eani</i>	<i>e=</i>	<i>e=</i>	<i>e=</i>
2PL	<i>ecioká</i>	<i>eci=</i>	<i>eci=</i>	<i>eci=</i>
3SG	<i>sinuma</i>	\emptyset	\emptyset	\emptyset
3PL	<i>oka</i>	\emptyset	\emptyset	\emptyset
<u>IND</u> имеет также следующие функции				
1. имперсонал	---	<i>a=</i>	<i>=an</i>	<i>i=</i>
2. 1PL.INC	<i>aoka</i>	<i>a=</i>	<i>=an</i>	<i>i=</i>
3. 2SG/PL гонорифическое	<i>aoka</i>	<i>a=</i>	<i>=an</i>	<i>i=</i>
4. логофорическое	<i>asinuma</i> (SG)/ <i>aoka</i> (PL)	<i>a=</i>	<i>=an</i>	<i>i=</i>

‘рядом со мной’, $\emptyset=sam-a$ [3.O=рядом-POSS] ‘рядом с ним / нею / ними / этим / этими’ и *pet sam* (река рядом) ‘рядом с рекой’.

Отчуждаемая принадлежность выражается конструкцией с придаточным определительным предложением, в котором сказуемым является глагол *kor* ‘иметь что-л.’ (vt), а подлежащее имеет в качестве референта обладателя, в то время, как обладаемый объект кодируется определением (вершиной определительной конструкции): *ku= \emptyset =kor kamuy* [1SG.A=3.O=иметь бог] ‘мой бог’ (букв. ‘бог, которого я имею’).

2. АППЛИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

2.1. Прототипическая аппликативная конструкция

Термин «аппликатив» был впервые употреблен в XVII в. испанскими грамматистами при описании уто-ацтекских языков; позднее он был использован в бантуистике и описаниях других языков. Для обозначения этой грамматической категории также использовались такие термины, как «препозитив», «бенефактив», «индиректив», «инструменталис», «версия» (русский термин, традиционно используемый в грузинской грамматике), а также «аппроприатив» и «демонстратив»; последние два термина использованы при описании айнского в [Tamura 2000: 206] со ссылкой на [Kindaichi (1931) 1993].

Аппликативная конструкция обычно описывается как синтаксическая конструкция, маркированная в глаголе морфологически и позволяющая кодировать факультативное дополнение или обстоятельство как прямое дополнение [Peterson 2007: 1]; ср. [Comrie 1985: III-316; Spencer 1991: 253; Polinsky 2005: 442].

Приведенное определение имплицитно подразумевает, что в прототипическом случае аппликативная конструкция имеет следующие три признака.

1. В аппликативной конструкции повышается глагольная валентность на единицу.
2. Аппликативная конструкция предоставляет альтернативную возможность для косвенного выражения семантически и синтаксически периферийного актанта, и потому наряду с ней должна существовать неаппликативная (исходная) конструкция.

2. Облигаторный / факультативный характер конструкции [отсутствие / наличие парафраз, в которых аппликативное дополнение маркируется как адьюнкт]
3. Оформление исходного и аппликативного дополнений:
 - а. Свойства, приобретаемые / не приобретаемые аппликативным дополнением.
 - б. Свойства, теряемые / сохраняемые исходным дополнением.
 - с. Вариативность свойств, приобретаемых / теряемых в зависимости от типа аппликатива.
4. Ограничения на транзитивность:
 - а. Аппликативная деривация от интранзитивных глаголов.
 - б. Аппликативная деривация от транзитивных глаголов.

2.2.2. Функциональные характеристики

Функции аппликативных конструкций – это также один из параметров, по которым различаются языки.

(1) Как упоминалось, синтаксическая функция аппликативов заключается в повышении валентности, в результате чего интранзитив транзитивируется (S превращается в А). Аппликатив от глаголов, которые уже имеют одно прямое дополнение, становится трехактантным глаголом с двумя (прямыми) дополнениями, как в айнском языке, либо исходное прямое дополнение понижается до статуса косвенного дополнения / адьюнкта или вовсе не выражается, и его место занимает аппликативное дополнение, как в языках комокс сэлиш [Watanabe 1997: 30], азиатском эскимосском [Вахтин 1987: 107] или йидини [Dixon 1977: 507–508]; в этих языках замена исходного дополнения аппликативным может рассматриваться как реаранжировка валентностей [Comrie 1985, III: 317].

(2) В большинстве языков, включая айнский язык, главной функцией аппликативных конструкций является дискурсивная функция. Вводимый в аппликативной конструкции партиципant кодируется как прямое дополнение, а «функция прямого дополнения является второй по весу после подлежащего [в иерархии членов предложения], тогда как косвенные падежи и предложные группы (т.е. косвенные дополнения) имеют наименьший вес»⁶ [Geniušienė 1987: 356], поэтому глагольная морфология в аппликативных конструкциях обычно кодирует информацию, что «то (референт), к чему относится конструкция, имеет большую дискурсивную значимость (выделенная информация) или тематическую / топикальную непрерывность, чем можно было бы от него ожидать»⁷ [Peterson 1999: 61] со ссылкой на [Givón 1983].

Аппликативные дополнения в айнском проявляют некоторые свойства членов предложения с высоким топикальным статусом, т.е. они либо чаще выражаются именными формами с идентифицируемым (определенным) референтом⁸ (11), (18), либо подлежащим с нулевой анафорой (16b), (17b), либо подвергаются перемещению влево⁹ (10), (26), т.е. в позицию высокотопикальных единиц.

(3) В некоторых языках аппликативные конструкции имеют в качестве первичной скорее семантическую функцию, чем дискурсивную. В таких случаях наблюдается тонкое семантическое (лексическое) различие между аппликативными и соответствующими исходными конструкциями, как это имеет место в туканг беси, где комитативный аппликатив передает значение активного участия добавленного комитативного актанта: 'спать с женщиной' в неаппликативной конструкции означает просто 'спать рядом с

⁶ «The direct object function is second highest in prominence [after the subject], whereas the oblique cases and prepositional noun phrases (i.e. oblique objects) are the least prominent» [Geniušienė 1987: 356].

⁷ «The entity the construction refers to has a greater discourse salience (foregrounded information) or topic continuity than would otherwise be expected of it» [Peterson 1999: 61] со ссылкой на [Givón 1983].

⁸ Т. е. к уже названному предмету или лицу.

⁹ Естественно, что порядок слов AOV меняется на OAV.

женщиной', тогда как аппликативная 'спать с.APPL женщиной' означает 'заниматься сексом с женщиной' [Shibatani 2006: 244–245], со ссылкой на [Donohue 1999: 231].

В айнском число лексикализованных аппликативов не столь велико, по сравнению с регулярными образованиями, поэтому основными функциями аппликативов в айнском языке можно считать синтаксическую и дискурсивную функции.

3. ОБЗОР АППЛИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АЙНСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ айнских аппликативов основан на данных корпуса. В настоящее время, мой корпус состоит из всех аппликативных глаголов, отмеченных в авторитетных словарях диалектов Титосэ [Nakagawa 1995] и Сапу [Tamura 1996] острова Хоккайдо (в обоих словарях приводятся предложения-примеры), а также из аппликативов, зарегистрированных мною во время полевой работы (по первому диалекту см. [OI]) и [Bugaeva 2004], по второму [AS], и в многочисленных текстах этих и других диалектов острова Хоккайдо (см. Источники).

Необходимо подчеркнуть, что аппликативы в айнском чрезвычайно многочисленны: они составляют около трети всех глаголов, т.е. до 7% всего айнского лексикона, зарегистрированного в словарях. Дело в том, что префиксы *e-*, *ko-* и *o-* могут совмещаться со средствами понижения валентности, а именно реципрокальным префиксом *u-*, рефлексивным *yau-*, антикаузативным *si-*, антипассивным *i-*, и инкорпорацией (например: *e-u-ko-asur-ani* [об.APPL-REC-к.APPL-слух-держат] 'предупреждать друг друга о чем-л.' [OI]), и с каузативными суффиксами (алломорфы *-e/-te/-re* и непродуктивные суффиксы *-ke, ka*). Они могут объединяться в сложные префиксы *uko-* [SOC] 'вместе', *yauko-* 'сам по себе'. Айнский допускает употребление двойных аппликативов (относящихся к двум разным партиципантам), которые могут появляться в нескольких возможных комбинациях, если они занимают разные позиции в глаголе (в этом случае по крайней мере один аппликативный объект инкорпорирован в глагол), и в виде сочетаний *ko-e-* или *e-ko-* (22b), (51), если они занимают одну позицию в глаголе.

Все три названных аппликативных префикса транзитивизируют интранзитивные глаголы (S=A), как в (2) и (3), а статус адъюнкта в соответствующих аппликативных конструкциях повышается до прямого дополнения, по сравнению с исходной конструкцией (ср. (1a) и (1b)).

- (2) *yayirayke* 'быть благодарным' (vi)
→ a. *ko-yayirayke* 'быть благодарным кому-л.' (vt) [OI]; Адресат
→ b. *e-yayirayke* 'быть благодарным за что-л.' (vt) [OI]; Содержание
- (3) *rek* 'петь (о птице)' (vi)
→ *e-rek* 'петь о чем-л.' (vt) [Bugaeva 2004: 158]; Содержание

Аппликативизированные (двухактантные) транзитивы превращаются в дитранзитивные глаголы, как в (4) и (5), а соответствующие аппликативные конструкции имеют два немаркированных дополнения (6b), каждое из которых (но не оба одновременно)¹⁰ может быть потенциально маркировано в глаголе объектным показателем перекрестной референции (6c), если дополнение в 1-м, 2-м или неопределенном лице, для которых имеются эксплицитные показатели.

- (4) *soso* 'снять что-то (об одежде)' (vt)
→ *ko-soso* 'снять что-то с кого-л.' (vd) [Bugaeva 2004: 158]; Источник
- (5) *pakasnu* 'учить кого-либо' (vt)
→ *e-pakasnu* 'учить кого-либо чему-л.' (vd) (OI); Содержание

¹⁰ Чисто прагматически первое дополнение с семантической ролью Адресата чаще маркируется показателями перекрестной референции в глаголе, т.к. оно обычно одушевленное, в то время как второе дополнение с семантической ролью Темы чаще неодушевленное и автоматически подпадает под 3-е лицо.

- (6) a. *a=onaha* $\emptyset=i=pakasni$ *kor* *oka=an*
 IND.A=отец-POSS 3.A=IND.O=учить и быть.PL=IND.S
 '(Так) учил меня отец' [Nakagawa 1995: 318].
- b. [*a=mac-ih* *anak-ne*]_A [*menoko-po*]_{O1}
 INDF.A=жена-POSS TOP-COP женщина-DIM
 [*menoko* *monrayke*]_{O2} $\emptyset=\emptyset=e-pakasni$
 женщина работа 3.A=3.O=o(б).APPL-учить
 'Моя жена учила девочек женской работе' [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)].
- c. *a=en=e-pakasni* *p* *ne* *ruwe* *ne*
 IND.A=1SG.O=o(б).APPL-учить вещь COP INF.EV COP
 'Это то, чему меня учили' [Nakagawa 1995: 318].

Из всех параметров, по которым могут различаться аппликативы разных языков, наиболее важными являются транзитивность основы и семантическая роль апплицируемого объекта (см. п. 2.2.1). Согласно [Polinsky 2005: 443], предпринявшей типологическое сравнение аппликативных конструкций в 183 языках, «апликативы от интранзитивов менее распространены, чем от транзитивов»¹¹ и «бенефактив – безусловно самая распространенная роль апплицируемого дополнения»¹². Однако в айнском языке мы наблюдаем прямо противоположное явление:

1. Апликативы, производные от исходных интранзитивов, гораздо более многочисленны, чем от исходных транзитивов (со всеми тремя показателями, см. Табл. 2, 3, 4).
2. Собственно бенефактив, отличный от реципиента и адресата, не является самой распространенной ролью апплицируемого объекта (Табл. 3; ср. Табл. 2).

Как упоминалось, апликативные префиксы многозначны (ср. *ko-* в (2а) и (4)), т.е. каждый вводит партиципантов с разными семантическими ролями. Семантика апликативного дополнения (далее АО) определяется значением глагола, но только в определенной степени. Для некоторых глаголов я смогла обнаружить несколько омонимичных апликативных дериватов, встретившихся в разных источниках (7).

- (7) *arkas* 'ходить' (vi)
 → a. *e-arkas* 'ходить для (ритуального разбрасывания пищи)' (vt) [Tamura 1996: 73];
 Цель
 → b. *e-arkas* 'ходить где-л. (в каком-л. месте)' (vt) [Okuda 1994: 16]; Маршрут
 → c. *e-arkas* 'ходить посредством (своих ног)' (vt) [Nakagawa 2005: 174];
 Инструмент

Три айнских апликативных префикса примечательны тем разнообразием значений, которые может выражать каждый из них. На мой взгляд, семантические классы апликативов, выделяющиеся по значению префикса, могут быть определены как отдельные типы апликативных конструкций. Таблицы 2, 3 и 4 показывают семантические классы апликативов (порядок перечисления отражает уменьшение частоты) и соотносительный процент апликативных дериваций от интранзитивов и транзитивов в каждом классе для каждого из префиксов *e-*, *ko-* и *o-* отдельно. В этих таблицах также показано наличие/отсутствие соответствующей парафразы с постпозитивными частицами, что, согласно классификации Петерсона [Peterson 1999: 186; 2007: 40–66], см. п. 2.2.1, характеризует соответствующие апликативные конструкции как факультативные или обязательные. При отсутствии парафразы с постпозитивной частицей в скобках указывается наличие более или менее семантически эквивалентных неапликативных парафраз – сложных предложений с союзами и вспомогательными глаголами; предполагаемое полное отсутствие¹³ парафраз отмечено знаком «---».

¹¹ «The intransitive base of applicatives is less common than the transitive base» [Polinsky 2005: 443].

¹² «Beneficiary [is] clearly the most common semantic role of the applied object» [Ibid.].

¹³ Нельзя исключать, что парафразы возможны, но пока не засвидетельствованы.

Классификация аппликативов с префиксом *e-*

Семантическая роль АО (каждый класс = 100 %)	Аппликативы от исходных интранзитивов (%)	Аппликативы от исходных транзитивов (%)	Парафраза с постпозитивом
1. Содержание	91	9	---
2. Тема	96	4	---
3. Инструмент	84	16	<i>ani</i> 'посредством'
4. Причина	83	17	<i>kusu</i> 'потому что'
5. Место	75	25	<i>ta</i> 'в/на'
6. Сфера действия	72	28	---
7. Образ действия	100	0	[<i>kor</i>]
8. Маршрут	100	0	<i>peka</i> 'через/по'
9. Цель	100	0	<i>kusu</i> 'для'
10. Другие: Бенефактив	80	20	[<i>wa kore</i>]

Как видим, значения аппликативных префиксов частично совпадают¹⁴: (а) типичное значение префикса *ko-*, а именно Бенефактив, может иногда выражаться на некоторых глаголах префиксом *e-*; (б) типичные значения *e-*, а именно Причина, Сфера действия, Образ действия, Цель, Место, могут иногда выражаться префиксом *ko-*, также на некоторых глаголах.

Различие между пересекающимися значениями префиксов *ko-* vs. *o-* (Конечная точка, Источник) и *e-* vs. *o-* (Место) очень четкое [Nakagawa 1979: 151]. Оно заключается в типе объекта, который может вводить каждый префикс. Как упоминалось в 1.1, все айнские существительные делятся на два типа:

(а) имена 'не-мест' (это все одушевленные и большинство неодушевленных имен) и

(б) имена 'мест' (географические названия и несколько других существительных:

kim 'горы', *pis* 'берег', *rep* 'открытое море', *ya* 'берег', *put* 'устье реки', и т.д.).

Первые не могут быть употреблены с локативными постпозитивами (*ta* 'в/на/к', *in* 'к', *wa* 'от' и т.д.) без специальных локативных существительных (семантически нейтрального *or(o)* 'место' или специализированных *sam* 'вблизи, около', *ka* 'над' и т.д.; например: *pet or ta* 'на реке'). Вторые употребляются непосредственно с локативными постпозитивами (например, *kim ta* 'в горы').

Аппликативы на *o-* могут употребляться только либо с именами 'мест', как *put-u* 'устье реки' в (8), или с именами 'не-мест' с последующим локативным существительным, как *kaure* 'волна' в (9) и (60), тогда как аппликативы на *ko-* и *e-* могут принимать имена 'не-мест' без локативных существительных, ср. (10), (11).

(8) *Iskar* \emptyset =*put-u* $a=\emptyset=o-ek$ *ruwe* *ne*
Ishikari 3.O=устье.реки=POSS IND.A=3.O=к.APPL-придти INF.EV COP

¹⁴ В предшествующих исследованиях значения аппликативных префиксов описывались в основном при помощи японских поверхностных падежей [Kindaichi (1931) 1993: 264–276; Chiri (1936) 1974: 89–95; (1942) 1973: 513–514], а не в терминах семантических ролей вводимых партиципантов. Поэтому впечатление от степени совпадения значений трех префиксов значительно больше, чем есть на самом деле.

Классификация аппликативов с префиксом *ko-*

Семантическая роль АО (каждый класс = 100 %)	Аппликативы от интранзитивов (%)	Аппликативы от транзитивов (%)	Парафраза с постпозитивом
1. Адресат	75	25	<i>eun</i> 'к кому-л.'
2. Конечная точка	95	5	<i>un/ta</i> 'к чему-л.'
3. Комитатив: Ко-пациенс	79	21	<i>tura</i> 'с'
4. Бенефактив	50	50	[<i>wa kore</i>]
5. Малефактив	86	14	---
6. Реципиент	34	66	---
7. Источник	34	66	<i>wa</i> 'от'
8. Другие: Причина, Сфера действия, Образ действия, Цель, Место	90	10	<i>kusu</i> 'потому что', ---, [<i>kor</i>], <i>kusu</i> 'для', <i>ta</i> 'в/на'

Таблица 4

Классификация аппликативов с префиксом *o-*

Семантическая роль АО (каждый класс = 100 %)	Аппликативы от интранзитивов (%)	Аппликативы от транзитивов (%)	Парафраза с постпозитивом
1. Конечная точка	75	25	<i>un/ta</i> 'в/к'
2. Место	84	16	<i>ta</i> 'в/на'
3. Другие: Источник	100	0	<i>wa</i> 'от'

'Я действительно пришел к устью реки Исикари' [Kubodera 1977: 238]; Конечная точка.

- (9) *kaure* $\emptyset=atur-u$ $a=\emptyset=o-yan$ *hine*
волна 3.O=между-POSS IND.A=3.O=к.APPL-подниматься и
'Я поднимался вверх между волнами.' [Nakagawa 2001: 112]; Конечная точка

- (10) *pa-pisno-an* *kor* *Porokur ekasi* *humpe* $\emptyset=\emptyset=ko-yan$
год-каждый-быть.SG когда П. старик кит 3.A=3.O=к.APPL-приходить
'Каждый год киты приходят к старику Порокуру' [Kubodera 1977: 432]; Конечная точка.

- (11) $\emptyset=\emptyset=kor$ *wen* *irenka* $\emptyset=nanu-hu$
3.A=3.O=иметь быть.плохим характер 3.A=лицо-POSS
 $\emptyset=\emptyset=e-pirasa$ *ki* *na*
3.A=3.O=по.APPL-распространять делать.AUX FIN
'Плохое настроение (Самаюнкура) отразилось на его лице' (букв. 'он распространил свое плохое настроение по своему лицу'; *e-pirasa* – vd) [Bugueva 2004: 348]; Место.

Следует подчеркнуть, что аппликативы на *e-* могут не только повышать косвенные актанты в ранг дополнения (Бенефактив, Инструмент, Место), в чем и заключается

функция аппликативов по определению (см. п. 2.1), но могут также (при исходных интранзитивах) вводить главные, непериферийные роли Темы, распространяя таким образом функцию айнского аппликатива на некаузативную транзитивизацию (ср. Схему 1)¹⁵, например: *ikka* 'красть' (vi) → *e-ikka* 'красть что-л./кого-л.' (vt) с введением Темы (12), ср. *ko-e-ikka* 'красть что-л./кого-л. у кого-то' (vd) с введением Темы и Источника.

- (12) [*menoko cironnup*] *menoko ru or wa a=∅=hekote*
женщина лиса женщина туалет место у IND.A=3.O=жить.вместе.с
nispa ∅=∅=e-ikka wa ∅=arpa ki wa
богатый.человек 3.A=3.O=APPL-украсть и 3.S=идти.SG делать.AUX and
'[Лисица] украла моего мужа из женского туалета и ушла' [AS].

Деривация некоторых из семантических классов аппликативов на *e-* и *ko-* может быть использована и в обязательных (не допускающих парафразы), и в факультативных (допускающих парафразы) конструкциях (см. Табл. 2, 3). Все семантические классы аппликативов на *o-* факультативны, поскольку они могут быть парафразированы с помощью постпозитивных частиц (см. Табл. 4).

4. АППЛИКАТИВЫ С ПРЕФИКСОМ *E-*

Этимология аппликативного префикса *e-* неизвестна. Недавно Х. Накагава (личное сообщение) высказал предположение, что этот префикс *e-*, возможно, возник из грамматикализованного (связанного) имени *he-* 'голова, верх, верхняя часть', которое встречается как лексический префикс во многих глаголах, например, *e-kura* 'держат *верхушку* чего-л. (= держать что-л. за верхушку) во рту' (vt), ср. *kura* 'держат что-л. во рту' (vt); ср. аналогичную этимологию аппликативного префикса *o-* в разделе 6.

Морфологический класс аппликативов на *e-* самый большой по численности (541 глагол в моем корпусе). По сравнению с другими аппликативами среди них наименьшее число дериваций от интранзитивов. В моем корпусе аппликативов на *e-* 88 % аппликативных дериваций образовано от исходных интранзитивов и только 12 % от транзитивов. Таблица 2 (колонки 2 и 3) отражают процент дериваций от интранзитивов и транзитивов в каждом семантическом классе. Также отмечается, является ли каждый семантический класс аппликативов факультативным или обязательным.

Как показано в Табл. 2, самые частые значения префикса *e-*, а именно Содержания и Темы, являются обязательными аппликативами производными от интранзитивов.

Большинство семантических ролей, вводимых префиксом *e-* (кроме Бенефактива), обычно представляют неодушевленных референтов. Они выражаются (немаркированным) 3-м лицом, которое не требует эксплицитного согласования в аппликативных глаголах. По этой же причине, из-за ассоциации с неодушевленными референтами, аппликативы на *e-* редко служат исходными глаголами для реципрокальной и рефлексивной деривации, см. [Bugueva 2005: 324–325; Alpatov et al. 2007].

Далее будут приведены несколько примеров с комментариями для каждого семантического класса аппликативов на *e-*; особое внимание уделяется так называемым аппликативам Содержания, которые довольно редки в типологическом плане, но обильно представлены в айнском.

¹⁵ В связи с этим представляет интерес, что в юманском языке в Хуалапан [Ichihashi-Nakayama 1996] и в некоторых австралийских языках [Austin 1997] аппликативы распространяют свои функции и на каузативизацию, т.е. одни и те же глагольные показатели могут функционировать либо как аппликативные, либо как каузативные в зависимости от семантики исходного глагола.

4.1. Семантическая роль Содержания

Содержание – это вторая роль при глаголах восприятия, эмоций, когнитивных и речи, которая обычно сопровождает первую роль Экспериенцера¹⁶ [Пименов 1995: 42], ср. [Апресян 1974: 125; Geniušienė 1987: 356].

Эта роль также часто рассматривается как Стимул, потому что ее можно интерпретировать как непрямую причину при глаголах психологических процессов (чувств), восприятия и когнитивных глаголах [Gerds, Kiyosawa 2005], но глаголы высказывания, кажется, исключаются из этого списка.

При анализе айнских аппликативов гипер-роль Содержания (Content), включающая Стимул и Содержание высказывания, представляется более удобной, поскольку так называемые «психо-аппликативы» ('psych-applicatives'), производные от глаголов психологических процессов (13), глаголов восприятия и когнитивных глаголов (введение Стимула) (14), а также «речевые аппликативы» ('utterance applicatives') (15), производные от глаголов речи / высказывания (введение Содержания Высказывания), сходны в плане синтаксического поведения.

Во-первых, различные АО Содержания часто выражаются дополнительными придаточными предложениями сходных типов с комплементаризерами *hi*, *kuni*, *kunihi* (другие распространенные комплементаризеры – *p/pe*, *hike*, *katu*).

«Психо-аппликатив» от глаголов психологических процессов

- (13) [*a=∅=hoppa* *wa yan=an* *hi*]_o
 IND.A=3.O=оставить и вернуться.SG=IND.S COMP
neu pak-no ka a=∅=e-kewtum-wen kor
 всегда до-ADV даже IND.A=3.O=о(б).APPL-чувство-быть.плохим and
an=an
 быть.SG=IND.S
 'Я всегда буду чувствовать себя плохо, оттого что вернулась, оставив (своего сына)' [Nakagawa 1995: 170].

«Психо-аппликатив» от когнитивных глаголов

- (14) [*nep ka en=se-re* *kuni*]_o
 что-то тоже 2SG.A+1SG.O=нести.на.спине-CAUS COMP
∅=e-sanniyo yan
 3.O=о(б).APPL-думать IMP.POL
 '(Завтра я уйду в Сару), пожалуйста, подумай, можешь ли ты дать мне что-нибудь отнести (туда)' [Tamura 1996: 121].

«Речевой аппликатив» от глаголов речи

- (15) [*ayni ka ∅=∅=kar wa ∅=i=kor-e* *kunihi*]_o
 человек также 3.A=3.O=делать и 3.A=IND.O=иметь-CAUS COMP
a=∅=e-koramkor hike?
 IND.A=3.O=о(б).APPL-обсуждать.с Q
 'Что если мы обсудим (с богом), создаст ли он также людей для нас?' [Tamura 1996: 92]

Во-вторых, наблюдается сильная тенденция выражать АО Содержания нулевой анафорой, которая замещает дополнительные предложения. В таких случаях аппликативный префикс *e-* функционирует как средство отсылки к предыдущей ситуации: эта анафора как бы «суммирует» сказанное перед этим; так, в (16b, 17b) она значит 'об этом, из-за этого' и обозначает ситуацию, описываемую в предыдущем предложении (16a, 17a).

¹⁶ С глаголами речи первую роль вряд ли следует считать Экспериенцером, это скорее роль Агенса.

«Психо-аппликатив»

- (16) a. *iku* $\emptyset=an$ *ki* *na*, {*hankirikiri*}
 попойка 3.S=быть.SG делать.AUX FIN V
 b. *katuu opitta* {*hankirikiri*} $\emptyset=\emptyset=e-uko-yay-kopuntek$
 бог все V 3.A=3.O=o(6).APPL-SOC-REFL-веселиться.o(6)
 'Состоялась попойка, и все боги этому вместе радовались' [Bugueva 2004: 165].

«Речевой аппликатив»

- (17) a. *isam* $\emptyset=ne$ *manu p* $a=\emptyset=ki$ *ruwe ne kusu*
 смерть 3.A=COP как вещь 3.A=3.O=делать INF.EV COP потому.что
 b. $a=\emptyset=e-isoytak$ *hawe ne na*
 IND.A=3.O=o(6).APPL-рассказывать.историю REP.EV COP FIN
 'Так как я собираюсь умереть [досл. '...сделать вещь, называемую смертью'], я расскажу историю об (этом)' [Nakagawa 1995: 372].

Иногда АО Содержания могут называть определенные предметы, лица, явления. Наблюдается сильное преобладание неодушевленных референтов (18) над одушевленными (19), что довольно нетипично для аппликативов, поскольку для них характерны объекты с высокой степенью топиальности, а топиальность прототипически выше у одушевленных объектов, чем у неодушевленных, ср. «психо-аппликативы» в языке халкомелем [Gerds, Kiyosawa 2005: 343]. Однако есть тенденция выражать АО определенными существительными (обратите внимание на посессивную маркировку слова *asur* 'слух' (18)), что все же свидетельствует об их относительно высокой топиальности.

- (18) *ney ta* $\emptyset=oka$ *utar ka*, $\emptyset=asur-u$
 где в 3.S=быть.PL люди даже 3.A=слух-POSS
 $\emptyset=\emptyset=e-aspa$ *ka somo ki nankor*
 3.A=3.O=o(6).APPL-не.слышать даже NEG делать.AUX возможно
 'Где бы они ни жили, невозможно, чтобы они не слышали (эти) слухи' [Tamura 1996: 76].
 (19) $a=\emptyset=kor$ *katuu* $a=\emptyset=e-potara$ *wa...*
 IND.A=3.O=иметь бог IND.A=3.O=o(6).APPL-беспокоиться и
 'Я беспокоился о моем (Собачем) боге' [Nakagawa 1995: 357].

В примере (18) содержится один из очень немногих глаголов восприятия, которые поддаются аппликативной деривации (другие примеры: *e-siknak* 'быть слепым к чему-л.', *e-annuaste* 'украдкой взглянуть на что-л. / кого-л.'), поскольку большинство глаголов восприятия в айнском являются производными транзитивными глаголами. Р.М.В. Диксон и А. Айхенвальд сделали интересное наблюдение, что «если глаголы, расположенные в "срединной части иерархии семантической транзитивности" синтаксически транзитивны, они будут часто использоваться как интранзитивы путем добавления средств, понижающих валентность [антипассивизация]. Но если, с другой стороны, эти глаголы синтаксически интранзитивны, они будут часто использоваться как транзитивы путем добавления средств, повышающих валентность [аппликативизация]»¹⁷ [Dixon, Aikhenvald 2000: 20]. Айнские данные полностью соответствуют этому обобщению: большинство глаголов восприятия кодируются как транзитивы, поэтому они могут быть подвергнуты антипассивизации: *ni* 'слышать что-л.' → *i-ni* 'слышать', а большинство глаголов речи кодируются как интранзитивы, поэтому они подвергаются аппликативизации: *pinu-pinu* 'шептать' → *e-pinu-pinu* 'шептать о чем-л.' (ср. также глагол 'смеяться': *mina* 'смеяться' → *e-mina* 'смеяться над чем-л. / кем-л.'). Поскольку

¹⁷ «If a 'middle section of the [semantic] transitivity hierarchy' is syntactically transitive, then it will often be used intransitively through application of a valency-decreasing derivation [antipassivization]. If, on the other hand, it is syntactically intransitive it will often be used transitively, through application of a valency-increasing derivation [applicativization]» [Dixon Aikhenvald 2000: 20].

эмотивные и когнитивные глаголы находятся довольно низко в иерархии семантической транзитивности, все они кодируются как интранзитивы, способные образовывать аппликативы, вследствие чего этот семантический класс аппликативов является очень продуктивной конструкцией в айнском языке¹⁸. «Психо-аппликативы» легко образуются даже от относительно недавних глагольных заимствований из японского.

- (20) а. *e-simpray* 'беспокоиться о чем-л.' (vt); [Nakagawa 1995: 85] (< японск. *simpray suru* 'беспокоиться')
 б. *e-yorokontaro* 'быть счастливым от чего-л.' (vt); [OI] (< японск. *?yorokobu + daro*: возможно, 'будет счастлив')

Есть значительное число лексических аппликативов с начальным *e-*, материально идентичным с аппликативным префиксом. В отличие от регулярных аппликативов у них нет соответствий без этой начальной фонемы. Можно только предположить, что когда-то исходная форма существовала, но вышла из употребления. Вот список глаголов, которые могут рассматриваться как аппликативы *tantum* (все примеры заимствованы из [Tamura 1996]).

(21) <i>epitattarke</i>	'хихикать над (чем-л.)'
<i>eramucak</i>	'чувствовать отвращение к чему-л.'
<i>eramukoestikari</i>	'быть изумленным чем-л.'
<i>eramumukkosanpa</i>	'быть шокированным плохим отношением кого-л.'
<i>eramunupekus</i>	'печалиться над чем-л.'
<i>eramusirapipi</i>	'чувствовать облегчение по поводу чего-л.'
<i>eramuskari</i>	'не знать чего-л.'

Как видим, большинство эмотивных и когнитивных глаголов в списке (21) содержат компонент *ram-u*, именной корень со значением 'сердце, (чей-л.) дух' (посессивная форма), за которым следуют разные глагольные корни. Существование большого числа лексикализованных глаголов с префиксом *e-*, очевидно, свидетельствует о его древнем происхождении.

Подавляющее большинство аппликативов Содержания производны от интранзитивов. В моем списке большинство аппликативных дериватов на *e-* от транзитивов соответствуют двойным аппликативам на *e-ko-*, в которых *ko-* вводит дополнение с семантической ролью Адресата.

(22)	<i>isoytak</i>	'рассказывать истории' [Nakagawa 1995: 34]; [OI]	(vi)
→а.	<i>ko-isoytak</i>	'рассказывать истории кому-л.' [Nakagawa 1995: 34]; [OI]	(vt)
→б.	<i>e-ko-isoytak</i>	'рассказывать истории кому-л. о чем-л.' [OI]	(vd)
ср. →с.	<i>e-isoytak</i>	'рассказывать истории о чем-л.' [OI], см. (17b)	(vt)

4.2. Семантическая роль Темы

Различие между семантическими ролями Темы и Пациенса довольно нечеткое. Определения Темы и Пациенса, приводимые различными авторами, значительно варьируются. Очевидно, что Пациенс это предмет / лицо, более затронутый действием, чем Тема, поэтому прототипические Пациенсы являются объектами каузации в каузативных ситуациях и объектами, которые подвергаются изменению состояния. Референты, испытывающие изменение места, рассматриваются в различных работах либо как Пациенсы [Geniudienė 1987: 40], либо как Темы [Van Valin, La Polla 1997: 85].

Тип аппликативов на *e-*, обсуждаемый здесь, обычно добавляет роль Темы, как в (23) и (24), тогда как прототипические Пациенсы редко выступают как АО (25);

¹⁸ Айнские данные противоречат обобщению Бейкера [Baker 1988] о том, что определенный класс интранзитивов, а именно пациентивные глаголы (те, у которых субъект происходит от объекта в глубинной структуре), т.е. как раз рассматриваемый здесь семантический класс глаголов не поддается аппликативизации.

поэтому я предпочитаю рассматривать обе семантические роли как своего рода общую гиперроль Темы.

(23) *tap-an to pak-no... a=e=e-punkine ruwe ne*
 это-быть.SG день пока-ADV IND.A=2SG.O=APPL-охранять INF.EV COP
 ‘До сих пор я охранял вас, но...’ [Bugueva 2004: 208]; Тема.

(24) *Ito Anna Ø=or-o wa amip Ø=Ø=e-souk wa*
 И. А. 3.O=место-POSS от/у платье 3.A=3.O=APPL-одолжить и
 Ø=*an*
 3.S=быть.SG
 ‘Ито одолжила платье у Анны’ [OI]; Тема.

(25) *a=Ø=kor son a=Ø=e-coknure*
 IND.A=3.O=иметь ребенок IND.A=3.O=APPL-целовать
 ‘Я поцеловала своего ребенка’ [Honda, Yasuda 1997: 33]; Пациенс.

Следует заметить, что в этом семантическом классе аппликативные дериваты от транзитивов, хотя и немногочисленны, но возможны, как в (26), ср. (6а), что довольно редко наблюдается среди языков различных типов. Ранее сообщалось, что аппликатив, образующий трехактантную конструкцию путем добавления актанта типа Т (= Тема) к двухактантному глаголу был обнаружен всего лишь в одном языке, а именно таба (австронезийский; со ссылкой на Боудена [Bowden 2001: 209]), обычно апплицируемые актаны либо типа R (=Реципиент), либо инструменты [Margetts, Austin 2007: 408].

(26) *usa kemeyki a=unu-hu Ø=i=e-pakasnu*
 разный вышивка IND.A=мать-POSS 3.A=IND.O=о(б).APPL-учить.кого-л.
 ‘Моя мать учила меня разным вышивкам (видам вышивки)’ [Nakagawa 1995: 175].

Отмечу, что АО в (26) предшествует подлежащему, что является нетипичным порядком слов, сигнализирующим высокую степень топикальности АО в коммуникативном плане.

4.3. Семантическая роль Инструмента

Инструмент – это обычно неодушевленный предмет, которым манипулирует Агенс при выполнении действия [Van Valin, La Polla 1997: 85]. Сюда же для удобства я включаю Средство (т.е. расходуемый Инструмент, см. (27)), т.к. в айнском обе роли могут быть парафразированы при помощи одной и той же постпозитивной частицы *ani* в не-апликативной конструкции.

(27) *sisam anak-ne kampi cipetrap*
 японец TOP-COP бумага рваная.вещь
 Ø=Ø=e-kamiu-nomi¹⁹ ki p ne
 3.A=3.O=c.APPL-бог-чествовать делать.AUX NR COP
 ‘Японцы на самом деле чествуют богов порванной бумагой’ [Bugueva 2004: 357].

(28) *taihou Ø=Ø=e-ak...*
 пушка 3.A=3.O=c.APPL-стрелять
 ‘(Он) выстрелил из пушки’ [Nakagawa 1995: 4].

¹⁹ *kampi cipetrap ekamiunomi* ‘чествование богов порванной бумагой’ подразумевает *gohei* (японск.) ‘жезл с пенькой и бумажными лентами’, используемый японцами в синтоистской церемонии. Айны же чествуют богов с помощью *inaw*-заstrуженных палочек для моления и *tonoto*-вина, что считается айнами единственно верным способом чествования *kamiu*-богов (вкл. животных и т.д.). Айны верили, что только при хорошем обращении (т.е. при правильном способе убиения и последующего чествования) *kamiu*-боги могут вернуться к жизни и прийти к людям – айнам, снова принося им в дар свое мясо и шкуры.

Инструментальный АО может быть заменен нулевой анафорой, если его антецедент назывался именной фразой в предыдущем предложении (clause), что указывает на сохранение топикального веса АО.

- (29) *ayuni nispa... marek Ø=Ø=kor wa*
 айнский богатый.человек копьё 3.А=3.О=иметь и
 Ø=Ø=e-yoko-yoko
 3.А=3.О=c.APPL-нацелиться.в.рыбу
 'Богатый айн взял копьё и нацелился (им) в рыбу' [Takahashi 1988: 89].

4.4. Семантическая роль Причины

Причина – это участник ситуации: предмет, как в (30а), или другая ситуация, как в (31), которая индуцирует называемую ситуацию (ср. [Плунгян 2000: 166]).

Причина отличается от Стимула (рассматриваемого здесь в разделе Содержание, п. 4.1) тем, что в первом случае имеется в виду непосредственная причина, а Стимул рассматривается как косвенная причина, ср. (30а) и (30b). Заметим, что АО в (30а) инкорпорирован, поэтому производный глагол интранзитивен:

- (30) а. *nipe-e-siknak=an pe ne*
 слезы-из-за.APPL-быть.неспособным.видеть=IND.S NR COP
 'Я не мог видеть из-за слез' [Okuda 1999: 309]; Причина.
 б. *ket ohownu wa en=kor-e,*
 игла вдеть.нитку.в и 1SG.O=иметь-CAUS
k=Ø=e-siknak na
 1SG.A=3.O=APPL-быть.неспособным.видеть FIN
 'Вдень нитку в иголку для меня, я не вижу ее' [Tamura 1996: 124]; Стимул.

Каузальные аппликативы производны от большинства семантических типов глаголов, которые открыты для деривации аппликативов Содержания (ср. п. 4.1), и от глаголов, обозначающих качества (31).

- (31) *kon-kane-u-omare=an.*
 золото-деньги-REC-собирать=IND.S
newaapre a=Ø=e-pirka kor an=an
 что IND.A=3.O=из-за.APPL-быть.богатым и быть.SG=IND.S
 'Я собрал золотые деньги. Из-за этого я стал богатым' [Nakagawa 1995: 309].

В (31) АО выражен указательным местоимением *newaapre* 'тот, то', отсылающим к ранее описанной ситуации, которая также могла бы быть выражена придаточным дополнительным предложением, ср. (13).

4.5. Семантическая роль Места

По определению Ван Валина, Место есть «пространственный локус ситуации, как нахождение книги на столе или поедание Бобом сэндвича на кухне»²⁰ [Van Valin 1997: 86].

Локативные аппликативы производны от глаголов положения (32), либо от глаголов действия (33), последние часто транзитивны. Заметим, что АО *usi* в (32) релятивизирован и что релятивизации подлежат только топикальные объекты.

- (32) *katkemat a=Ø=e-hotke usi Ø=Ø=kar*
 хозяйка IND.A=3.O=на.APPL-ложиться место 3.А=3.О=делать
wa Ø=i=kor-e
 и 3.А=IND.O=иметь-CAUS

²⁰ «A spatial locus of a state of affairs, as in the book being on the table or Bob eating a sandwich in the kitchen» [Van Valin 1997: 86].

‘Хозяйка приготовила спальное место для меня’ [Bugaeva 2004: 400]

- (33) *sirar a=i=e-kik-kik kor kakkarse hacir=an*
скала IND.A=3.O=на.APPL-ударить-ударить тогда катиться упасть=IND.S
‘Меня с силой швырнули на скалу и я упал, покотившись вниз.’ [Nakagawa 2005: 170]

Локативные АО могут быть парафразированы с помощью постпозитивной частицы *ta* ‘в/на’ в неапликативной конструкции.

4.6. Семантическая роль Сферы действия (Range)

Это роль ограниченной площади / сферы, на которую распространяется ситуация [Mizutani (ed.) 1996: 159], она редко выделяется, но существенна для анализа айнских аппликативов. В литературе также используются такие термины, как Аспект или Ограниченное отношение [Апресян 1974: 125].

Семантические типы глаголов, наиболее склонных к аппликативной деривации с дополнением сферы действия – это пациентивные глаголы, называющие способности людей. Значения этих аппликативных глаголов часто такие: ‘быть способным / неспособным к чему-л.’, ‘быть сильным / слабым в чем-л.’, ‘быть скорым / медленным в чем-л.’ и т. п.

- (34) *nerki-e-askay²¹ pak eci=poro ruwe an*
работа-для.APPL-быть.способным как 2PL.S=быть.большим INF.EV быть.SG
‘Вы такие большие, что на самом деле можете работать!’ (букв. ‘вы способны к работе’) [Bugaeva 2004: 123]

Имеются также аппликативы с данным типом АО, производные от транзитивов, например, *e-tusmak* опережать кого-л. в чем-л.’

- (35) [*hoski tasi a=∅=ki kusu ne p*]_o
сначала EMP IND.A=3.O=делать намерение COP COMP
e=i=e-tusmak
2SG.A=IND.O=в.APPL-опережать
‘Ты опередил нас в том, что мы собирались сделать первыми’ [Kirikae 2003: 66]

4.7. Семантическая роль Образа действия (Manner)

Образ действия – это способ совершения действия или изменения состояния [Blake 1994: 70].

В этом семантическом классе нет производных от транзитивов. Все аппликативы Способа действия в моем списке производны от интранзитивных глаголов движения.

- (36) *sinki ∅=∅=e-hosipi*
усталость 3.A=3.O=APPL-вернуться
‘(Он) вернулся усталым’ (букв. ‘с усталостью’) [Kindaichi (1931) 1993: 266].

4.8. Семантическая роль Маршрута (Path)

Маршрут – это путь, по которому движется объект [Blake 1994: 70].

Глагол *e-apkas-te* ‘заставить кого-л. идти по’ интерпретируется как каузативированный аппликатив *e-apkas* от исходного интранзитива *apkas* (заметим, что в Табл. 2 отсутствуют деривативы от транзитивов). В принципе, этот дериват может быть истолкован как аппликативированный каузатив *apkas-te*, но я предпочитаю первую интерпретацию. В целом, каузативная деривация с аффиксами *-e/-te/-re* очень продуктивна в айнском языке. Она не имеет ограничений на совмещение с другими изменяющими валентность

²¹ Глагол *nerki-e-askay* номинализован, поэтому в нем отсутствуют маркеры лица и числа.

средствами и применяется по отношению ко всем интранзитивным и двухактантным транзитивным глаголам.

- (37) *a=po-utar-i* *sorekusu kotan Ø=utur-u*
IND.A=ребенок-PL-POSS especially деревня 3.O=между-POSS
a=Ø=e-apkas-te *pa*
IND.A=3.O=по.APPL-ходить-CAUS PL
'Я заставлял своих детей ходить между (двумя) деревнями' [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)].

Семантическая роль Маршрута может маркироваться постпозитивной частицей *peka* 'через, по' в соотносительных неаппликативных конструкциях.

4.9. Семантическая роль Цели

Целью считается мотив совершения действия.

Как и в случаях с Образом действия и Маршрутом, в этом классе нет дериватов от транзитивов.

Отмечу, что в (38) аппликативное дополнение *nerki* 'работа' инкорпорировано, поэтому производный глагол *nerki-e-paye* 'идти на работу.PL' интранзитивен.

- (38) *nisat-ta nerki-e-paye=an kus-ne na*
заря-на работа-для.APPL-идти.PL=IND.S намерение-COP FIN
'Давай пойдем на работу завтра!' [Bugaeva 2004: 2-13]

5. АППЛИКАТИВЫ С ПРЕФИКСОМ *ko-*

Общепринятая этимология для аппликативного префикса *ko-* довольно спорная. По мнению Киндаити [Kindaichi (1931) 1993: 276], он мог развиваться из адвербиального союза *kor* 'в то время как, пока, когда', который в свою очередь восходит к глаголу *kor* 'иметь что-л. / кого-л.'. Киндаити доказывает наличие связи между *kor* 'пока, когда' и значением Образа действия префикса *ko-*: поликлаузальная адвербиальная конструкция *sinki kor irwak* 'вернуться будучи усталым' развилась в моноклаузальную аппликативную конструкцию *sinki ko-irwak* 'вернуться с усталостью'. Проблема заключается в том, что Образ действия, будучи общим значением аппликативов на *e-* (ср. п. 4.7), является крайне периферийным значением префикса *ko-* (см. Табл. 3). Однако материальное сходство аппликативного префикса *ko-* и глагола *kor* 'иметь что-л. / кого-л.' вряд ли может рассматриваться как случайное.

Морфологический класс аппликативов на *ko-* является вторым по величине после обширного класса на *e-* (282 глагола в списке). По сравнению с другими аппликативами дериваты на *ko-* имеют самое большое число производных от исходных транзитивов (27%), которое все же невелико по сравнению с числом дериватов от исходных интранзитивов (73%). Как видим из Табл. 3, самые частые значения префикса *ko-*, а именно Адресата, Конечной точки и Комитатива: Ко-пациенса, чаще имеют место при исходных интранзитивах, в то время как менее частые значения *ko-*, а именно Реципиента, Источника и Бенефактива, обычно коррелируют с транзитивными основами.

Большинство семантических ролей аппликативного дополнения (Адресат, Реципиент, Источник, Бенефактив/Малефактив, Комитатив: Ко-пациенс), вводимого префиксом *ko-*, типично ассоциируются с одушевленными референтами, поэтому они могут вызвать эксплицитное согласование с дополнением в аппликативном глаголе, если называют 1-е или 2-е лицо. Из-за ассоциации с одушевленными референтами аппликативы на *ko-* часто служат исходными глаголами для реципрокальной и рефлексивной деривации, см. [Bugaeva 2005: 325; Alpatov et al. 2007].

Для аппликативных конструкций с показателем *ko-* (с дополнением Реципиента и Малефактива) отсутствуют соотносительные неаппликативные конструкции с парафра-

зами при помощи постпозитивных частиц, вследствие чего эти аппликативы являются единственным средством выражения названных значений.

Ниже следуют примеры и комментарии для аппликативов на *ko-* с каждым типом дополнения.

5.1. Семантическая роль Адресата

Адресатом является партиципant – получатель информации или партиципant, на которого распространяется отношение другого партиципанта.

Аппликативы с АО Адресата производны от глаголов, обозначающих речевые действия (39b) или психологические состояния (40b), которые, как уже отмечалось в п. 4.1, в айнском обычно кодируются непереходными глаголами, ср. исходные конструкции в (39a)–(40a).

(39) a. *tan pon-menoko e=ne wa itak=an ciki*
 этот молодой-женщина 2SG.A=COP и говорить=IND.S если
e=∅=nu katu an na.
 2SG.A=3.O=слушать форма быть.SG FIN
 ‘Раз ты молодая женщина, (хорошенько) слушай, когда я говорю’ [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)]

b. *sineanpeta a=mac-ihī a=∅=ko-itak hawe*
 один.день IND.A=жена-POSS IND.A=3.O=к.APPL-говорить REP.EV
ene an i
 как быть NR
 ‘Однажды я сказал своей жене так...’ [SN.N]

(40) a. *ene an wen kamuy a=∅=resu wa*
 такой быть.SG плохой бог IND.A=3.O=растить и
a=∅=pirka-resu... wen kamuy ∅=∅=yairayke ki
 IND.A=3.O=хорошо-растить плохой бог 3.A=3.O=благодарить делать.AUX
 ‘(Так вот) растил я, хорошо растил я этого злого божка, и злой божок платил благодарностью’ [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)]

b. *a=ekas-ihī a=∅=ko-yairayke*
 IND.A=дедушка-POSS IND.A=3.O=к.APPL-благодарить
 ‘Я был благодарен моему дедушке’ [Bugaeva 2004: 232].

ср.
 c. [*a=e=rura hi*]_o *a=∅=e-yairayke*
 IND.A=2SG.O=нести COMP IND.A=3.O=o(б).APPL-благодарить
itak a=∅=ye kor
 слова IND.A=3.O=говорить и
 ‘Я произнес слова благодарности за то, что тебя отнесли (туда)’ [Nakagawa 1995: 391].

Однако есть несколько исключений, когда аппликативы на *ko-* с Адресатом (41b) образованы от непроезводных транзитивов названных выше типов с исходным дополнением Содержания, ср. (41a). Чаще же всего роль Содержания добавляется префиксом *e-* к аппликативам на *ko-* с Адресатом (22b) или непосредственно к интранзитивным исходным глаголам (40c).

(41) a. *nea nispa ka nep ka ∅=∅=ruska a ruwe*
 тот богач также что-то также 3.A=3.O=сердиться.из-за PERF INF.EV
ne noune an hine
 COP кажется быть.SG и
 ‘Казалось, что тот богач был чем-то рассержен’ [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)].

b. *haru kamuy newaanpe ∅=i=ko-ruska*
 пища (здесь: урожай) бог что 3.A=IND.O=на.APPL-сердиться.из-за
 ‘Богиня урожая рассердилась на меня за это.’ [Kubodera 1977: 168]

5.2. Семантическая роль Конечной точки

Роль Конечной точки – места достижения – сходна с Реципиентом, за исключением того, что Конечная точка – это обычно неодушевленный объект [Van Valin, La Polla 1997: 85].

Апликативы с этой ролью АО часто производны от глаголов движения, большинство которых интранзитивны. Как уже упоминалось в разделе 3 [см. (10)], апликативы на *ko-* могут принимать в качестве АО имена ‘не-места’ без локативных существительных (42), (43), и эта черта отличает их от апликативов на *o-* с этой же семантической ролью Конечной точки, ср. п. 6.1. Замечу, что *nipuriri* ‘гора’ в (42) также существительное ‘не-места’ (в отличие от *kim* ‘гора’, которое является именем ‘места’), которое потребовало бы локативного существительного в постпозиции, если бы оно было употреблено с одноосновным апликативом на *o-*, а именно глаголом *o-hemesu* ‘взбираться на’, ср. (57).

(42) *tan nipuriri atcas ne e=∅=ko-hemesu wa*
 эта гора одна.попытка как 2SG.A=3.O=к/на.APPL-взбираться и
 ‘Ты взобрался на гору за один раз.’ [Nakagawa 1995: 349]

(43) [*ecicikeppo puyar-sik-rap ∅=∅=tok-pa-tok-pa hawe*]_A
 синица окно-глаз-перо 3.A=3.O=клевать-PL-клевать-PL COMP
∅=i=ko-ek humi ene an i
 3.A=IND.O=к.APPL-прийти NONVIS.EV как быть NR
 ‘Синица стучала клювом по соломенной занавеске, и эти звуки означали...’; (букв. ‘Клевки синицы по занавеске достигли меня, как следующее...’) [Bugueva 2004: 151].

Апликативные дополнения Конечной точки при глаголах на *ko-* могут быть парафразированы постпозитивной частицей *in* ‘к/в’, которая требует употребления локативного существительного *or-(o)* ‘место’ после имен ‘не-места’ в неапликативной конструкции.

5.3. Семантическая роль Комитатива: Ко- пациенса

При описании значений айнских апликативов, как и при описании апликативов в других языках²², часто используется термин «комитатив» [Kindaichi (1931) 1993: 184], что не совсем корректно. В последних типологических исследованиях подчеркивается, что комитатив или «комитативная конструкция – это прежде всего морфосинтаксическое средство, применимое к участникам (ИГ) с различными семантическими ролями» [Архипов 2005: 8], такими, например, как Ко-агенса, Ко-пациенса, Ко-инструмент и т.д.

Характерно, что айнские апликативы на *ko-* могут добавлять АО только с семантической ролью Ко-пациенса (44), но не Ко-агенса, т.к. образуются в основном от пациентивных интранзитивов: вновь добавленный АО Ко-пациенса симметричен с подлежащим-пациентом исходного (пациентивного) интранзитива, ср. (45a) и (45b), (все примеры заимствованы из [Tamura 1996]).

(44) *ko-hokus* ‘упасть с кем-л. / чем-л.’
ko-karkarse ‘катиться с кем-л. / чем-л.’
ko-onne ‘состариться с кем-л., жить долго с кем-л.’
ko-pokor ‘иметь ребенка с кем-л. (т. е. от кого-л.)’
ko-rewsi ‘провести ночь / остаться на ночь с кем-л.’
ko-sini ‘отдыхать с кем-л.’
ko-yantone ‘жить с кем-л.’

²² Редким исключением являются работы М. Донохью об апликативах в языке туканг беси [Donohue 1999; 2001], в которых выделяется семантическая роль Ко-агенса вместо общепринятого «комитатива».

- (45) a. *tane onne=an wa arkas ka*
сейчас жить.долго/стареть=IND.S и ходить даже
a=∅=nikuri
IND.A=3.O=быть.затруднительным
'Я уже стар (=живу долго) и мне даже трудно ходить' [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)]
- b. *a=∅=kor ekasi [po-kor=an siri ka]_o*
IND.A=3.O=иметь дедушка ребенок-иметь=IND.S VIS.EV даже
∅=∅=nikar kane rak-no ∅=i=ko-onne
3.A=3.O=видеть как пока-ADV 3.A=IND.O=c.APPL-жить.долго/стареть
'Мой дед жил *со мной* так долго, что увидел, как у меня родились дети.' [Tamura 1997: 130]

Кроме того, аппликативы с Ко- пациенсом могут быть образованы от транзитивов действия: в соответствующих производных конструкциях добавленное АО Ко- пациенса симметрично с дополнением Пациенса исходного транзитива (46) (все примеры заимствованы из [Tamura 1996]), ср. также (47a) и (47b).

- (46) *ko-e* 'есть что-л. с чем-л.'
ko-ropte 'сварить что-л. с чем-л.'
ko-roye 'смешать что-л. с чем-л.'
ko-sina 'связать что-л. / кого-л. с чем-л. / кем-л.'
ko-supra 'варить что-л. (PL) вместе с чем-л.'
ko-tata 'рубить что-л. вместе с чем-л.'
- (47) a. *kat pirka hi kirpu pirka hi pone sak*
мясо хороший NR жир хороший NR кости отсутствовать
∅=usi-ke-he ∅=∅=supra wa
3.O=место-POSS-POSS 3.A=3.O=варить.PL и
'(Когда он вернулся домой), он сварил хорошие куски мяса, жирные куски без костей.' [Nakagawa, Bugaeva (forthcoming)].
- b. *sir-mata kor kina rataskep a=∅=ko-supra*
вид-зима когда трава дикая.трава IND.A=3.O=c.APPL-варить.PL
'Когда пришла зима, я варил (мелкую рыбу) *вместе с дикими травами*' [Tamura 1997: 56]

Небольшая группа аппликативов на *e-*, на первый взгляд, как будто тоже добавляет АО с семантической ролью Ко- пациенса, как в (48a), и даже Ко- агенса, как в (48b), однако при более подробном рассмотрении данных аппликативов в контексте становится ясным, что данные АО следует интерпретировать скорее как локативные (48a) и инструментальные (48b).

- (48) a. *e-apa-kor* 'породниться с кем-л.' [Tamura 1996: 72]
e-irwak-kor 'стать братьями с кем-л.' [Tamura 1996: 84]
e-katayrotke 'быть / стать с кем-л. в хороших отношениях' [Tamura 1996: 88]
e-utan-ne 'войти в одну общину с кем-л.' [Tamura 1996: 148]
- b. *e-hoyuru* 'бежать вместе с кем-л. / бежать схватив кого-л.' [Tamura 1996: 83]
e-kira 'убежать / совершить побег вместе с кем-л.' [Tamura 1996: 90]
e-kucasanke 'вернуться из лесной сторожки в деревню вместе с кем-л.' [Tamura 1996: 94]
e-tunus 'действовать вдвоём с кем-л.' [Nakagawa 1995: 90]

5.4. Семантическая роль Бенефактива

Роль Бенефактива приписывается участнику, для блага которого совершается некоторое действие [Van Valin, La Polla 1997: 85].

По утверждению Сибатани [Shibatani 1996: 173], бенефактивные аппликативы образованы по схеме так называемых 'give'-конструкций, и поскольку ситуация давания

- (53) *usey-kar=an* *wa a=∅=ko-usey-ke*
горячая.вода-делать=IND.S и IND.A=3.O=APPL-горячая.вода-набрать
‘Я вскипятил воду и набрал горячей воды, чтобы ошпарить (Асвахотесу)’ (букв.
‘Я сделал горячую воду и набрал горячей воды *во вред* (Асвахотесу).’) [Nakagawa
2001: 109].

5.6. Семантическая роль Реципиента

Реципиент – это партиципant, который получает что-либо [Van Valin, La Polla 1997: 86].

Как и в случае бенефактивов и малефактивов, аппликативы с Реципиентом могут быть производны от транзитивных (54) и интранзитивных (55) глаголов действия, но исходные интранзитивы обычно содержат инкорпорированный объект Темы или антипассивный префикс *i-*; оба способа служат для уменьшения веса исходного дополнения. Отмечу, что антипассивный префикс *i-* (этимологически ‘вещь, предмет’) занимает позицию показателя прямого дополнения в глаголе и накладывает запрет на выражение исходного дополнения, как в (55); ср. (54), где исходное дополнение опущено.

- (54) *ne kamuyasi anak-ne a=∅=tuy-pa-tuy-pa wa*
что чудище TOP-COP IND.A=3.O=рубить-PL-рубить-PL и
munin samanni a=∅=ko-puni
гнилой упавшее.дерево IND.A=3.O=к.APPL-предлагать
‘Я порубил это чудище и предложил (его) гнилому упавшему дереву.’ [Bugaeva
2004: 199].
- (55) *a=i=ko-i-puni wa ipe=an*
IND.A=IND.O=к.APPL-APASS(здесь: ‘пища’)-предложить и есть=IND.S
‘Мне предложили пищу, и я поел’ [Bugaeva 2004: 263]

5.7. Семантическая роль Источника

Источником является точка происхождения данного положения вещей, данной ситуации [Van Valin, La Polla 1997: 86].

Эта роль противоположна Реципиенту. Соотношение аппликативов с Источником производных от транзитивов (56) и от интранзитивов такое же, как и в случае аппликативов с Реципиентом, и все прочие характеристики у них также совпадают.

- (56) [*a=hoku-hu ka ∅=tepa-ha ka*
IND.A=муж-POSS также 3.A=набедренная.повязка-POSS также
∅=mi-p-ihī ka a=∅=ko-soso kuni]o
3.A=носить-NR-POSS также IND.A=3.O=от.APPL-сорвать/снять COMP
suy a=∅=e-rek
снова IND.A=3.O=о(б).APPL-петь
‘Я пела, что я заберу у *своего мужа* его набедренную повязку и одежду.’ [Bugaeva
2004: 158]

Апликативы Источника на *ko-* могут быть парафразированы посредством падежной частицы *wa* ‘от’, которая может быть употреблена только после локативного существительного *or-(o)* ‘место’ в неапликативных парафразах; напомню, что *or-(o)* не требуется с апликативами на *ko-*, см. (56).

6. АППЛИКАТИВЫ С ПРЕФИКСОМ *o-*

Этимология этого префикса довольно прозрачна: он вероятно восходит к локативному существительному *or-o* [место-POSS] ‘место’, которое в свою очередь восходит к связанному имени *ho* ‘нижняя часть (ягодицы)’, обнаруживаемому в качестве лексического префикса во многих глаголах, как ранее отмечалось в работе Киндаити [Kindaichi (1931) 1993: 271].

Как было отмечено в разделе 3, префикс *o-* может добавлять АО, выраженные именами «мест» без специальных локативных существительных (8), (58) или выраженные именами «не-мест» в сочетании с локативными существительными в постпозиции (9), (57), (59), (60).

Морфологический класс аппликативов на *o-* самый малочисленный (всего 62 глагола в моем списке) и весьма однородный в семантическом плане (при них отмечены как продуктивные только роли Конечной точки и Места). В моем списке аппликативы на *o-* от исходных интранзитивов (81%) более многочисленны, чем дериваты от исходных транзитивов (19%).

Далее следуют примеры и комментарии для аппликативов на *o-* с разными типами АО.

6.1. Семантическая роль Конечной точки

Определение роли Конечной точки дано в п. 5.2.

Апликативы Конечной точки обычно производны от интранзитивных глаголов движения (1b), (57) и изредка от транзитивов действия, приводящего к изменению положения объекта (58).

(57) *nupuri hontom Ø=Ø=o-hemesu wa*
 гора середина 3.A=3.O=к.APPL-взбираться и
 '(Лиса) поднялась до середины горы и...' [Nakagawa 2001: 97]

(58) *tumunci kamuy a=Ø=kor kotan-u i=o-rura*
 война бог IND.A=3.O=иметь деревня-POSS IND.O=к.APPL-нести
wa i=kor-pa-re yan
 и IND.O=иметь-PL-CAUS IMP.POL
 'Бог войны! Пожалуйста, ради моего спасения отнеси меня в мою деревню.'
 [Nakagawa 2001: 144].

Дополнение Конечной точки апликатива на *o-* может быть парафразировано постпозитивной частицей *in* 'в/к' в соотносительной неапликативной конструкции.

6.2. Семантическая роль Места

Определение Места см. в п. 4.5.

Как и в случае локативных апликативов на *e-*, дериваты от исходных интранзитивов (59) значительно более многочисленны, чем от транзитивов (60).

(59) *a=ar-serke-he toy tum Ø=Ø=o-rer*
 IND.A=одна-часть.POSS-POSS земля внутрь 3.A=3.O=в.APPL-погрузиться
 'Половина моего тела погрузилась в землю.' [Nakagawa 1995: 427]

(60) *kamuy Ø=Ø=kar casi upsor Ø=or-ke*
 бог 3.A=3.O=делать замок внутри 3.O=место-POSS
a=i=o-resu
 IND.A=3.O=в.APPL-воспитать
 'Меня вырастили внутри замка, который был построен богами.' [Kubodera 1977: 518].

Локативные дополнения апликативов на *o-* могут быть парафразированы с помощью постпозитивной частицы *ta* 'в/на' в неапликативной конструкции.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. АЙНСКИЕ АППЛИКАТИВЫ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В айнском языке имеются как типичные, так и необычные апликативные конструкции, детально рассмотренные в настоящей статье.

Айнские апликативы представляют особый интерес для лингвистической типологии, поскольку они меняют общую картину апликативов, составленную по данным

языков различных типов, тем, что расширяют установленные пределы их вариативности. Так, айнские аппликативы обладают следующими отличительными особенностями, перечисленными ниже по степени своеобразия.

- Во всех морфологических классах аппликативов с префиксами *e-*, *ko-*, *o-*, производные от интранзитивов гораздо более многочисленны, чем производные от транзитивов.
- Бенефактив, вводимый префиксом *ko-* (и изредка посредством *e-*), не является самой распространенной семантической ролью аппликативного дополнения.
- Имеются аппликативы с двойными показателями *ko-e-* или *e-ko-* и ряд других комбинаций аппликативных префиксов, если они занимают разные позиции в структуре глагола.
- Аппликативы на *e-* могут принимать главную непериферийную роль Темы, расширяя таким образом функции этого аппликативного показателя в айнском языке путем включения некаузативной транзитивизации.
- Аппликативы на *e-* с дополнением Темы могут быть образованы от двухместных транзитивных глаголов, которые уже имеют исходное дополнение с ролью Реципиента.
- Аппликативы, такие как дериваты с префиксом *e-* и семантической ролью Содержания²³, которые составляют самый продуктивный класс среди всех айнских аппликативов, нечастое явление в языках мира.
- Большая часть аппликативов на *e-* с АО Содержания и аппликативов на *ko-* с АО Комитатива: Ко-пациенса производна от пациентивных глаголов, которые ранее считались неспособными к аппликативизации.
- Большая часть аппликативных конструкций с показателями *e-* и *ko-*, включая конструкции с семантическими ролями Темы, Содержания, Реципиента, Малефактива, не имеет соотносительных неаппликативных парафраз; таким образом, данные аппликативные конструкции являются единственным способом выражения этих семантических ролей.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ГЛОССИРОВАНИИ

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо, Ø – нулевой показатель 3-го лица, - – границы словообразовательных морфем, = – границы словоизменительных морфем, А – подлежащее переходного глагола, ADV – адвербиальный показатель, АО – аппликативное дополнение, APASS – антипассив, APPL – аппликатив, AUX – вспомогательный глагол, CAUS – каузатив, COMP – комплементаризатор, COP – связка, DIM – уменьшительный показатель, EMP – эмфатическая частица, EXC – эксклюзив, FIN – заключительная частица, IMP.POL – вежливый императив, INC – инклюзив, IND – неопределенное лицо, INF.EV – инференциальный эвиденциальный показатель, NEG – показатель отрицания, NONVIS.EV – не визуальный эвиденциальный показатель, NR – номинализатор, O – дополнение, PERF – перфект, PL – мн. число, POSS – показатель посессивности, Q – вопросительная частица, REC – реципрок, REFL – рефлексив, REP.EV – показатель эвиденциальности, маркирующий информацию, основанную на устном сообщении, S – подлежащее непереходного глагола, SG – ед. число, SOC – социатив, TOP – топик, V – гласный или припев в сказках, vd – дитранзитивный глагол (трехактантный), vi – непереходный глагол, VIS.EV – визуальный эвиденциальный показатель, vt – переходный глагол.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
Архипов 2005 – А.В. *Архипов*. Типология комитативных конструкций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2005.
Вахтин 1987 – Н.Б. *Вахтин*. Синтаксис простого предложения эскимосского языка. Л., 1987.
Пименов 1995 – Е.А. *Пименов*. Типология транзитивированных глаголов. Кемерово, 1995.
Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.

²³ Напомню, что здесь Содержание интерпретируется как гиперроль, включающая в себя Стимул и Содержание высказывания, см. п. 4.1.

- Alpatov et al. 2007 – *V.M. Alpatov, A.Ju. Bugaeva, V.P. Nedjalkov*. Reciprocals and sociatives in Ainu // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. (TSL 71). Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Austin 1997 – *P.K. Austin*. Causatives and applicatives in Australian aboriginal languages // K. Matsumura, T. Hayashi (eds.). The dative and related phenomena. Tokyo, 1997.
- Baker 1988 – *M. Baker*. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.
- Blake 1994 – *B.J. Blake*. Case. Cambridge, 1994.
- Bowden 2001 – *J. Bowden*. Taba: description of a South Halmahera language. Canberra, 2001.
- Bugaeva 2004 – *A. Bugaeva*. Grammar and folklore texts of the Chitose dialect of Ainu (Idiolect of Ito Oda). ELPR Publication Series A-045. Osaka, 2004.
- Bugaeva 2005 – *A. Bugaeva*. Ainugo no juutoo settooji (soogo, kyoodoo no hasei o chuusin ni) [Ainu applicative prefixes (with an emphasis on reciprocal and sociative derivations)] // Nihon gengogak-kai yokooshuu. 131. Kyoto, 2005.
- Bugaeva 2008 – *A. Bugaeva*. Reported discourse and logophoricity in Southern Hokkaido dialects of Ainu // Gengo Kenkyuu. 133. Kyoto, 2008.
- Chiri (1936) 1974 – *M. Chiri*. Ainu gohoo gaisetuu [An outline of Ainu grammar] // Переизд.: Chiri Mashiho chosakushuu. V. 4. Tokyo, 1974.
- Chiri (1942) 1973 – *M. Chiri*. Ainu gohoo kenkyuu – karafuto hoogen o chuushin to shite [Studies in Ainu grammar – with an emphasis on the Sakhalin dialect] // Переизд.: Chiri Mashiho chosakushuu. V. 3. Tokyo, 1973.
- Comrie 1985 – *B. Comrie*. Causative verb formation and other verb-derivating morphology // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. 3. Cambridge, 1985.
- Donohue 1999 – *M. Donohue*. A grammar of Tukang Besi. Berlin; New York, 1999.
- Donohue 2001 – *M. Donohue*. Coding choices in argument structure: Austronesian applicatives in texts // Studies in language. 2001. 25. № 2.
- Dixon 1977 – *R.M.W. Dixon*. A grammar of Yidiny. Cambridge, 1977.
- Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000 – *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald* (eds.). Changing valency. Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Geniušienė 1987 – *E. Geniušienė*. The typology of reflexives. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Gerds, Kiyosawa 2005 – *D.B. Gerds, K. Kiyosawa*. Halkomelem psych applicatives // Studies in language. Amsterdam; Philadelphia, 2005. 29. № 2.
- Givón 1983 – *T. Givón*. Topic continuity in discourse: An introduction // Topic continuity in discourse: a quantitative cross-language study. TSL 3. Amsterdam; Philadelphia, 1983.
- Hagège 1974 – *C. Hagège*. Les pronoms logophoriques // Bulléтин de la Société de linguistique de Paris. 1974. 69.
- Ichihashi-Nakayama 1996 – *K. Ichihashi-Nakayama*. The «applicative» in Hualapai: Its functions and meaning // Cognitive linguistics. 1996. 7. № 2.
- Kindaichi (1931) 1993 – *K. Kindaichi*. Ainu yuukara gohoo tekiyoo [An outline grammar of the Ainu epic poetry]. Ainu jojishi yuukara no kenkyuu 2, Tokyo, 1931. (Переизд.: Ainugogaku koogi 2 [Lectures on Ainu studies 2]. Kindaichi Kyoosuke zenshuu. Ainugo I. V. 5. Tokyo, 1993.)
- Margetts, Austin 2007 – *A. Margetts, P.K. Austin*. Three participant events in the languages of the world: towards a cross-linguistic typology // Linguistics. 2007. 45.
- Mizutani (ed.) 1996 – *O. Mizutani* (ed.). Nihongo ni okeru hyoosookaku to shinsookaku no tai'oo kankei [Given English title: Cases and Japanese postpositions] // Kokuritsu kokugo kenkyuujo hookoku. Tokyo, 1996. 113.
- Nakagawa 1979 – *H. Nakagawa*. Ainugo no kaku kankei o arawasu settooji ni tsuite [On the verbal suffixes denoting case relations] // Gengogaku Enshuu '78. Tokyo, 1979.
- Peterson 1999 – *D.A. Peterson*. Discourse-functional, historical, and typological aspects of applicative constructions, PhD thesis. Berkeley university, 1999.
- Peterson 2007 – *D.A. Peterson*. Applicative constructions. Oxford, 2007.
- Polinsky 2005 – *M. Polinsky*. Applicative constructions // M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). The world atlas of language structures. Oxford; New York, 2005.
- Shibatani 1996 – *M. Shibatani*. Applicatives and benefactives: A cognitive account // M. Shibatani, S. Thompson (eds.). Grammatical constructions. Their form and meaning. Oxford, 1996.
- Shibatani 2006 – *M. Shibatani*. On the conceptual framework for voice // Linguistics. 2006. 44. № 2.
- Spencer 1991 – *A. Spencer*. Morphological theory. Oxford, 1991.
- Tamura 1970 – *S. Tamura*. Personal affixes in the Saru dialect of Ainu // R. Jakobson, S. Kawamoto (eds.). Studies in general and oriental linguistics. Tokyo, 1970.
- Tamura (1972) 2001 – *S. Tamura*. Ainugo saru hoogen no ninshoo no shurui [Types of grammatical person in the Saru dialect of Ainu] // Gengo Kenkyuu. 61. (Переизд.: Ainugo-koo, Bunpoo I. V. 4. Tokyo, 2001.)

- Tamura (1988) 2000 – *S. Tamura*. Ainugo [The Ainu language] // Kamei, Takashi, Rokuroo Koono, Eiichi Chino (eds.). Gengogaku daijiten. Tokyo, 1988. (Англ. пер.: The Ainu language // ICHIL Linguistic studies. V. 2. Tokyo, 2000.)
- Van Valin, LaPolla 1997 – *R.D. Van Valin, R.J. LaPolla*. Syntax. Structure, meaning and function. Cambridge, 1997.
- Watanabe 1997 – *H. Watanabe*. Indirective (applicative) in Mainland Comox Salish // Gengo Kenkyuu. 111. Kyoto, 1997.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

- AS – *Сэйно Араида* (род. 1917), носительница диалекта Сару (пос. Мукава) айнского языка, полевые записи автора.
- Bugaeva 2004 – *A. Bugaeva*. Grammar and folklore texts of the Chitose dialect of Ainu (Idiolect of Ito Oda). ELPR Publication Series A-045. Osaka, 2004.
- Honda, Yasuda 1997 – *Y. Honda, C. Yasuda*. Ueda Toshi no uepeker [Folktales by Ueda Toshi]. Shiraoi, 1997.
- Kindaichi (1931) 1993 – *K. Kindaichi*. Ainu yuukara gohoo tekiyoo [An outline grammar of the Ainu epic poetry]. Ainu jojishi yuukara no kenkyuu 2, Tokyo, 1931. (Перезд.: Ainugogaku koogi 2 [Lectures on Ainu studies 2]. Kindaichi Kyoosuke zenshuu. Ainugo I. V. 5. Tokyo, 1993.)
- Kirikae 2003 – *H. Kirikae*. Ainu shin'yooshuu jiten. Tekisuto, bunpoo kaisetsu-tsuki. [Lexicon to Yukie Chiri's Ainu shinyooshuu 'songs of gods' with texts and grammatical notes]. Tokyo, 2003.
- Kubodera 1977 – *I. Kubodera*. Ainu jojishi shinyoo seiden no kenkyuu [The study of Ainu heroic epics and songs of gods]. Tokyo, 1977.
- Nakagawa 1995 – *H. Nakagawa*. Ainugo chitose hoogen jiten [A dictionary of the Chitose dialect of Ainu]. Tokyo, 1995.
- Nakagawa 2001 – *H. Nakagawa*. Tumunci pencay okokko pencay. Ainu Chitose hoogen jojishi tekisuto [Tumunci pencay okokko pencay. Epic texts of the Chitose dialect of Ainu] // Miura (ed.). Jyojishi no gakusai-teki kenkyuu. Chiba, 2001.
- Nakagawa 2002 – *H. Nakagawa*. Ainugo kooshoobungei tekisuto 3 [Ainu folklore text 3] // Chiba daigaku yuurashia gengo bunka ronshuu. 5. Chiba, 2002.
- Nakagawa 2005 – *H. Nakagawa*. Ainugo koosyoobungei tekisuto 6 [Ainu folklore text 6] // Chiba daigaku yuurashia gengo bunka ronshuu. 8. Chiba, 2005.
- Nakagawa, Bugaeva (forthcoming) – *H. Nakagawa, A. Bugaeva*. A web-accessible corpus of folktales of the Saru dialect of Ainu by Mrs. Kimi Kimura (1900–1988). ELDP. SOAS. University of London. (forthcoming:<http://www.hrelp.org/documentation>)
- OI – *Ито Ода* (1908–2000), носительница диалекта Титосэ айнского языка, полевые записи автора.
- Okuda 1994 – *O. Okuda*. Shizunai hoogen no denshoo. Orita Suteno no kooshoobungei [Folktales in the Shizunai dialect. Oral tradition by Suteno Orita], 4. Shizunai, 1994.
- Okuda 1999 – *O. Okuda*. Ainugo shizunai hoogen bunmyaku tuki goishuu (CD-ROM tuki) [Ainu Shizunai dialect lexicon in a context (with CD-ROM)]. Sapporo, 1999.
- SN.N – *Набэ Сирасава* (1905–1993), носительница диалекта Титосэ айнского языка, полевые записи Хироси Накагава.
- SN.W – *Набэ Сирасава* (1905–1993), носительница диалекта Титосэ айнского языка, коллекция неопубликованных аудио- и видеоматериалов университета Васеда.
- Takahashi 1988 – *T. Takahashi*. Niikappu o sojoo-shinaku natta sake kami no monogatari [The story of the fish god who has stopped coming upstream to Niikappu] // Ainu Minwa. Sapporo, 1988.
- Tamura 1996 – *S. Tamura*. Ainugo Saru hoogen jiten [A dictionary of the Saru dialect of Ainu]. Tokyo, 1996.
- Tamura 1997 – *S. Tamura*. Ainugo onsei shiryoo (10). Kawakami Matsuko san no mukashibanashi to shin'yoos [Ainu audio materials (10). Fairy tales and folklore by Kawakami Matsuko]. Tokyo, 1997.

© 2010 г. К.В. БАБАЕВ

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРАЯЗЫКЕ КВА

Настоящая статья имеет своей целью осуществить сравнительно-исторический анализ личных местоимений, а также личных глагольных и именных показателей в языках африканской семьи ква и предложить гипотезу реконструкции праязыковой системы показателей лица. К исследованию привлекаются данные около пятидесяти языков ква, проводится внешнее сравнение с языками близкородственной семьи языков бенуэ-конго и других семей, входящих в состав нигеро-конголезской макросемьи.

Надежная реконструкция системы личных местоимений в языках ква является важной ступенью в работе над восстановлением нигеро-конголезской праязыковой системы личного маркирования. На сегодняшний день опыты реконструкции личных местоимений и, шире, личных показателей были предприняты для нескольких крупных семей языков, входящих в состав нигеро-конголезской макросемьи: кордофанской [Schadeberg 1981], адамауа [Boyd 1989], иджоидной [Williamson, manuscript], убанги [Moniño 1995], гур [Miehe 2004], атлантической [Pozdniakov, Segerer 2004]. Автором настоящей работы была также предпринята попытка реконструкции показателей лица в бенуэ-конголезских языках [Babaev 2008; 2010]. Для языков ква такую работу еще предстоит осуществить, а так как семья ква является, согласно общепринятой классификации, ближайшим генетическим родственником семьи бенуэ-конго, то реконструкция этой подсистемы морфологии поможет поднять исследования на хронологически более высокий уровень.

Семья ква (термин был предложен В. Краузе [Krause 1895]), по данным современных исследований, насчитывает около восьмидесяти языков (79, согласно последним данным каталога Ethnologue [Lewis 2009]), распространенных в странах Западной Африки у побережья Гвинейского залива. Носители языков ква населяют восточные районы Кот д'Ивуара (в основном к востоку от р. Бандама), южную и центральную Гану, распространены в Того и Бенине до западных границ Нигерии. С запада к ним примыкают ареалы языковых семей кру и манде, с севера – семьи гур, с востока – бенуэ-конголезских языков. Все эти семьи включаются в состав нигеро-конголезской макросемьи, согласно гипотезе Дж. Гринберга [Greenberg 1955].

Внешняя и внутренняя классификация языков ква по сей день является предметом научных дискуссий в африканистике. По классификации Д. Вестермана [Westermann 1927], в состав семьи ква, разделенной исследователем на восемь групп, было включено большое количество языков, позже выделенных в самостоятельные семьи – иджоидных языков и кру. Помимо этого, в 70-е годы XX века было предложено рассматривать восточную группу языков ква как особую ветвь бенуэ-конголезской семьи [Bennett, Sterk 1977], что было позитивно воспринято большинством специалистов [Williamson 1989]. Был введен термин «языки бенуэ-ква» (иное название – «восточные вольта-конголезские»), характеризующий новый таксономический уровень в рамках нигеро-конголезской макросемьи и объединяющий две семьи географически и генетически близких языков. Понятие «новые ква», также возникшее в результате этого деления,

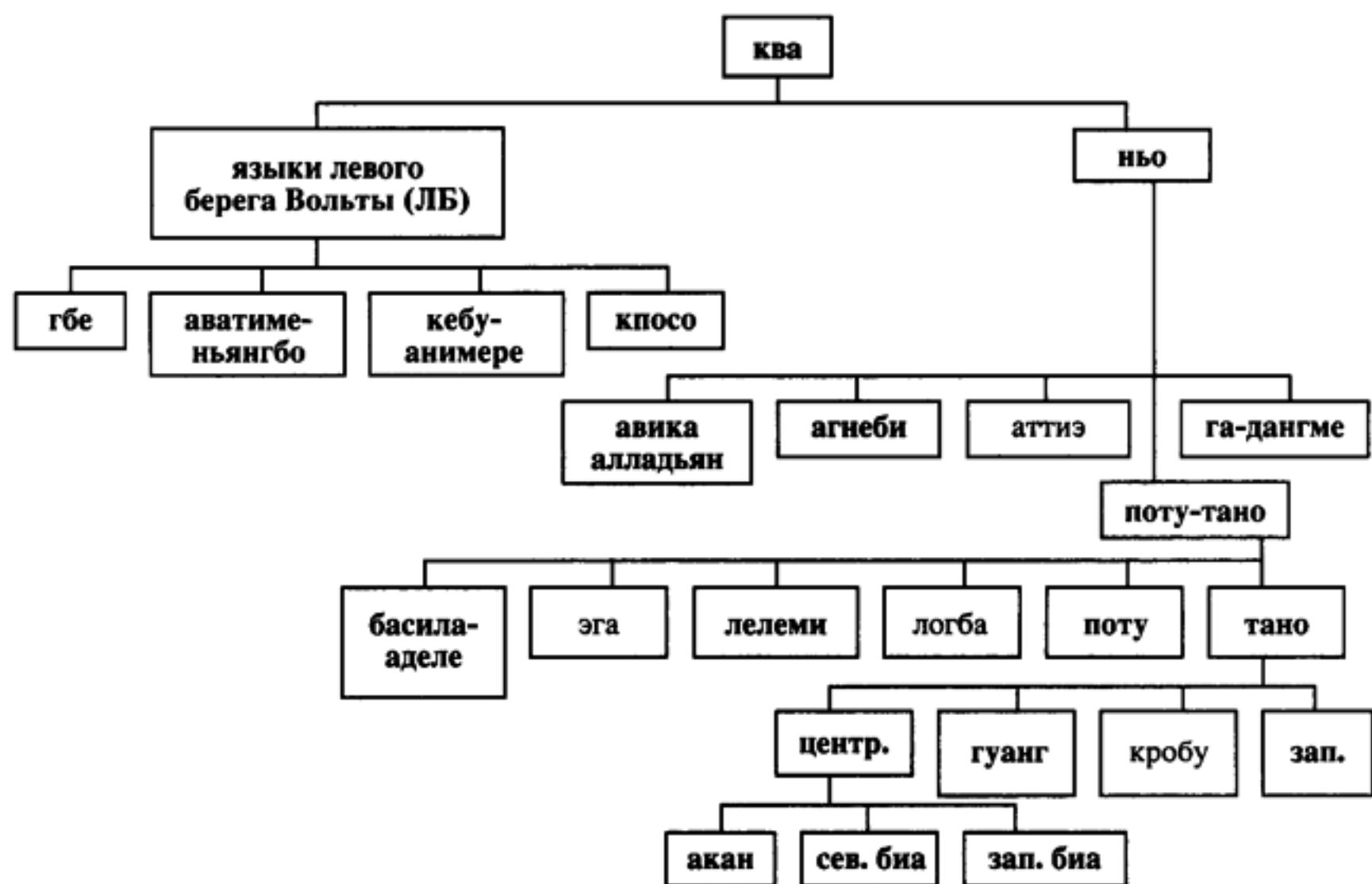

Рис. 1.

включает в себя только языки, ранее относимые к «западным ква», и именно они являются предметом настоящего исследования. Граница между бенуэ-конголезскими языками и ква, тем не менее, является довольно размытой, что позволяет рассматривать ветвь бенуэ-ква как непрерывный языковой континуум с пока неясным таксономическим делением [Williamson, Blench 2000: 17–18].

Принятая на сегодняшний день внутренняя классификация языков семьи ква (рис. 1) основывается на очерке Дж. Стюарта [Stewart 1989; ср. также 2001a] и на его позднейшей модификации в обзорной статье [Williamson, Blench 2000]. Она же в основном использована и в последней по времени публикации генетической таблицы нигеро-конголезских языков Г. Сежерера [Segerer 2008] (Рисунок 1; жирным шрифтом даны группы и подгруппы языков).

Вместе с тем необходимо признать, что приведенная классификация не может считаться окончательной, в том числе и потому, что она в значительной степени основана лишь на отдельных лексических изоглоссах. Например, группа ньо выделяется в основном в результате наличия в ряде языков лексемы по 'два' [Bennett, Sterk 1977], а группа языков ЛБ остается скорее географическим подразделением, нежели генетическим. Точно таким же объединением является и группа так называемых центрально-тооголезских языков, выделенная еще Б. Хайне [Heine 1968]. В ее состав включают две крупных ветви: ка-того (группы аватиме-ньянгбо, кебу-анимере, кпосо на Рисунке 1) и на-того (группы лелеми, басила-аделе и язык логба). В основе такого бинарного деления – несколько лексем, в том числе отраженные в названиях обеих групп изоглоссы со значением «сырое мясо». Позже эту классификацию поддержал Р. Бленч [Blench 2001].

Генетические отношения языков ква между собой исследованы недостаточно: не существует надежной системы фонетических и лексических соответствий между языками, многие таксономические выводы построены лишь на сходстве грамматических показателей. Некоторые языки вообще не описаны в достаточной степени, чтобы судить об их генетических связях.

Более или менее надежные сопоставления существуют для отдельных подгрупп, границы которых могут считаться точно установленными. Среди таких подгрупп – языки поту-тано, составляющие в сумме более половины всех языков ква и успешно исследованные в последние десятилетия. Надежно сгруппированы между собой языки гадангме, авикам-алладьян, гбе [Stewart 1994], акан и некоторые другие небольшие подгруппы; однако взаимоотношения этих подгрупп между собой исследованы значительно хуже.

Основными характеристиками фонетической системы языков ква являются система тонов, гармония гласных в словоформе по признаку \pm ATR (advanced tongue root, или степень продвинутости корня языка), а также противопоставление сильных (fortis) и слабых (lenis) согласных. Любопытной особенностью можно назвать также дополнительное распределение обычных и носовых согласных фонем. Все эти признаки настолько распространены в ква, что должны восходить к праязыку [Stewart 1989: 231].

Морфология языков ква также отличается рядом общих типологических свойств. Система именных классов представлена префиксами, сохранившимися в разной степени по языкам. Словообразовательные суффиксы глагола имеют разнообразные значения, от рефлексивных до модальных. Порядок слов в предложении в большинстве языков – SVO; атрибутив следует за определяемым именем. Широко распространены именные послелогии [Williamson, Blench 2000: 30].

Отдельных монографий по реконструкции праязыкового состояния ква не существует. Многочисленные статьи по реконструкции фонетического инвентаря, фонологии и тональной системы праязыка поту-тано принадлежат Дж. Стюарту [Stewart 1973; 1993; 1999; 2000; 2001b; 2002; 2004], стремившегося на основании сравнения материала этой группы с языками банту реконструировать модель праязыка бенуэ-ква¹ как модель для реконструкции нигеро-конголезского праязыкового состояния. Им же опубликовано около сотни лексических реконструкций [Stewart 2002: 214–223; 2004], в числе которых – два личных местоимения. Иной список лексических сопоставлений для группы центрально-тоголезских языков опубликован Р. Бленчем [Blench 2001], однако он не содержит реконструкций праязыковых форм.

Сравнительно-исторический анализ личных местоимений языков ква как комплексной подсистемы морфологии проводится впервые. Основным рабочим материалом для настоящего исследования являются многочисленные статьи, монографии, а также неопубликованные диссертационные работы и рукописи, посвященные описанию отдельных языков и диалектов, обзору их грамматики. Кроме того, в работе использованы словари и словники, собранные зарубежными исследователями в течение XIX–XX веков и последнего десятилетия. Некоторые формы приведены по материалам базы данных, составленной и размещенной в сети Интернет Г. Сежерером [Segeger 2002–2007], однако все они выверены по первоисточникам. Всего в работе использованы материалы около пятидесяти языков, представляющих все основные ветви и подгруппы семьи ква, включая и языки, считающиеся изолятами в рамках своей группы. Некоторые крупные языки (например, эве, акан) представлены несколькими диалектами, которые указаны через дефис: акан-фанги, аканаквапим, эве-адангбе и др. Там, где записи различных источников дают разночтения, приводятся формы всех источников с соответствующими ссылками.

Так как по своей морфологической структуре языки ква являются преимущественно аналитическими, система личных показателей представлена в основном независимыми личными местоимениями, маркирующими субъект и объект глагола, а также притяжательность. В отдельных языках эти значения передаются связанными глагольными показателями (например, в секпеле, логба, лелеми). Чаще всего в языке действует несколько серий субъектных местоимений: глагольные (именно они иногда носят характер префиксов или клитик), независимые (называемые также ударными или эм-

¹ В терминологии Дж. Стюарта, «Proto-Potou-Akanic-Bantu» (PPAB).

фатическими) и реже возвратные. Так, в языке акан (диалект аквапим) действуют три серии субъектных форм (*mi* 'я', *miara* 'именно я', *máŋkasa* 'я сам') и две серии форм объекта (*mi* 'меня, мне', *mehú* 'меня самого, мне самому'). Кроме того, в языках ква функционируют притяжательные морфемы: местоимения, прилагательные или именные аффиксы (акан-аквапим *me* 'мой (применное)', *méde* 'мой (независ.)') [Riis 1853: 85–88].

Для личных местоимений в ква характерна оппозиция форм первого и второго лиц и местоимений третьего лица: легко показать, что последние по происхождению являются именными классными префиксами. Это явление характерно и для соседних бенуэ-конголезских языков [Babaev 2008], а также многих других языков нигеро-конголезской макросемьи. Типологически подобное противопоставление имеется в огромном большинстве языков мира, в том числе индоевропейских, где личные местоимения третьего лица происходят из указательных местоимений. Ряд исследователей, в том числе африканистов, все чаще выделяют третье лицо, исключая его из парадигмы личных местоимений [Creissels 1993].

Это целесообразно сделать и в настоящей работе, где данные о местоимениях третьего лица будут привлекаться лишь эпизодически для демонстрации различных диахронических структурных процессов, например парадигматического выравнивания по аналогии. В частности, в языках ква, как и в бенуэ-конго, весьма распространен процесс вытеснения древних местоимений второго (а нередко и первого) лица множественного числа местоимениями третьего лица [Delafosse 1904: 29], что сильно затрудняет реконструкцию (см. подробнее об этом ниже).

В некоторых языках ква личные местоимения демонстрируют расширение категории числа: в 1 л. мн. ч. здесь функционируют инклюзивные и эксклюзивные местоимения (например, в ањи, бауле, абуре, адьюкру). Местоимения могут также принимать на себя некоторые глагольные категории: различаться по времени (адьюкру *ya* 'ты' (наст. вр.) vs. *i* 'ты' (прош. вр.)) или виду (аделе *tí* 'мы' (перфект) vs. *téé*). Иногда эти категории выражены лишь тоном местоимения (например, в аброн, ањи – имперфектные и перфектные формы). В ряде языков утвердительные формы местоимений противопоставлены отрицательным и вопросительным (например, в языках селе, аброн); в адьюкру существует противопоставление местоимений в прямой и косвенной речи [Hill 1995]. Есть системы, имеющие особые формы для различных наклонений (например, крачи). Все эти характеристики не являются широко распространенными, а насколько они могут восходить к праязыковому состоянию, мы рассмотрим ниже, при анализе личных местоимений каждой из четырех форм лица / числа.

При обсуждении местоимений ква в настоящей работе мы принимаем модель из четырех серий, традиционно используемую при анализе личных показателей в языках банту: субъектные, объектные, притяжательные и эмфатические (независимые). Такая структура, безусловно, не совсем корректно отображает реальность в языках ква: к примеру, так как в большинстве языков личные субъектные показатели синтаксически независимы, их формы часто совпадают с формами независимых / эмфатических местоимений. Однако для удобства изложения материал будет подан именно в таком, традиционном, виде. Языки в таблицах отсортированы по подгруппам согласно схеме на Рисунке 1, в скобках через запятую указаны названия групп и, если необходимо, подгрупп. Формы местоимений через запятую указывают на морфологические модификации или разноречивые данные: в различных источниках могут быть представлены разные диалекты, возможно также, что в ряде случаев мы имеем дело с неточностью записи. Формы, разделенные знаком косой черты, указывают на аллофоны, варьирующие в зависимости от последующей фонемы или гармонии гласных. Курсивом выделены формы, тон которых меняется в зависимости от видо-временного или иного морфологического значения глагола.

1.1 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Таблица 1

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве (гбе) ²	mè, ma (юсс.)	m	лè	лè
эве-адангбе (гбе) ³	mē	ñ	-лè, àfè-	èлè
ген (гбе) ⁴	mù	mù	àrè, лè	èлè, лè
гун (гбе) ⁵	(ù)n	-mì	сè	лè
фон (гбе) ⁶	ùn	лè, mì	сè, лè	лè
ньянгбо-тафи (аватиме- ньянгбо) ⁷	é / è (наст., буд., аор.), mè (перф., хаб.), í	mè	ме / m-	mešú (возвр.)
аватиме (аватиме- ньянгбо) ⁸	mè / mà	mē / мe	mē / m-	mé
бовили (кпосо) ⁹	m, mí, лie	дат.п. yí	п-	
иго (кпосо) ¹⁰				ōmī
кебу (кебу-анимере) ¹¹	má			
анимере (кебу-анимере) ¹²	mυ			
абе (агнеби) ¹³		má		má
абиджи (агнеби) ¹⁴	m-	-mú		èmè
адьюкру (агнеби) ¹⁵	mí-, ma / m- (наст.), me (прош.)	-m	èm / am / em	èm, mes, me, mí
алладьян (авикам- алладьян) ¹⁶	mē / mē, m (+V), ред. ní		mē	mè
авикам (авикам- алладьян) ¹⁷	m- / me, ma (ТОЛЬКО УТВ.)	-m̃	m̃	àmè, mí, me
га (га-дангме) ¹⁸	Ń- (наст.), mí- (хаб., сосл., аор.), má- (буд.), m̃m̃- (прогр.), mì	m̃	m̃	m̃
дангме (га-дангме) ¹⁹	i	m̃	yée	àm̃

² [Schadeberg 1985; Agbedor 1996]

³ [Sprigge 1976]

⁴ [Bôle-Richard 1983c]

⁵ [Aboh 1997: 31]

⁶ [Lefebvre, Brousseau 2002]

⁷ [Funke 1910: 173–176]

⁸ [Funke 1909; Kropp Dakubu 1967: 59–60; Schuh 1995a; 1995b]

⁹ [Westermann 1922: 28; Starwalt 2008: 29]

¹⁰ [Stewart, manuscript: nos. 585–588]

¹¹ [Blench 2001: 35]

¹² [Casali 2006]

¹³ [N'Guessan 1983a]

¹⁴ [Tresbarats 1983]

¹⁵ [Delafosse 1904: 53; Hérault 1976; Hill 1995]

¹⁶ [Delafosse 1904: 53; Duponchel, Bertin Mel 1983]

¹⁷ [Delafosse 1904: 53]

¹⁸ [Kropp Dakubu 1976; 2008]

¹⁹ [Apronti 1976]

Таблица 1 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
аделе (поту-тано, басила-аделе) ²⁰	n, ná (перф.), на (буд.), mé/me (отр.)		me	me
эга (поту-тано) ²¹	ní	nó	n'	ĩnó
логба (поту-тано) ²²	m- / n- / ñ- / un-	-m	amu-	amú
секпеле (поту-тано, лелеми) ²³	ni- / n-, me- / m-, N-	mé	mó / mō	mó / mō
селе (поту-тано, лелеми) ²⁴	n- (хаб. утв., прош. отр.), ko (прогр. утв.), поо (прогр./буд. отр.), nin (отр.), le / la (прош.)	mi	nīi	āmi
сиву (поту-тано, лелеми) ²⁵	lō-, le / lo	mē	ũ	ĩmēè
лелеми (поту-тано, лелеми) ²⁶	mɔ-, le- / li-, ne- / ni-	-mi	múná	ámi
атъе ²⁷	mě	mě̃, mē̃	mě̃ / mē̃	mě̃ / mē̃
эбрие (поту-тано, поту) ²⁸	n / me	mi, me		mě̃
мбато (поту-тано, поту) ²⁹	n / uñ, mā	mō	n̄, mi, me	mě̃, mō
аньи (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³⁰	me / mi / m		mi, me	mí, mi, momi
аньи-санви (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³¹	mī / N, mi (буд.)	mí	mi, me	mí, me
бауле (поту-тано, центр. тано, сев. биа) ³²	me, m- (+V), N- (+C), mi (буд.)	mī (+V)	n+C, mī+V	mī, mí
нзема (поту-тано, центр. тано, юж. биа) ³³	mi- / mi-, me		me	mi
аброн (поту-тано, центр. тано, акан) ³⁴	m / me, mī (буд.)	m̄, mī̃	ín (mi, me)	mí̃
акан (поту-тано, центр. тано, акан) ³⁵	me- / mi- / ma-	me	me	m(e) / mi

²⁰ [Westermann 1922: 49]²¹ [Bôle-Richard 1983b]²² [Westermann 1903: 29]²³ [Westermann 1922: 8; Allan 1980]²⁴ [Allen 1980]²⁵ [Westermann 1922: 36 и сл.; Iddah 1980]²⁶ [Kropp Dakubu 1967: 7; Höftmann 1971]²⁷ [Delafosse 1904: 28; Kutsch Lojenga, Hood 1983]²⁸ [Delafosse 1904: 28; Bôle-Richard 1983a]²⁹ [Delafosse 1904: 28; Grassias, Bôle-Richard 1983]³⁰ [Delafosse 1900: 49–54]³¹ [Delafosse 1904: 122; Burmeister 1983b]³² [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1980; N'Guessan 1983b]³³ [Delafosse 1904: 122; Clopper 2001: 2]³⁴ [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1983]³⁵ [Christaller 1933]

Таблица 1 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
акан-аквапим ³⁶	mi	mi	me	miaga
акан-фанги ³⁷	mi- / ma-	-mi	mi- / má-	ími
гичоде (поту-тано, тано, сев. гуанг) ³⁸	né / ná, Ñ, mĩ	mé	mĩ / mé / m'	mĩ
гиньянга (поту-тано, тано, сев. гуанг) ³⁹	nè / n', Ñ	mĩ	mĩ / mé / m'	mĩ
домпо (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴⁰	mi			
гонджа (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴¹	mé, Ñ	má	má / m-	má
нконья (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴²	no- / nɔ- / ne- / ne-	me	me	me
нчумуру-банда (поту- тано, тано, сев. гуанг) ⁴³	m̃-	m̃ / m̃u		m̃u
нчумуру-беджамсо-груби (поту-тано, тано, сев. гуанг) ⁴⁴	mē / mi (не прош. утв.), ø- (не прош. отр.), m̃ (прош. отр.), N- (усл.)	mé	m̃ / mé, N (неотчужд.), m- (+V)	mé
черепон (поту-тано, тано, юж. гуанг) ⁴⁵	mi	mi	mi	mi
абуре (поту-тано, зап. тано) ⁴⁶	m	mĩ	mĩ, (me, m')	me, mĩ / mi
эотиле (поту-тано, зап. тано) ⁴⁷	N-, me	mɛ	me, m', mi	mɛ / mi
кробу (поту-тано, тано) ⁴⁸	m̃, N	m̃		m̃

Можно выделить две группы форм, наиболее распространенных для маркировки субъекта в языках ква:

- 1) *me / mi / ma / mu / m- / N-*;
- 2) *ne / nɛ / ni / na / no / n-*.

Символом *N* обозначается так называемый «переменный» носовой звук, артикуляция которого зависит от последующего согласного: он выражается как *m-* перед губными, *n-* перед зубными и *ŋ-* перед заднеязычными согласными. Тем не менее, т.к. перед гласными этот показатель стабильно звучит как *m-*, можно утверждать, что *N-* относится к группе показателей на *m-*.

Форма *ma*, как правило, является обусловленной фонетическим окружением (например, в акан-фанги), вне которого основной формой является *mi* или *me*. В не-

³⁶ [Riis 1853: 85–88]

³⁷ [Welmers 1946: 33–34]

³⁸ [Cleal 1976a]

³⁹ [Cleal 1976b]

⁴⁰ [Blench 2007]

⁴¹ [Painter 1980a]

⁴² [Reineke 1972]

⁴³ [Cleal, Price 1980]

⁴⁴ [Cleal, Price 1980]

⁴⁵ [Painter 1980b]

⁴⁶ [Delafosse 1904: 28; Burmeister 1983a]

⁴⁷ [Delafosse 1904: 28; Нйрault 1983]

⁴⁸ [Mensah 1983]

которых языках (например, авикам) *ta* характеризует морфологически маркированные формы утверждения, отрицания, вида или времени: это явление характерно и для языков бенуэконго, где форма *ta* в 1 л. ед. ч. чаще всего маркирует недавнее прошедшее время или перфект (например, в языках кросс-ривер, ср. [Babaev 2010]). Аффикс *-a-* является стандартным маркером перфекта и во многих языках ква [Timyan-Ravenhill 1980]. Форма лелеми *mɔ-* возникла по аналогии с 1 л. мн. ч. *bɔ-*, а форма *m-* является результатом редукции гласной фонемы (как правило, перед другой гласной). Таким образом, основными кандидатами на праязыковую форму субъектного местоимения являются *mi* и *me/me*. Никакого географического или морфологического распределения между ними не заметно: разве что в языках центральной подгруппы тано форма *mi* используется в будущем времени, а *me/m-* является немаркированной.

Рассмотрим теперь группу показателей *n- / ɲ- / nV*⁴⁹. Эти показатели обнаруживаются в языках всех основных ветвей и, тем самым, не могут считаться инновацией отдельной подгруппы. Наиболее характерным является то, что, в отличие от группы *m- / mV*, эти показатели фигурируют преимущественно в субъектной серии и очень редко используются для маркировки объекта, притяжательности или эмфазы. Такие редкие примеры свидетельствуют об аналогическом распространении *n-*форм из субъектной на другие серии по отдельным языкам: это прежде всего языки эга, бовили и подгруппа языков гбе. Форма селе *ni* содержит притяжательный маркер *-n- / -l-*, не имеющий значения лица.

Естественно предположить поэтому, что формы на *n-* по своему происхождению являются субъектными. Это полностью подтверждается данными внешнего сравнения с бенуэ-конголезскими языками, в частности, банту, где рефлекс **ɲi-* являются глагольными субъектными префиксами, а прочие три серии личных показателей происходят из несубъектного независимого местоимения **me*. Такое состояние реконструируется не только для праязыка банту, но и для прабантоидного [Babaev 2008].

В языках ква гласный праязыкового показателя на *n-* не столь очевиден – прежде всего из-за фонетических процессов, гармонии гласных и слияния с различными видо-временными показателями, что привело к многочисленным вариантам вокализации. Нередки и случаи выравнивания парадигмы по аналогии, например, в нконья, где формам 1 л. ед. ч. *no / nɔ- / ne- / nɛ-* соответствуют формы 2 л. ед. ч. *fo- / fɔ- / fe- / fɛ-*. Тем не менее, по совокупности сравнимых форм можно предположить наличие в праязыке ква субъектного показателя с передней гласной, который мы обозначим как **ni*. Группа гбе позволяет предположить, что согласной фонемой в праязыке могла быть и **ɲ-*, однако материалы других языков не позволяют это подтвердить.

Таким образом, для праязыка ква можно предположить как минимум два субъектных показателя: **ni* и **mi / *me*, из которых первый обладал строго значением глагольного субъекта. Первоначальное же значение второго можно определить как «не-субъектное»: форма на **m-* маркировала посессив, объект глагола и независимое местоимение в роли именного сказуемого, а на субъектную серию распространилась позже по аналогии. Первоначальная дистрибуция или следы ее сохранились, тем не менее, в некотором количестве языков (например, в сев. гуанг).

Здесь мы наблюдаем ситуацию, типологически идентичную индоевропейским языкам, где рефлекс местоимения 1 л. ед. ч. **me*, маркировавшего в праязыке объектные формы и притяжательность, в ряде языков (кельтские, иранские, индоарийские) начинают вытеснять старое субъектное местоимение **eg'h(om / ɔ)*. В тех же языках, где противопоставление сохраняется, подчас наблюдается ситуация, аналогичная рассмотренной нами в ква: ср. франц. *je* (субъект глагола) vs. *me* (объект), *mon* (посессив), *moi* (объект / именное сказуемое / эмфаза).

Первоначальный вокализм переднего гласного в **mi / *me / *me* мы вряд ли выясним путем сравнения. Можно лишь заметить, что ни в одном языке в ячейке субъекта не фи-

⁴⁹ К рефлексам **n-* относятся и местоимения *le / li / lo* в языках подгруппы лелеми, подвергшиеся регулярному переходу *n > l*.

гурируют вместе *mi* и показатели на *n*-. Там, где *m*- и *n*-формы сосуществуют, вокализм *m*- всегда иной: это преимущественно *me/me*. Для праязыка ква мы восстанавливаем **me / *me / *mi*, учитывая гармонию гласных по признаку \pm ATR. Эти варианты соответствуют и данным праязыка бенуэ-конго [Babaev 2010]. Дж. Стюарт также реконструирует формы **mī / *me* для праязыка бенуэ-ква [Stewart 2002: 222].

Формы объектной серии не дают нам возможности вычленить какие-либо особые характерные маркеры. Доминирующими формами здесь являются те же *mi / me / me*, которые мы видели в субъектной серии, а также редуцированный вариант *m*, появляющийся в тех языках, где глагольный объект выражен аффиксом. Там, где между формами субъекта и объекта есть различие тона, оно не является системным. Мы склонны восстановить объектный показатель как **me / *me* – идентичный независимому местоимению и потому не составляющий особой серии.

Идентично, по-видимому, выглядело и притяжательное местоимение, материально в большинстве языков ква не отличающееся от форм независимого эмфатического местоимения. Единственное его отличие синтаксическое: притяжательное значение появляется у местоимения в препозиции к существительному: эве *lè* ‘именно я’, *lè ágɔ* ‘мой кокосовый орех’ [Schadeberg 1985: 16–18].

В некоторых случаях посессивное местоимение содержит в себе аффикс расширения, имеющий общее притяжательное значение для всей парадигмы: лелеми 1 л. ед. ч. *míná*, 2 л. ед. ч. *fúlá*, 1 л. мн. ч. *búlá*, 2 л. мн. ч. *míná*. В языках ген и эве-адангбе это расширение префиксальное: ген *ap-ê* ‘мой’, *áp-ô* ‘твой’. Подобные случаи известны в большинстве семей нигеро-конголезских языков и объясняются преимущественно застывшими классными префиксами, которые маркировали в посессивной конструкции не только само имя, но и определения к нему, ср. в языке эсимби (бантоидный):

<i>fɪ-ŋkōbī</i>	<i>f-á</i>	<i>f-yā</i>
19.CL-статуя	19.CL-мой	19.CL-DEF
‘моя статуя’ [Tamanji 2006]		

При этом местоимение, маркируемое классным префиксом, принадлежит к независимой серии. Таким образом, это еще раз подтверждает причину материального сходства притяжательных и независимых местоимений: в праязыке (ква, а возможно, и бенуэ-ква, и выше) грамматически выделенного подкласса притяжательных местоимений не существовало, вместо них функционировали независимые местоимения: в данном случае пра-ква **me / *me / *mi*.

Наконец, проанализируем серию независимых (эмфатических) личных местоимений. Синтаксически значение этой серии в большинстве языков схоже: оно выступает для дополнительного выделения субъекта (в предложениях типа ‘Именно я разбил окно’) или там, где местоимение служит именовым сказуемым (в предложениях типа ‘Это я’). Можно выделить три основные морфологические модели эмфатического местоимения в языках ква:

- 1) местоимение аналогично субъектной форме, восходящей к **me / *me / *mi*;
- 2) местоимение построено по схеме «*V*- + независимое местоимение», т. е. содержит вокалический префикс;
- 3) местоимение построено по схеме «независимое местоимение + суффиксальное расширение» (аквапим *miara*, сиву *m̄m̄ēē* и пр.).

Наиболее очевидным является происхождение форм третьего типа: суффиксация придает древнему независимому местоимению дополнительные оттенки значения: иногда это эмфаза, иногда рефлексивность (как в ньянгбо-тафи *mešú*, возможно, родственном адьюкру *mes*). Такие расширения распространены на всю парадигму лиц/чисел, так что сомнения в их значении не возникает. Вместе с тем они, безусловно, повсюду являются поздними образованиями и не восходят к праязыку.

Формы второй разновидности имеют замечательную параллель в бенуэ-конголезских языках, в том числе в банту и других бантоидных языках, где независимое не-субъектное местоимение 1 л. ед. ч. реконструируется как **Vme*. Существует несколько гипотез о природе вокалического префикса: его выводят из указательной частицы **ya-*

[Meinhof 1906: 35; Werner 1919: 86–87] или называют «ассоциированным маркером» (associated marker), который очень распространен в языках бенуэ-конголезской семьи. Логично предположить, что форма, к которой восходят иго *ɔ̄mí*, абиджи *ètè*, авикам *áté*, логба *atú*, лелеми *ámi*, акан-фанти *ími*, не только образована по тому же принципу, но и может быть реконструирована на уровне праязыка ква (и, следовательно, бенуэ-ква) как **Vme / *Vme / *Vmi*, или обобщенно **VmI*, где первая гласная фонема принадлежит заднему ряду, а вторая – переднему.

В результате проведенного анализа мы можем восстановить следующие три формы личных показателей для праязыка ква, образованные от двух лексических корней:

- *nI-* хронологически древнейший субъектный префикс глагола;
- *me / *me / *mi* независимое именное (не-субъектное) местоимение, распространившееся на формы субъекта уже в праязыке;
- *Vme / *Vme / *Vmi* независимое эмфатическое местоимение.

К сожалению, на этом этапе говорить о тональной структуре праязыковых форм не приходится: для этого необходим значительно более глубокий сравнительный анализ. Вместе с тем нужно отметить, что некоторые выводы на имеющемся материале можно сделать и о просодии местоимений в праязыке ква – что, видимо, должно стать предметом более объемного исследования.

2.2 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы 2 л. ед. ч. для языков ква приведены в Таблице 2.

Таблица 2

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве	è, nè (dep.)	wò	wò	wò
эве-адангбе	ē	wō	áfē-, -wō	ēwō
ген	ò	ò	àpò, ò	èò
гун	à	-wè	-tòwè	jè
фон	à	wè, hwè	tówé, hwè	hwè
ньянгбо-тафи	wɔ / wo	wɔ / wo	wɔ / w-	wɔʒú (возвр.)
аватиме	wò / wó	wō / wō	wō / w-	wó
бовили	ō- / ɔ-, nɔ			
иго				ɔ̄wē
кебу	là			
анимере	wo			
абе		fā		fəl
абиджи	f-	-fú		èfè
адьюкру	ø-, ya (наст.), i / e (прош.)	-ɲ	ɲi, ɲ	ɲ, i
алладьян	ē / ē / a (отр.), wo / w' (утв.)	vě (топик.)	vē, e	vē, vē (топик.), e
авикам	a-	-à	à	àyé, a
га	ó- (перф., сосл.), ò- (аор.), òò- (прогр.)	bò / ò	ó	bò
дангме	o	ò	ó	mò
аделе	á, a (буд.)		ai	áwo
эга	ó	ɣó	ɣ-	īɣó
логба	a-	-u	au-	aú
секпеле	a-, e-	fœ, fe	fé / fě	fě / fé

Таблица 2 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
селе	fan- (хаб. утв.), fa- (прош. отр.), foo- (прогр. утв.), fo- / fɔ- (отр.) и др.	fɔ	lɛfɔ	āfɔ
сиву	ā, fɔ	ɔ	fɔ	fɔɔ
лелеми	a-		fɔla	awɔ
аттье	bu / bɔ	bū, bó	bū, bó	bū
эбрие	è	e	e, è	hè, e
мбато	a / ā		ā	hē, a
аньи	wo, w- (+V), o, e / è (диал.)		wo, o	wɔ
аньи-санви	ɛ	wɔ	wo, è	wɔ
бауле	a, wo, è	wɔ (+V)	ɔ (+C), wɔ (+V)	wɔ (+V), wɔ
нзема	e- / ɛ-, ho		è	wè
аброн	ω, wo, u (вопр., отр.)	ò	ó, wo	wó
акан-ашанти	wo-, i- / a-, wu-, woa-	wo	wo	wo
акан-аквапим	wo	wo	wo	wóaga
акан-фанти	i- / a-, wu / wa	-wu		íwu
домпо	wo			
гонджа	fé, fɔ	fɔ	fɔ	fɔ
нконья	fo- / fɔ- / fe- / fe-	fo	fo	fo
нчумуру-банда	fɪ-	fɪ		fɪ
нчумуру-беджам-со-груби	fe / fi (не-прош. утв.), fɪ / fe (не-прош. отриц.), fe (прош. отриц.), fé (усл.)	fɪ (неотчужд.)	fé, f- (+V), fɪ (неотчужд.)	fɪ
черепон	wɔ	wɔ	w	wɔ
абуре	ɛ	wɔ	wɔ, w'	wɔ
эотиле	e		e, è	fo, e
кробу	bo	bó		bō

Практика показывает, что местоимения 1 л. ед. ч. в праязыках легче поддаются реконструкции, чем его соседи по парадигме. Это правило работает и в языках ква: разброс форм, который мы видим в Таблице 2, значительно шире, чем набор форм для 1 л. ед. ч.

Среди приведенных местоимений можно, тем не менее, выделить основные модели:

1) Формы типа wV , где гласный принадлежит преимущественно заднему ряду. Сюда же относятся не-субъектные формы эга и авикам $(V)\gamma\zeta$, демонстрирующие регулярное фонетическое соответствие с другими языками ква.

2) Формы типа fV , отличающие две группы языков – лелеми и южные гуанг. В этих языках начальное f -регулярно соответствует w - других языков ква, так что общее происхождение этих двух моделей не подлежит сомнению.

3) Формы типа bo/bi в двух изолированных языках аттье и кробу со всей очевидностью восходят к тому же корню⁵⁰.

4) Чисто вокалические формы, разбросанные по всем подгруппам семьи ква. Среди них наиболее распространены формы a/a - (гун, авикам, аделе, логба, секпеле,

⁵⁰ Эта любопытная изоглосса заставляет подумать о возможности генетического объединения двух языков, для которого, конечно, нужно искать и другие соответствия.

сиву, лелеми, мбато, бауле, акан), *e / e- / ε* (эве, адьюкру, алладьян, эбрие, ании, нзема, абуре, зотиле), *o / o- / ə-* (ген, бовили, га, эга, ании). Сюда же, возможно, относятся формы с преаспирацией вроде нзема *ho*.

Таким образом, мы имеем дело с двумя группами местоименных форм 2 л. ед. ч.: условно обозначим их как *wV* и *V*. При этом заметно наличие между ними морфологического распределения, сходного с тем, что мы наблюдали при анализе 1 л. ед. ч.: формы *V* употребляются в основном в субъектной серии, в то время как местоимения типа *wV* равномерно распределены по всем рядам и нигде не наоборот. Бинарное противопоставление *V* (субъект) – *wV* (прочие серии) наблюдается в эве, гун, алладьян, авикам, аделе, эга, секпеле, лелеми, ании-санви, акан, абуре, т. е. во всех основных подгруппах, что позволяет реконструировать это явление на уровне праязыка ква. Эта гипотеза подтверждается данными внешнего сравнения: в бенуэ-конголезском праязыке восстанавливается аналогичная картина [Babaev 2008; 2010]. Распространение форм **wV* на форму субъекта глагола, которое мы видим во многих языках семьи, происходило в процессе выравнивания парадигмы. В серии эмфатических местоимений мы видим модель *Vwe / Vwo*, аналогичную по структуре той, что рассматривалась в 1 л. ед. ч.: соединение независимого местоимения с вокалическим префиксом, так называемым «ассоциирующим маркером». Эта изоглосса присутствует в иго, абиджи, авикам, аделе, эга, селе, лелеми, акан-фанти и может быть возведена к праязыку.

Гораздо сложнее определить фонетический, особенно вокалический состав праязыковых форм в отсутствие разработанной системы фонетических соответствий между языками ква и реконструкции праязыковой фонетической системы. Очевидно, что формы **V* и **wV* оказали друг на друга влияние, выравнивая вокализм в пределах парадигмы. Помочь в этой ситуации также могут данные внешнего сравнения: для бенуэ-конголезского языка восстанавливаются формы **v-* (глагольный субъект) и **(à)wo* (независимое местоимение) [Babaev 2010].

Согласно реконструкции фонетических соответствий между языками поту-тано и банту, сделанной Дж. Стюартом, фонетическое сочетание поту-тано **wv* может соотноситься с банту **kv*. Это ставит вопрос о возможном родстве форм ква с объектным личным аффиксом банту **-kv-*: форма праязыка бенуэ-ква в этом случае должна быть реконструирована как **kwi* [Stewart 2002]. Однако эта любопытная гипотеза не представляется обоснованной: как в банту, так и в других языках бенуэ-конго существует огромное количество независимых и субъектных глагольных местоимений 2 л. ед. ч., восходящих к **wo / *we*, и мы не имеем возможности установить, чему соответствуют аналогичные формы в языках ква: формам на **w-* или объектному аффиксу **-kv-*, который, к тому же, за пределами банту не представлен.

Прочие формы Таблицы 2 можно назвать единичными новообразованиями, например, кебу *lə*, бовили *no*, адьюкру притяжательное *li*. Происхождение этих местоимений еще ждет своего объяснения.

Результатом нашей реконструкции являются три формы местоимений 2 л. ед. ч., восходящие, по-видимому, к двум генетическим корням:

- *o- / u-* глагольное (субъектное)
- *wo / *we* именное (не-субъектное)
- *Vwe / Vwo* эмфатическое

3.1 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы местоимений 1 л. мн. ч. языков ква приведены в Таблице 3.

Таблица 3

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
эве	<i>míe</i>	<i>mí</i>	<i>mía</i>	<i>míawó</i>
эве-адангбе	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>míá mé-</i>	<i>míá wó</i>
ген	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>míá</i>	<i>míáo</i>

Таблица 3 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
гун	mí	-mí	-mítɔn	mílé
фон	mí	mí	mí	mí
ньянгбо-тафи	blɔ- / bɔ- (перед l, d)	blɔ, lɔ	blɔ / bl-	blɔʃú
аватиме			blɔ̃ / bl-	bé (экскл.), blɔ̃ (инкл.)
бовили	bo- / bu-		buc	
иго				ówò
кебу	lɔ			
анимере	wo			
абе				èlɔ
абиджи	ɾ-			èrè
адьюкру	s- / se / si- (инкл.), we (экскл.)	ɛy	èpum, ɛy	èy, si, ɛs
алладьян	bɔ̃ / bō	bɔ̃	bɔ̃ / bō	bɔ̃, bɔ̃ (топик.)
авикам	o- / ɔ- (+C), w- / wa (+V)	-wà	ò / ɔ̃, wa	áwá, wa
га	wɔ̃- (прогр., буд., аор.), wɔ̃- (перф.)	wɔ̃	wɔ̃	wɔ̃
дангме	wɔ̃	wɔ̃	wà	wɔ̃
аделе	tée, tí (перф.), te (буд.)		ti	eté
эга	wá	wé	w-	īwé
логба	ati	-tu	atu	atú
секпеле	bo-	bu, bo	bō, bó	bō, bó
селе	mɔn- (хаб.утв.), bwo- / bwa- (прогр./прош. утв.), bu- (прогр./прош. отр., буд.), mu- (прош.отр.)	-wo	lōo	āwo
сиву	bō	bō	bō	bōò
лелеми	bɔ-		búlá	ábù
аттье	hã, a, an	hã, há, a, an	hã, há, a, an	hã, há, a, an
эбрие	o		lo	lò
мбато	lo / nɔ̃, do		lɔ̃, do	lɔ̃, do
аньи	je, ye / e (экскл.), ame (инкл.)		ye, ame	jé / yé, ye, ame
аньи-санви	je, ye (экскл.), ame (инкл.)	jé	ye, ame	jé
бауле	e, ye (экскл.), ame (инкл.)	ye, ame	ye, ame	é, ye, ame
нзема	ye (экскл.), yame (инкл.)		ye, yame	ye, yame
аброн	ye (экскл.), ame (инкл.)	jè ?	ye, ame	ye, ame
акан-ашанти	ye- / ye- / yea- (экскл.), ame (инкл.)	yeɲ	yeɲ	yeɲ, hen
акан-аквапим	yeñ	yeñ	yeñ	yeñaga
акан-фанти	ye- / ya-, hen		hén-	ihen
гичоде	à	áyé	áyí / àyé	áyé
гиньянга	à	àní	àní / àné	àní
домпо	aniya			
гонджа	àN, àné	àné	àné bá	àné
нконья	a- / ã-	ane	ane	ane
нчумуру-банда	ànɪ	ànɪ		ànɪ

Таблица 3 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат. / независ.
нчумуру- беджамсо- груби	an- (+V), àné (+C)	àné	an- +V, àné + C	àné
черепон	èní	èní	èní	èní
абуре	jɛ / ye / e (экскл.), ame (инкл.)	jè, e, ame	e, ame	e, ame
зотиле	ye (экскл.), ame (инкл.)		ye, ame	ye, ame
кробу	nɛ̃	nɛ̃		nɛ̃

Начнем с выделения наиболее распространенных групп местоимений, которые мы могли бы возвести к праязыку.

Местоимение **mí* в языках гбе может быть реконструировано на уровне праязыка подгруппы, но не выше: за ее пределами оно не встречается. Заметим фонетическую близость этой формы с формой 2 л. мн. ч. (см. ниже): они различаются только тоном и явно являются продуктом аналогического выравнивания. Воздействие форм третьего лица множественного числа или, шире, плюрального маркера **bI- / *mI-* здесь может быть предположено как гипотеза. Вряд ли вероятна связь этой инновации с местоимением 1 л. ед. ч. **me*. Суффиксы *-á, -áwó, -áó* являются распространенными эмфатическими аффиксами имени в языках гбе.

Формы *bo / bu / wo / wa* фиксируются во всех основных ветвях ква, кроме групп языков гбе и тано. Происхождение этой формы определено связано с нигеро-конголезским классным префиксом лиц множественного числа **bV-* [Williamson, Blench 2000: 40], который в ква нередко маркирует всю парадигму личных местоимений мн. ч. (например, секпеле *bo* 'мы', *ba* 'вы', *ba* 'они'). Это явление характерно и для бенуэ-конголезских языков [Babaev 2010], где данный классный префикс присоединяется к собственно корню личного местоимения (ср. ниже о формах 2 л. мн. ч.). Однако в результате процессов фонетического упрощения местоимение 1 л. мн. ч. часто приобретает вид *bV*: ср. *bà* 'мы' в укаан [Jungraithmaug 1973: 47], *wa / awa* 'мы' в дефоидных языках йоруба и игала [Philpot 1935; Ohiri-Aniche 1999]. Соответствие в начальной позиции смычного *b-* в одних языках ква сонанту *w-* в других довольно широко распространено. Вытеснение местоименной формы 1 л. мн. ч. плюральным классным аффиксом могло иметь место уже в ряде диалектов праязыка ква.

Форма *ye* является местоимением 1 л. мн. ч. языков тано со значением эксклюзивности, которое ряд исследователей-африканистов ранее принимали за двойственное число [Delafosse 1900: 49]. К этой же форме генетически относятся формы, обозначенные в Таблице 3 как *je*, представляющие собой результат неверной транскрипции. Так как эти формы являются достоянием только группы тано, у нас нет возможности без дальнейшего анализа постулировать для них праязыковое происхождение. При этом анализ различных форм языков тано позволяет предположить фонетическое развитие этого местоимения **je > ye > e*, с отпадением начальной носовой фонемы, которая, тем не менее, остается видна в интервокальном положении в эмфатических формах с уже известным нам префиксом **V-* (в данном случае **à-*): домпо *aniya*, гонджа *àné*, нконья *ane*, нчумуру *àní / àné*, черепон *èní*. Разные ступени этого процесса отчетливо видны в близкородственных языках гиньянга (*àné*) и гичоде (*àyé*).

Все указанные формы объединены общим происхождением и не являются локальным заимствованием: достаточно сказать, что языки кробу и нконья, находящиеся практически на противоположных полюсах ареала ква, демонстрируют идентичные формы.

Данные внешнего сравнения предоставляют некоторый материал для сопоставления с формой тано **(à)ne*. Прежде всего это западные бенуэ-конголезские языки: игбоидное местоимение 1 л. мн. ч. восстанавливается как **(a)ni* [Babaev 2010], в ряде языков эта форма трансформировалась в *ye* (экпейе, огба). В языках нупоидной группы мы видим *ye/yi* [Scholz 1976; Smith 1980; Human, Magaji 1970; Blench, Doma, manuscript], а в языках ибибио и эфик (группа кросс-ривер) – *ñlìn* [Cook 1976]. Эти формы не имеют категории кляузности, однако могут свидетельствовать о праязыковом характере местоимения тано.

В тех же языках тано местоимение **ame* выражает значение инклюзивности. Его происхождение может быть связано с местоимением 1 л. ед. ч. **me*, расширенного некоторым плюральным префиксом, однако такого префикса со значением множественности мы в ква не наблюдаем. Зато форма **ame* вполне может происходить из контаминации двух местоимений разных чисел в языках тано: **a-* ‘ты’ и **me* ‘я’. Типологически это явление имеет широчайшие параллели в языках мира: это вообще один из наиболее распространенных механизмов образования инклюзивных форм. Достаточно вспомнить тунгусо-маньчжурские формы *bi-ti, mi-ti, mün-ti* [Rédei 1988: 294] или монгольское 1 л. мн. ч. инклюзива *bide, bida* < **bi* ‘я’ + **ta* ‘вы’ [Рамстедт 1957: 71]. В филиппинском языке илокано инклюзивное местоимение *tauo* представляет собой сложение *ta* ‘мы двое’ и *yo* ‘вы’ [Cysouw 2003: 90]. Инклюзивная форма *yumi* новогвинейского пиджина ток-писин происходит из англ. *you-me* ‘тебя-меня’. Есть параллели и в соседних с ква языках бенуэ-конго: в бантоидном языке йемба слияние местоимений *rèk* ‘мы’ и *re* ‘вы’ дает инклюзив 1 л. мн. ч. *ṛpè* [Harro, Haunpes 1991: 18–19].

Вне группы тано категория инклюзивности фиксируется только в аватиме и адьюкру. Данная категория в этих языках является инновацией. Можно сделать вывод, что в праязыке ква этой категории не существовало.

Наконец, следует отметить ряд форм, схожих с местоимениями 1 л. мн. ч. бенуэ-конголезских языков, в том числе банту, а также языков гур: это формы на зубную согласную: аделе *tí, te, eté*, логба *-tu, atu*, мбато *do/lo*, а также адьюкру (инкл.) *s-/se*. С инклюзивом адьюкру сравнимы и видоизмененные формы близкородственных языков абе *èlá* и абиджи *r/èrè*. Сравнение с бенуэ-конголезскими **tù-* (субъектный префикс) и **(à)ce* (независимое местоимение) [Babaev 2010] было бы здесь вполне корректным. В бенуэ-конголезских языках есть и уникальная параллель с языком адьюкру: в языке лимбум (бантоидные) местоимениями 1 л. мн. ч. являются *sèè* (инкл.) и *wèr* (экскл.) [Fiore, Resk 1980]. Привлечение материала географически близких языков семьи гур (например, бассари *tí, táá, -ti* [Cox 1998]) делает возможным трактовку **(V)tu / *(V)ti* в ква как реликта древнего праязыкового местоимения, хотя по итогам внутренней реконструкции восстановление этой формы на уровне праязыка ква не бесспорно.

В качестве праязыковых форм местоимений 1 л. мн. ч. нами восстанавливаются следующие:

<i>*(V)tu / *(V)ti</i>	1 л. мн. ч.
<i>*bo / *bu</i>	1 л. мн. ч.
<i>*(à)ne</i>	1 л. мн. ч. эксклюзива (тано)
<i>*ame</i>	1 л. мн. ч. инклюзива (тано)
<i>*mí</i>	1 л. мн. ч. (гбе)

Удивительно, что, хотя все приведенные формы локально распределены по отдельным группам и подгруппам семьи ква, три из пяти (кроме **ame* и **mí*) при этом имеют вполне надежные внешние параллели. Из этих трех, тем не менее, форма **(à)ne*, возможно, также является ареальной инновацией, объединяющей некоторые языки бенуэ-конго и группу тано. Использование **bo / *bu* в качестве маркера 1 л. мн. ч. является, безусловно, древним влиянием плюрального префикса, распространившегося по всему ареалу бенуэ-ква и за его пределами. Генетически надежной, по данным внешнего сравнения, представляется также реконструкция для праязыка ква местоимения **(V)tu / *(V)ti*.

4. 2 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Таблица 4

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	miē	mi	miā	miawó
эве-адангбе	mī	mī	mīā mé-	mīā wó
ген	mì	mì	mià	miàó
гун	mì	-mì	-mitɔ̃n	milé
фон	mi	mi	mi	mi
ньянгбо-тафи	wɔ̃pɔ-, pɔ-	wɔ̃pɔ, pɔ	wɔ̃pɔ / wɔ̃p-	wɔ̃pɔʒú (возвр.)
аватиме			mlɔ̃ / ml-	
бовили	mì		mi	
кебу	pá			
анимере	ji			
абе				éjɔ̃
абиджи	f-...-ní			n-êfè
адьюкру	ɔ̃-...-í	ɔ̃n	ɔ̃n	ɔ̃n
алладьян	lɛ̃ / lɛ̃	lɛ̃ (топик.)	lɛ̃	lɛ̃, lɛ̃ (топик.)
авикам	ɔ̃- (+C), w̃- (+V), un	-wá	ɔ̃, un	áwá, unɔ̃
га	lɛ̃-	lɛ̃	lɛ̃	lɛ̃
дангме	lɛ̃	lɛ̃	lɛ̃	lɛ̃
аделе	yéé, yí (перф.), ye (буд.)		yi	eyé
эга	ɲɔ̃	ɲɛ̃	ɲ-	ɪɲɛ̃
логба	ani	-nu	anu-	amú
секпеле	ba	mí	mimí	mimí
селе	min- (хаб.утв.), bye- / bya- (прогр./прош. утв.), bi- (прогр./ прош. отр., буд.), mi- (прош. отр.)	-ye	lɛ̃è	āyè
сиву	mī	mī	mī	mī
лелеми		-mí	míná	ámí
аттье	mũ / mɔ̃, mun(e)	mũ, une	mũ, mune	mũ, mun(e)
эбрие	o		lo, o	hɔ̃, lo
мбато	nã, u		nã, bo	hɛ̃, bo
аньи	amũ, amwī		amũ	émó, amwī, amũ / amɔ̃
аньи-санви	émó, be	émó	be	émó, be

Таблица 4 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
бауле	a, amũ	amũ	amũ	amũ, ámù
нзема	be- / бѐ-, yame-e		yame-e, be	yame-e, be
аброн	hõ, amene	hõ	amene	hõ
акан-ашанти	mo-, mu-, moa-, amene	mo	mo, amene	mo, hum
акан-аквапим	mu	mu	mu	múara
акан-фанти	hum-	-hum	hum-	ihum
домпо	aniide			
гонджа	bě, bèlé	bèlé	bèlé bá	bèlé
нконья	mle-	mle	mle	mle
нчумуру-банда	mĩni	mĩni		mĩni
нчумуру-беджамсо-груби	mén, mǎn, mǎně	mǎně	mǎně	mǎně
черепон	èní	èní	èní	èní
абуре	vɛ, ama	vé	vé, ama	vé, ama
эотиле	ama		ama	mo, ama
кробу	be	bé		bē

Для языков ква, как уже указывалось выше, характерно использование местоимения 3 л. мн. ч. в значении 2 лица, что приводит в огромном множестве языков к их унификации. Так, сравним формы субъекта 2 и 3 лица мн. ч. ряда языков ква в Таблице 5:

Таблица 5

язык	2 л. мн.ч.	3 л. мн.ч.
секпеле	ba	ba
селе	min- / bye- / bi-	man- / bee- / bo-
мбато	nǎ, u, bo	u, bo
аньи-санви	ẽmó, be	be
нзема	be- / бѐ-	be- / бѐ-
гонджа	bě, bèlé	bě
абуре	vɛ, ama	vɛ
кробу	be, bē	be, bē

Эта специфическая черта характерна не только для ква: она широко распространена в языках западной и центральной Африки. В эдоидных языках, к примеру, произошло практически повсеместное замещение местоимения 2 л. мн. ч. формой третьего лица (энгенни *ba*, йекхе *βā*, эдо (*ù*)*wà*, окпамхери *we* и т. д.); в языках кросс-ривер мы видим формы тее *bò*, легбо *ba-*, кукеле *beba* 'вы' и другие [Бабаев 2010]. Даже в считающихся консервативными языках банту это явление широко представлено в северо-западном

и северо-восточном ареалах: например, в акоосе (группа A15) наряду с местоимением 2 л. мн. ч. *lê* 'вы' в том же значении используется форма 3 л. мн. ч. *bé* [Nurse 2007]; в языках баболе (C101), макаа (A83), била (D30) и других формы 2 и 3 лица во множественном числе различаются огласовкой [Heath 2003; Leitch 2003]. Аналогичное вытеснение местоимения 2 л. мн. ч. наблюдается в некоторых языках адамауа (например, дай [Nougauroi 1979]) и манде (например, лигби [Persson, Persson 1980]). В этой связи, формы местоимений 2 л. мн. ч. типа *ba/wa* в языках ква можно с определенной уверенностью считать инновацией довольно древнего происхождения, возможно, имевшей место уже в праязыке.

Среди других форм местоимений можно назвать две формы, восходящие, по-видимому, к праязыку: *tu/to* и *ne/nε*. Первая из них (в аттье, ании, логба, бауле, акан, зотиле и, возможно, абуре *ama*) не засвидетельствована в языках левого берега Вольты, но распространена в большинстве подгрупп группы ньо. Формы с префиксальной гласной типа бауле *atī* могут свидетельствовать об их распространении из эмфатической серии с ее вокалическим префиксом. Местоимение **ti* имеет соответствие в языках бенуэ-конго (банту и бантоид. **tv-*, укаан *tɔ̀*), его реконструкция для праязыка бенуэ-ква (в виде **tv*) предложена в числе других лексем еще Дж. Стюартом [Stewart 2002: 223], с которым мы должны согласиться.

Вторая форма, восходящая к тому же праязыковому уровню, должна быть реконструирована в виде трех вариантов: **ne*, **Vne* и **ml-ne / *ml-ni < *bl-ni*, из которых второй, по-видимому, является по происхождению независимо-эмфатической формой, а последний представляет собой контаминацию с плюральным префиксом. Вокализм этих форм может быть восстановлен лишь предположительно: ясно, что он подвергся масштабному разрушению в результате ассимиляции. Рефлексы этих форм таковы:

**ne*: ньянго-тафи *nɔ-*, кебу *ná*, алладьян *lɛ̄ / lɛ̄*, га *lɛ̄-*, эга *ɲɔ̄, ɲɛ̄*, логба *-ni*, мбато *nā*;

**Vne*: абе *ɛ̄ɲā*, адьюкру *ɔ̄ɲ*, авикам *ɲɔ̄*, эга *ɲɛ̄*, логба *ani, anu-*, аттье *ine*, домпо *ani-ide*, черепон *ɛ̄ni*;

**ml-ne / *ml-ni / *bl-ne*: гун *milé*, ньянго-тафи *wɔɲɔ-*, лелеми *miná*, аттье *tun(e)*, аброн *atene*, акан-ашанти *atene*, гонджа *bɛ̄ɲé*, нчумуру-банда *mini*, нчумуру-беджамсо-груби *mɛ̄n*.

Соблазнительным было бы сравнить с этими генетически близкими формами также местоимения, подвергшиеся фонетической модификации, например, аватиме *mlɔ̄*, происходящую, вероятно, из **bɔ-nɔ̀*, учитывая близкородственную форму ньянго-тафи *wɔɲɔ*. В ряду сходных местоимений 2 л. мн. ч. языков северной подгруппы гуанг (гонджа *bɛ̄ɲé*, нчумуру-банда *mini*, нчумуру-беджамсо-груби *māɲé*) фонетически выделяется форма нконья *mlɛ-*: их общее происхождение из **be-nl* или **bɛ-nl* не вызывает сомнений. Формы аделе типа эмф. *ɛ̄yé < *Vné* представляют собой результат развития старого **n > *ɲ > *y*, ср. форму в родственном эга *ɲɛ̄*.

Таким образом, согласно классификации языков ква мы можем постулировать праязыковое происхождение для всех трех форм: **ne*, **Vne*, **bl-ne*. Исходя же из парадигматических соображений, логично предположить, что местоимение **ne* маркировало субъект глагола, в то время как последние два были независимыми, носившими функцию именного предиката. Об этом может свидетельствовать и оформление второго из них именным классным префиксом **bl-*.

В Таблице 5 приведены и немногочисленные новообразования. Для группы гбе, языка бовили и диалектов подгруппы лелеми восстанавливается местоимение **mí*, подвергшееся взаимному аналогическому воздействию с формой 1 л. мн. ч. **mí*, – в обоих угадывается влияние формы 3 л. мн. ч. В посессивной и эмфатической сериях местоимения прибавляют стандартные именные аффиксы. Происхождение местоимений аброн *hɔ̄* и подобных ему в эбрие и мбато неясно, однако форма аброн, очевидно, генетически связана с местоимением 2 л. ед. ч. *ɔ*.

Праязыковое распределение между двумя праязыковыми местоимениями **mi* и **(V)ne / *bI-ne* также неясно. По образцу местоимений ед. ч. можно лишь предполагать, что одно из них было субъектным, другое – не-субъектным. Именно таково распределение между генетически родственными местоимениями в бантоидном праязыке: **mv-* реконструируется как субъектный префикс, **n(u)e / *ben(u)e* – как независимое несубъектное местоимение [Babaev 2010]. Эти данные внешнего сравнения могут помочь обосновать выводы, которые на собственном материале языков ква сделать сложно, в том числе и вывод о вокализме формы ква **ne*, о котором выше нам приходилось лишь гадать.

5. ВЫВОДЫ

По итогам проведенного анализа, парадигма личных местоимений праязыка ква реконструируется в составе двух основных серий: глагольной (субъектной) и именной (не-субъектной), маркировавшей посессивность и независимое именование сказуемое:

Таблица 6

	субъект	не-субъект
1 л. ед.ч.	<i>*nI-</i>	<i>*(V)me / *(V)mε</i>
2 л. ед.ч.	<i>*o- / *u-</i>	<i>*(V)wo / *(V)we</i>
1 л. мн.ч.	<i>*(V)tu / *(V)ti</i> <i>*bo / *bu</i>	
2 л. мн.ч.	<i>*mi</i>	<i>*(V)ne / *bI-ne</i>

Сравним результат с реконструкцией бенуэ-конголезских форм личных показателей, проведенной автором в [Babaev 2008; 2010]:

Таблица 7

	субъект	не-субъект
1 л. ед.ч.	<i>*ni-</i>	<i>*(à)me</i>
2 л. ед.ч.	<i>*v-</i>	<i>*(à)wo</i>
1 л. мн.ч.	<i>*tv</i>	<i>*(à)ce / *bèce</i>
2 л. мн.ч.	<i>*mv-</i>	<i>*(à)nue / *bènue</i>

Значительное сходство между реконструированными формами обеих семей, безусловно, является сильно приближенной картиной – с учетом индивидуальных особенностей различных групп и подгрупп ква, обсужденных нами в настоящей работе. Тем не менее, на основании проведенного краткого анализа появляется реальная возможность сделать существенный шаг вперед в реконструкции грамматической системы праязыка семьи бенуэ-ква, одной из основных ветвей нигеро-конголезской макросемьи языков.

Необходимо отметить и еще один важный результат реконструкции. Приведенный анализ данных языков ква, особенно в сравнении с данными языков бенуэ-конго, указывает путь к значительной модификации принятого на сегодняшний день генеалогического древа языков нигеро-конголезской макросемьи. Безусловно, материала одних только личных местоимений недостаточно для того, чтобы делать какие-либо таксономические выводы, однако учитывать эти данные при дальнейших сравнительно-исторических исследованиях необходимо, и, будучи подкрепленными солидной реконструкцией других аспектов грамматической системы, они могут внести существенные изменения в существующую таксономию макросемьи.

3 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	é / wò, pé (юсс.)	e	é / è	éya
ген	é, bě (dep.)	è / è	é	éya
гун	é	e / ε / i	é-tɔ̃n	éɔ̃ / úɔ̃
фон	é(yè)	é(yè)	é-tɔ̃n	é(yè)
ньянгбо-тафи	ye / ye	yé	ye	ye / ye
аватиме	é / á	yē / yē	ye-	yē
бовили	o / yè, e- / ε-			o / ye
кебу				ɲwá
анимере	ye			ye
абе	ná / á			nə
абиджи	n-	-ni		ɛnɛ
адьюкру	o, nā, lu		o, nān	li (одуш.), ow, in (косв. речь одуш.), ow'n (косв. речь)
алладьян	l- / n- (гл.), li- / ni- (согл.), ne / no / o	-r	in, ne	e, ne
авикам	e / è		è	e / è
га	è	lè (одуш.), ø (неодуш.)	è	lè
дангме	e	ε, a, ɔ	e	lè
аделе	é, ε (буд., перф. отриц.), ya (перф.)		o	εwɔ
эга	li	ji	j'	tji
логба	ɔ	ε / o, lɛ (одуш.), ye (неодуш.)	o (одуш.), alɛ (неодуш.)	ɔlɛ (одуш.), mɛ (неодуш.)
секпеле	o / u (одуш.), a / e (неодуш.)	wɛ (одуш.)	wé	wé
селе	o	ɔ	nɔ̃ɔ	ɲ ^w ɔ̃ɔ
сиву	ɔ̃	ũ	ð	ð
лелеми	o-	-ɲ	ɲwa	àɲu
аттье	c		e	o, e
эбрие	a / e		mi	a / ā / i
мбато	ɛ		è	hē

Таблица 8 (окончание)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
аньи	o- / ɔ- (согл.), y- (гл.)	-y	o- / yé (согл.), y-, i (гл.)	yé, i / èi
аньи-санви	o / a		i	i / èi
бауле	ɔ	i	i	(y)i
нзема	o- / ɔ-, ye-		o, i	èi / a
аброн	wo / u		we	wo
акан-ашанти	ɔ- / o- / wa- (одуш.), ɛ- / e- / a- (неодуш.)	ɛpo (одуш.), ɛno (неодуш.)		
акан-аквапим	(o)no	(o)no	ne / n-	póaga, nehú (возвр.)
акан-фанти	o- / wa-, nu / na		nú-	owo
гичоде	ò / ò	mɔ̃	mè / m- / mɔ̃	mɔ̃
гиньянга	ó / ɔ' / ò / ò	è / à	nè	wa
домпо				nyine
гонджа	è (одуш.), ki (неодуш.)	mò (одуш.), kítú (неодуш.)	m̀bá (одуш.), kítú bá (неодуш.)	mò (одуш.), kítú (неодуш.)
нконья	ɔ- (одуш.), e- / i- (неодуш.)		mɔ̃ (одуш.)	(e)mɔ̃
нчумуру- банда	ɔ̃-	m̀ / m̀		m̀
нчумуру- беджамсо- груби		m̀ (одуш.), kɛm (неодуш.)	m̀ / m̀ / m̀	m̀ (одуш.), kéya (неодуш.)
черепон	á (одуш.), é (неодуш.)	m̀	m̀	m̀
абуре	o / a / e		i / u	e
эотиле	o	o		wo
кробу	o			ó

Таблица 9

3 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
эве	wó, wóné (юсс.)	wó	wó	wó / áwó
ген	ó / ò	ó	óá	óáó
гун	yé	yé	yé-tɔ̃n	yélé
фон	yé	yé	yé-tɔ̃n	yé
ньянгбо-тафи	balé	balé / alé	balé	ba / be / balé, baléšú (возвр.)

Таблица 9 (продолжение)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
аватиме	bā		ba-	bā
бовили	ba / bε, bi-		bε	
кебу				m̄pə
анимере	bε			bε
абе				kɛlɔ
абиджи	n-...-ní			n-ɛ̀nɛ̀
адьюкру	bè, li, wè		en	bè, -li (одуш.), wɛi, ɛi (косв. речь)
алладьян	l- / n- (гл.), li- / ni- (согл.)	ɛl	ɛl, ye	
авикам	aõ		ā	aõ, ā
га	àmɛ̀	àmɛ̀	àmɛ̀	àmɛ̀
дангме	a	mɛ̀	à	mɛ̀
аделе	bée (наст.), bée (прогр.), bá (перф.), bε (буд., перф. отриц.)		bε	bε
эга	mū	mé	m-'	ɪmé
логба	ɛ	a	a	alɛ
сскпеле	ba, má	nyɛ / mɛ (одуш.), má	máma	má
селе	boo	ma	lɛmā	mimā
сиву	mā, mā	mā	mā	mā'
лелеми	ba-	-mà	bàná/màná	àma
аттье	ba		ba	ba
эбрис	o		o/lo	lo
мбато	bo / mɔ		bõ	bõ
аньи	bé / b-	bé	bé / b-	bé
аньи-санви	be		be	be
бауле	be	bɛ	be	be
нзема	be- / bε-		be	be
аброн	bɛ		be	be
акан-ашанти	wɔ- / wo- / wɔa- (одуш.), ɛ- / e- / a- (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), ɛno(ɲom) (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), no (неодуш.)	wɔɲ (одуш.), n(ɛ) (неодуш.)
акан-аквапим	voñ	voñ	voñ	vóñara, voñhú (возвр.)
акан-фанти	wo- / wa-, hon			óhon
гичоде	mã	mómó	mómó	mómó

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./независ.
гиньянга	mě / m- / mě	mǎ (одуш.), á (неодуш.)	mǎ	mǎ
домпо				bam
гонджа	bǎ / bò (одуш.), à (неодуш.)	bòmò (одуш.), ámú (неодуш.)	bómó bá (одуш.), ámú bá (неодуш.)	bòmò (одуш.), ámú (неодуш.)
нконья	be- / be- / bo- / bo- / bu- (одуш.), e- (неодуш.)		amǒ	amǒ
нчумуру-банда	bì-	bamu / bam		bamu
нчумуру- беджамсо- груби		bám	bámě / bám-	bámě
черепон	ètú	ètù	ètù	ètù
абуре	ve		ve / v-	uwe
эотиле				wa
кробу	a			á

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

аор.	аорист
буд.	будущее время
возвр.	возвратное
вопр.	вопросительное
гл.	гласный звук
диал.	диалектное
ед. ч.	единственное число
имперф.	имперфект
инкл.	инклюзив
л.	лицо
мн. ч.	множественное число
наст.	настоящее время
неодуш.	неодушевленное
одуш.	одушевленное
отр.	отрицательное
отчужд.	отчуждаемое
перф.	перфект
прош.	прошедшее время
согл.	согласный звук
топик.	топикализованное
усл.	условное наклонение
утв.	утвердительное
хаб.	хабитуалис
экскл.	эксклюзив
эмфат.	эмфатическое
юсс.	юссив

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ПРИВЕДЕННЫХ В СТАТЬЕ

язык	варианты в литературе
эве	Ewe, Ebwe, Efe, Eibe, Eue, Eve, Gbe, Крепе, Крепи, Popo, Vhe
ген	Gen, Ge, Gebe, Gen-Gbe, Guin, Mina, Mina-Gen, Popo
гун	Gun, Alada, Alada-Gbe, Egun, Goun, Gu, Gugbe, Gun-Alada, Gun-Gbe, Seto-Gbe, Toli-Gbe
фон	Fon, Dahomeen, Djedji, Fo, Fogbe, Fongbe, Fonnu
ньянгбо-тафи	Nyangbo-Tafi, Tutrugbu
аватиме	Avatime, Afatime, Siya, Sia, Sideme
бовили	Bowili, Bawuli, Bowiri, Liwuli, Siwuri, Tuwili, Tuwuli
кебу	Kebu, Akebou, Екреебхе, Gakagba, Kabu, Akebu, Kegberike
анимере	Animere, Anyimere, Kunda
абе	Abe, Abbé, Abbey, Abi
адыюкру	Adioukru, Adjukru, Adyoukrou, Adyukru, Ajukru
алладьян	Alladian, Alladyan, Allagia, Allagian
авикам	Avikam, Avekom, Brignan, Brinya, Gbanda, Kwakwa, Lahu
га	Ga, Accra, Acra, Amina, Gain
аделе	Adele, Bedere, Bidire, Gadre, Gidire
эга	Ega, Diés, Egwa
логба	Logba, Ikpaha
секпеле	Sekpele, Likpe
селе	Sele, Santrokofi
сиву	Siwu, Akrafu
лелеми	Lelemi, Buem
аттье	Attié, Akie, Akye, Atche, Atie, Atshe
эбрие	Ebrié, Cama, Caman, Kyama, Tchaman, Tsama, Tyama, Kyama
мбато	Mbato, Goaa, Gwa, M'bato, Mbatto, Mgbato, N-Batto, Ogwia, Potu
аньи	Anyi, Agni, Anyin
аньи-санви	Anyi Sanvi, Afema, Sanwi
бауле	Baulé, Baoulé, Bawule
нзема	Nzema, Zema, Appolo, Nzima
аброн	Abron, Bron, Brong, Doma, Gyaman
акан-ашанти	Akan Ashanti, Asante, Ashanti Twi
акан-фанти	Fanti, Fante, Twi
домпо	Dompo, Dumpo, Ndmпо
нчумуру	Nchumuru, Kyongborong, Nchimburu, Nchumburu
черепон	Cherepon, Cherepong, Chiripon, Chiripong, Kyerepong, Okere, Hill Guang
абуре	Aburé, Abonwa, Abule, Akaplass
эотиле	Eotilé, Beti

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рамстедт 1957 – Г.И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Aboh 1997 – E. Aboh. On the syntax of Gungbe noun phrases. Paper presented at the annual meeting of the African language and linguistics colloquium (Leiden). 1997.
- Agbedor 1996 – P.K. Agbedor. The syntax of Ewe personal pronouns // *Linguistique africaine*. 1996. V. 16.
- Allan 1980 – E.J. Allan. Likpe // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Allen 1980 – C.A. Allen. Sele // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Apronti 1976 – E.O. Apronti. Dangme // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Babaev 2008 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal pronouns I: Proto-Bantoid // *Journal of West African linguistics*. V. XXXV. 2008. № 1–2. <http://www.nostratic.ru/benue-congo1.pdf>
- Babaev 2010 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal pronouns II // *Вопросы языкового родства*. 2010. № 4. <http://www.nostratic.ru/benue-congo2.pdf>
- Bamgbose 1966 – A. Bamgbose. A grammar of Yoruba. (West African languages monographs. 5.) Cambridge, 1966.
- Bennett, Sterk 1977 – P. Bennett, J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // *Studies in African linguistics*. V. 8. 1977.
- Blench 2001 – R. Blench. Comparative Central Togo: What have we learnt since Heine? Paper presented at the 32nd annual conference on African linguistics (Berkeley, 23–25th March). 2001.
- Blench 2007 – R. Blench. The Domo language of Central Ghana and its affinities. Manuscript. 2007. <http://www.rogerblench.info>
- Blench, Doma, manuscript. – R. Blench, M. Doma. A dictionary of the Gbari language. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>
- Bôle-Richard 1983a – R. Bôle-Richard. L'ébrié // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Bôle-Richard 1983b – R. Bôle-Richard. L'éga // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Bôle-Richard 1983c – R. Bôle-Richard. Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du sud-Togo et sud-Bénin. Paris, 1983.
- Boyd 1989 – R. Boyd. Adamawa-Ubangi // J. Bendor-Samuel (ed.). Niger-Congo languages. New York; London, 1989.
- Burmeister 1983a – J.L. Burmeister. L'abouré // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Burmeister 1983b – J.L. Burmeister. L'agni // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Casali 2006 – R. Casali. Animere phonetic word list. Draft, 2006.
- Christaller 1933 – J.G. Christaller. Dictionary of the Asante and Fante language called Tshi (Twi). Basel, 1933.
- Cleal 1976a – A. Cleal. Gchode // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cleal 1976b – A. Cleal. Genyanga // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cleal, Price 1980 – A. Cleal, N. Price. Nchumuru // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Clopper 2001 – C. Clopper. The Nzema verbal phrase: an optimality theoretic account // *IULC working papers online*. V. 1. 2001.
- Cook 1976 – T.L. Cook. Efik // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Cox 1998 – M. Cox. Description grammaticale du ncam (bassar), langue gurma du Togo et du Ghana. Paris, 1998.
- Creissels 1993 – D. Creissels. Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique. Grenoble, 1993.
- Cysouw 2003 – M. Cysouw. The paradigmatic structure of person marking. Oxford, 2003.

- Delafosse 1900 – *M. Delafosse*. Essai de manuel de la langue agni. Paris, 1900.
- Delafosse 1904 – *M. Delafosse*. Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues ou dialectes parlés à la Côte d'Ivoire et dans les régions limitrophes. Paris, 1904.
- Duponchel, Bertin Mel 1983 – *L. Duponchel, G. Bertin Mel*. L'alladian // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Fiore, Peck 1980 – *L. Fiore, P. Peck*. Limbum // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Funke 1909 – *E. Funke*. Versuch einer Grammatik der Avatimesprache // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. V. 12. 1909. № 3.
- Funke 1910 – *E. Funke*. Die Nyangbo-Táfi Sprache: Ein Beitrag zur Kenntnis der Sprachen Togos // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. V. 13. 1910. № 3.
- Grassias, Bôle-Richard 1983 – *A. Grassias, R. Bôle-Richard*. Le m'batto (ngula) // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Greenberg 1955 – *J. Greenberg*. Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955.
- Harro, Haynes 1991 – *G. Harro, N. Haynes*. Grammar sketch of Yemba. Yaoundé, 1991.
- Heath 2003 – *T. Heath*. Makaa // D. Nurse, G. Phillipson (eds.). The Bantu languages. London; New York, 2003.
- Heine 1968 – *B. Heine*. Die Verbreitung und Gliederung der Togorestsprachen. Berlin, 1968.
- Hérault 1976 – *G. Hérault*. Adiokrou // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Hérault 1983 – *G. Hérault*. L'éotilé // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Hill 1995 – *H. Hill*. Pronouns and reported speech in Adiokrou // Journal of West African languages. V. 15. 1995. № 1.
- Höftmann 1971 – *H. Höftmann*. The structure of Lelemi language. Leipzig, 1971.
- Hyman, Magaji 1970 – *L. Hyman, D. Magaji*. Essentials of Gwari grammar. Occasional publication. 27. Ibadan, 1970.
- Iddah 1980 – *R.K. Iddah*. Siwu // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Jungraithmayr 1973 – *H. Jungraithmayr*. Notes on the Ishe dialect of Ukaan (Akoko, Western State, Nigeria) // Africana Marburgensia. V. 6. 1973. № 1.
- Krause 1895 – *G.A. Krause*. Die Stellung des Temne innerhalb der Bantusprachen // Zeitschrift für afrikanische, ostasiatische und ozeanische Sprachen. Hf. 1. 1895.
- Kropp Dakubu 1967 – *M.E. Kropp Dakubu*. Lefana, Akpafu and Avatime with English glosses // Comparative African wordlists. 3. Legon, 1967.
- Kropp Dakubu 1976 – *M.E. Kropp Dakubu*. Ga // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Kropp Dakubu 2008 – *M.E. Kropp Dakubu*. Ga Verb Features // F. Ameka, M.E. Kropp Dakubu (eds.). Aspect and modality in Kwa languages. Amsterdam, 2008.
- Kutsch Lojenga, Hood 1983 – *C. Kutsch Lojenga, E. Hood*. L'attié // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Lefebvre, Brousseau 2002 – *C. Lefebvre, A.-M. Brousseau*. A grammar of Fongbe. The Hague, 2002.
- Leitch 2003 – *M. Leitch*. Babole // D. Nurse, G. Phillipson (eds.). The Bantu languages. London; New York, 2003.
- Lewis 2009 – *M.P. Lewis* (ed.). Ethnologue: languages of the world. Dallas, 2009. <http://www.ethnologue.com>
- Meinhof 1906 – *C. Meinhof*. Grundzüge einer vergleichende Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906.
- Mensah 1983 – *E.N.A. Mensah*. Le krobou // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Miehe 2004 – *G. Miehe*. Les pronoms personnels dans les langues gur // D. Ibriszimow, G. Segerer (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et langage». 8. Louvain; Paris, 2004.
- Moniño 1995 – *Y. Moniño*. Le Proto-Gbaya: essai de linguistique comparative historique sur vingt-et-une langues d'Afrique centrale. Louvain; Paris, 1995.
- N'Guessan 1983a – *J.K. N'Guessan*. L'abbey // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- N'Guessan 1983b – *J.K. N'Guessan*. Le baoulé // G. Hérault (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire. V. 1. Paris; Abidjan, 1983.

- Nougayrol 1979 – *P. Nougayrol*. Le day de Bouna (Tchad). T. 1. Phonologie, syntagmatique nominale, synthématique. Paris, 1979.
- Nurse 2007 – *D. Nurse*. Tense and aspect in Bantu. Oxford, 2007. <http://www.ucs.mun.ca/~dnurse/tabantu.html>.
- Ohiri-Aniche 1999 – *C. Ohiri-Aniche*. Language diversification in the Akoko area of Western Nigeria // R. Blench, M. Spriggs (eds.). Archaeology and language. IV. Language change and cultural transformation. London, 1999.
- Painter 1980a – *C. Painter*. Gonja // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Painter 1980b – *C. Painter*. Hill Guang // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Persson, Persson 1980 – *A. Persson, J. Persson*. Ligbi // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Philpot 1935 – *W.T.A. Philpot*. Notes on the Igala language // Bulletin of the school of Oriental and African studies. V. 7. 1935.
- Pozdniakov, Segerer 2004 – *K. Pozdniakov, G. Segerer*. Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // D. Ibrizimow, G. Segerer (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et langage». V. 8. Louvain; Paris, 2004.
- Rédei 1988 – *K. Rédei* (ed.). Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Reineke 1972 – *B. Reineke*. The structure of the Nkonya language. Leipzig, 1972.
- Riis 1853 – *A. Riis*. Elemente des Akwapim-Dialekts der Odschi-Sprache. Basel; Bahnmeier, 1853.
- Schadeberg 1981 – *T. Schadeberg*. The survey of Kordofanian. V. 1. The Heiban group. Hamburg, 1981.
- Schadeberg 1985 – *T. Schadeberg*. A small sketch of Ewe // Afrikanistische Arbeitspapiere. Köln, 1985.
- Scholz 1976 – *H.-J. Scholz*. Igbirra // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Schuh 1995a – *R. Schuh*. Aspects of Avatime phonology // Studies in African linguistics. V. 24. 1995. № 1.
- Schuh 1995b – *R. Schuh*. Avatime noun classes and concord // Studies in African linguistics. V. 24. 1995. № 2.
- Segerer 2002–2007 – *G. Segerer*. Les marques personnelles dans les langues africaines, base de données en ligne, 2002–2007. <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms>.
- Segerer 2008 – *G. Segerer*. Les langues Niger-Congo // А.Ю. Желтов (ред.). Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., 2008.
- Smith 1980 – *N. Smith*. Nupe // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Sprigge 1976 – *R.G.S. Sprigge*. Ewe (Adangbe dialect) // M.E. Kropp Dakubu (ed.). West African language data sheets. V. 1. Legon; Leiden, 1976.
- Starwalt 2008 – *C. Starwalt*. The acoustic correlates of ATR harmony in 7- and 9-vowel African languages: a phonetic inquiry into phonological structure. Ph.D. thesis. Arlington, 2008.
- Stewart 1973 – *J. Stewart*. The lenis stops of the Potou Lagoon languages and their significance for pre-Bantu reconstruction // M.E. Kropp Dakubu (ed.). Papers in Ghanaian linguistics. V. 2. 1973.
- Stewart 1989 – *J. Stewart*. Kwa // J. Bendor-Samuel (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham, 1989.
- Stewart 1993 – *J. Stewart*. The second Tano consonant shift and its likeness to Grimm's law // Journal of West African languages. V. 23. 1993. № 1.
- Stewart 1994 – *J. Stewart*. The comparative phonology of Gbe and its significance for that of Kwa and Volta-Congo // Journal of African languages and linguistics. V. 15. 1994.
- Stewart 1999 – *J. Stewart*. An explanation of Bantu vowel height harmony in terms of a pre-Bantu nasalized vowel lowering // Journal of African languages and linguistics. V. 21. 1999.
- Stewart 2000 – *J. Stewart*. Symmetric versus asymmetric vowel height harmony and e, o versus i, u in Proto-Bantu and Proto-Savanna Bantu // Journal of West African languages. V. 28. 2000. № 1.
- Stewart 2001a – *J. Stewart*. South Volta-Congo (Benue-Kwa) subclassification: the position of Tano (Akanoid). Paper read at the 32nd annual conference on African linguistics (University of California), 2001.
- Stewart 2001b – *J. Stewart*. The stem-initial consonant system of Proto-Potou-Tano-Bantu: an update. Paper read at the Benue-Congo workshop at the 32nd annual conference on African linguistics (University of California), 2001.

- Stewart 2002 – *J. Stewart*. The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions updated // *Journal of African languages and linguistics*. V. 23. 2002.
- Stewart 2004 – *J. Stewart*. The Proto-Potou-Akanic-Bantu reconstructions updated. Manuscript, 2004.
- Stewart, manuscript – *J. Stewart*. Word list for African languages. Manuscript.
- Tamanji 2006 – *P. Tamanji*. Concord and DP structure in Bafut. *Afrikanistik online*. № 595. 2006.
- Timyan-Ravenhill 1980 – *J. Timyan-Ravenhill*. Baule // M.E. Kropp Dakubu (ed.). *West African language data sheets*. V. 2. Legon; Leiden, 1980.
- Timyan-Ravenhill 1983 – *J. Timyan-Ravenhill*. L'abron // G. Hérault (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire*. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Tresbarats 1983 – *C. Tresbarats*. L'abidji // G. Hérault (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire*. 1. Paris; Abidjan, 1983.
- Welmers 1946 – *W. Welmers*. A descriptive grammar of Fanti. Baltimore, 1946.
- Werner 1919 – *A. Werner*. Introductory sketch of the Bantu languages. London; New York, 1919.
- Westermann 1903 – *D. Westermann*. Die Logbasprache in Togo: Kurzer Abriss der Grammatik und Texte // *Zeitschrift für Afrikanische und Ozeanische Sprachen*. Hf. 7. 1903.
- Westermann 1922 – *D. Westermann*. Vier Sprachen aus Mitteltoogo: Likpe, Bowili, Akpafu und Adele, nebst einigen Resten der Borosprachen // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*. 25. 1922.
- Westermann 1927 – *D. Westermann*. Die westernen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin, 1927.
- Williamson 1989 – *K. Williamson*. Benue-Congo overview // J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo languages*. New York; London, 1989.
- Williamson, manuscript – *K. Williamson*. Proto-Ijoid reconstructions. Manuscript.
- Williamson, Blench 2000 – *K. Williamson, R. Blench*. Niger-Congo // B. Heine, D. Nurse (eds.). *African languages: an introduction*. Cambridge, 2000.

© 2010 г. Н.А. О'ШЕЙ

**ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
В ПОЛЬЗУ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
АКРОСТАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ СТРУКТУР**

Данное небольшое исследование является попыткой анализа кельтских форм, которые указывают на возможность реконструкции акростатических глагольных парадигм с количественным аблаутом на индоевропейском уровне. Детально рассматриваются древнеирландские глаголы, очевидно восходящие к акростатическому презенсу, излагается гипотеза исконной акцентуации сигматического аориста.

Данное небольшое сообщение является частью проводимого нами в данный момент исследования эволюции индоевропейских морфологических категорий и формальных типов в кельтских языках.

Мы придерживаемся традиций Эрлангенской школы и, таким образом, постулируем аблаутно-акцентные типы как в системе имени, так и в системе глагола. Для начала дадим небольшой обзор имеющихся типов. Исходя из того, что в словоформе присутствует корень, окончание и иногда суффикс или инфикс, выделяются следующие типы аблаутно-акцентного чередования.

Протерокинетический тип. В сильной основе корень находится под ударением и характеризуется полной ступенью аблаута; безударный суффикс демонстрирует нулевую ступень. В слабой основе ударение перемещается с корня на суффикс, который приобретает полную огласовку, при этом корень, напротив, оказывается в нулевой ступени. Пример: и.-е. **suh₂d-u-* «сладкий»; Acc. Sg. **sueh₂d-u-m*, греч. ἡδύμ, скр. *svādúm* vs. Gen. Sg. **suh₂d-éu-s*, греч. ἡδέ(φ)ος, скр. *svādós*.

Амфикинетический тип. В данном случае суффикс, если он имеется, инвариабельно безударен и, следовательно, находится в нулевой ступени (может также, как в нижеприведенном примере, демонстрировать вторичную *o*-огласовку); в сильной основе полную ступень и ударение демонстрирует корень, а в слабой – окончание, при этом, как и следует ожидать, корень снова оказывается в нулевой ступени. Пример: и.-е. **uek-nt-* «желающий» (причастие I); Acc. Sg. **uek-ont-m*, греч. ἐκόντα, скр. *usántam* vs. Gen. Sg. **uk-nt-és*, греч. ἐκόντος, скр. *usatás*.

Гистерокинетический тип. В данном типе корень всегда безударен и находится в нулевой ступени аблаута; передвижение ударения и, соответственно, полной огласовки происходит с суффикса на окончание. Пример: и.-е. **ur-n-* «ягненок», **uks-n-* «бык»; Nom. Sg. **ur-é(n)-Ø*, греч. ἄρνῆν, скр. *urā́* vs. Gen. Sg. **ur-n-és*, греч. (φ)ἄρνός, скр. *ukṣnnás*¹.

В дополнение к перечисленным типам выделяется еще один, так называемый акростатический, в котором не происходит сдвига ударения, но, однако же, может наблюдаться чередование по аблауту как количественное, так и качественное. Весьма характерны в этом отношении гетероклитические имена. Пример: и.-е. **ud-r/n-* «вода»; Nom. Sg. **ud-r*, хет. *uadar* vs. Gen. Sg. **ued-n-s*, хет. *uedenas*².

¹ Примеры из [Rix 1992: 123].

² Пример из [Герценберг 1989: 41].

Не вдаваясь в подробности происхождения последнего типа, заметим, что основной тенденцией кинетических аблаутно-акцентных моделей является перемещение акцента и соответствующий сдвиг аблаута к концу слова в формах со слабой основой. Эта тенденция была удачно определена К.Г. Красухиным в рамках его гипотезы аблаутно-акцентной парадигмы (ААП) как «правило акцентного сдвига вправо» [Красухин 1998: 36].

Изыщная классификация Эрлангенской школы вполне применима и к глагольным образованиям. В таком случае корневые презенсы мы можем охарактеризовать как амфикинетические, поскольку аблаутно-акцентный сдвиг в них происходит с корня на окончание. Пример: и.-е. $g^{uh}én-/g^{uh}n̥-$ «убивать», хет. 3 Sg. *kuenzi*, 3 Pl. *kunanzi*.

Для презенсов с назальным инфиксом наиболее характерна гистерокинетическая модель, при которой в сильной основе имеется инфикс в полной степени аблаута. Пример: и.-е. $*ju-né-g-/ *ju-n-g-$ «связывать, сопрягать», скр. 3 Sg. *yunákti*, 3 Pl. *yuñjánti*.

Й. Нартен был описан акростатический презенс, в котором ударный корень в сильной основе имеет продленную степень аблаута, а в слабой – нормальную [Narten 1968]. Пример: и.-е. $*h_1éd-/h_1éd-$ «есть», хет. 1 Sg. *ēdmi*, 3 Pl. *adanzi*. По поводу этого типа необходимо заметить, что, несмотря на то, что собственно сдвига ударения в нем не наблюдается, его модель аблаутного чередования в принципе подчиняется общей закономерности «правила акцентного сдвига вправо». Мы имеем в виду, что подобно тому, как в связи с этим сдвигом в амфикинетических основах возникает оппозиция корня с полной огласовкой в сильной основе и корня с нулевой огласовкой в слабой, в акростатических основах этого типа корень с продленной огласовкой в сильной основе противопоставляется корню с нормальной огласовкой в слабой. Другими словами, обнаруживается как бы сдвиг всего аблаутного контура на одну количественную степень. Возникновение продленной огласовки в сильной основе акростатических парадигм, к которым, помимо «Нартен-презенса», также относится индикатив сигматического аориста, обычно объясняют вторичным продлением, обусловленным именно аналогией с амфикинетической моделью. Предполагается, что акростатическая атематическая парадигма с нормальной огласовкой в слабой основе «восстанавливает» пропорцию, удлиняя гласный в сильной основе. Этот процесс в отношении сигматического аориста был удачно объяснен Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1956: 358–363], который показал, что индуцирующим в этом случае является группа аористных форм от корней с двумя шумными типа *TET-*. Поскольку нулевая степень корня от таких структур фонетически невозможна, то, видимо, происходит эпентеза гласного между согласными и последующее восстановление полной степени в слабой основе: $†TT-s- \sim *T_E T-s- > TET-s-$. В свою очередь, сильная основа противопоставляется слабой посредством продления гласного в корне: $TĒT-s-$. В дальнейшем по этой модели строятся парадигмы сигматического аориста и от корней с другой структурой. К. Штрук, также изучавший проблему аблаута в акростатических парадигмах, в частности сигматический аорист и «Нартен-презенс», определил наблюдаемый сдвиг аблаута термином «Aufstufung» [Strunk 1985], см. ниже.

Следует отметить, что презенс и аорист глагола тесно взаимосвязаны и могут быть объединены в одну систему, условно обозначаемую как «инфект». Действительно, обе эти видо-временные формы способны выражать действие, но разница между ними состоит в том, что если аорист по значению соответствует совершенному виду, т. е. в центре его семантики находится собственно действие, то презенс, напротив, соответствует несовершенному виду, и в его семантику включается аспект продленности, процессуальности; ср. [Schmidt 1974; Giannakis 1997: 22–30]. А. Мейе принадлежит гипотеза об исконной дифференциации аористных и презентных глагольных основ в зависимости от семантики корней, от которых эти основы образовывались. Эта гипотеза предполагает, что если в семантике глагольного корня была заключена некая процессуальность, то от него допустимо было построение презенса; если же корень обозначал только действие, то основа, производная от него, была аористной [Мейе 1938]. Эта теория подтверждается тем, что уже на более позднем уровне, когда от одного и того же корня с

равной степени уверенности фиксируются и аористные, и презентные формы, обычно простому аористу, характеризующемуся соответствующей корневого огласовкой и вторичными окончаниями, соответствует тем или иным способом осложненный презент (так, осложнение может иметь вид инфиксации или суффиксации (в том числе и тематизации), редупликации). Так, например, К. Штунком была отмечена четкая корреляция корневых аористов и презентов с назальным инфиксом [Strunk 1967]. С другой стороны, простому презенту в большинстве случаев соответствует осложненный, как правило сигматический, аорист. Логичным кажется то, что презент обнаруживает значительно большее разнообразие в способах построения осложненных основ, чем аорист, и случаи корреляции «простой корневого презент – осложненный аорист» более редки, чем случаи обратной зависимости. Поскольку семантика аориста предполагает указание только на само действие, то он, видимо, мог быть построен практически от любого глагольного корня, в то время как создание презента требовало наличия в семантике указанного оттенка продленности или, по крайней мере, возможности появления этого оттенка. Иными словами, пользуясь терминологией Мейе, от «презентных корней» возможно было построение и аориста, и презента, а от «аористных корней» – только построение аориста, так что на презент накладываются определенные ограничительные рамки.

Отметим теперь несколько основных особенностей механизма унификации кинетических парадигм на кельтском уровне. Поскольку самая разносторонняя кинетика в индоевропейском существует в основах презента, ими можно проиллюстрировать все процессы.

Для кельтских языков преобладающим принципом тематизации является генерализация слабой основы парадигмы, практически вне зависимости от того, к какому индоевропейскому прототипу восходит та или иная кельтская глагольная основа. Однако существует целый ряд сопутствующих и предшествующих тематизации обстоятельств. Среди них такие, как выравнивание структуры корня в слабой ступени на кельтском уровне, если из-за, скажем, различного отражения сонорного внутри слабой части парадигмы имеются расхождения; ср. 3 Pl. $g^{*h}n\text{-}\acute{e}nti \sim *g^{*h}nenti \sim *g^{*h}nanti$ под влиянием 1 Pl. $*g^{*h}n\text{-}m\acute{o}s$, 2 Pl. $*g^{*h}n\text{-}t\acute{e} > *g^{*h}namos, *g^{*h}nantes$ (к др.-ирл. *gonaid* «ранит, убивает»). Другой уровень выравнивания, который предшествует полной унификации парадигмы, – это часто встречающееся выравнивание аблаутного противопоставления основ по качеству и количеству в пользу противопоставления только по качеству; ср. $*h_1\acute{e}d\text{-}ti$ vs. $*h_1\acute{e}d\text{-}nti > 3$ Sg. $*i\acute{r}\text{-}ti$ vs. 3 Pl. $*ed\text{-}anti \sim *i\acute{r}\text{-}ti$ vs. $*id\text{-}anti$ (к др.-ирл. *ithid* «ест»).

Наконец, устранение аблаутно-акцентной оппозиции основ и унификация парадигмы может происходить двумя путями: во-первых, собственно при помощи тематизации, т. е. внедрения в основу тематического гласного; ср. $*g^{*h}enti$ vs. $*g^{*h}nanti \sim *g^{*h}nanti$, $*g^{*h}nanti$ (к др.-ирл. *gonaid* «ранит, убивает»). Во-вторых, в случае развития назальных презентов унификация системы происходит при помощи распространения в парадигме нового суффикса, возникшего, в свою очередь, в результате переразложения исконной основы; ср. $*mr\text{-}n\acute{e}\text{-}h_2\text{-}ti$ vs. $*mr\text{-}n\text{-}h_2\text{-}\acute{e}nti > *marn\acute{a}ti$ vs. $*marnanti \sim *mar\text{-}na\text{-}ti, *mar\text{-}nanti$ (к др.-ирл. *marnaid* «предает»).

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что между моделью тематизации и моделью «суффиксации» существует серьезное различие в плане принципа генерализации основ. Как кажется, для кельтских презентов характерна тематизация по архаической окситонной модели, т. е. типу *tud\acute{a}ti*, и в этом смысле, видимо, можно указать на генетическое и типологическое сходство кельтской тематизации с соответствующими процессами в греческом и индоиранских языках. С другой стороны, как показало исследование рефлексов амфикинетического назального «Штунк-презента», для модели, внедряющей в систему вычленимый суффикс, генерализация слабой основы обязательной не являлась; ср. $*st\acute{e}r\text{-}n\text{-}h_3\text{-}ti$ vs. $*str\text{-}n\text{-}h_3\text{-}\acute{e}nti > *sernati$ vs. $*sarna/onti > *ser\text{-}na\text{-}ti, *ser\text{-}na\text{-}nti$ (к др.-ирл. *sernaid* «растягивает»). Более того, огласовка отражений назальных презентов в кельтских языках может быть использована как критерий установления точного типа соответствующей презентной формации в праязыке – гистерокинетической или амфикинетической.

Итак, предметом нашего исследования являются древнеирландские следы «Нартен-форм» в системе индоевропейского глагольного инфекта. Начнем с анализа небольшого, но значимого набора презентных основ.

Поскольку на общеиндоевропейском уровне число глагольных корней, для которых характерен акростатический атематический «Нартен-презенс», весьма невелико, то неудивительно, что на кельтском уровне мы обнаруживаем всего несколько рефлексов «Нартен-презенсов», претерпевших большую или меньшую модификацию в ходе тематизации. Все они, как ни странно, находимы исключительно в древнеирландском, что и объясняет кажущуюся узость выбранного нами материала. К сожалению, мы не располагаем данными о судьбе этих основ ни в бриттских, ни в континентальных кельтских языках (за исключением первой, о чем ниже), поэтому древнеирландский, как «санскрит кельтологии», по выражению Х. Педерсена, в очередной раз оправдывает это свое звание и служит основным источником материала для данного исследования.

Рассмотрим теперь древнеирландские глаголы, для которых «Нартен-презенс» восстанавливается с большей степенью уверенности.

Начнем с глагола *ithid* «ест», класс **В I** [GOI], **S1a** [EIV], вал. *ys* «то же» от и.-е. корня **h₁ed-* [IEW: 287–289]. Х. Педерсен пытался объяснить презенс этого глагола как деноминатив от др.-ирл. глагольного имени *ithe* < **pit-éjeh₂* от корня **pej(t)* [VKG, II: 559], однако это построение не выдерживает никакой критики, поскольку оставшаяся парадигма нашего глагола свидетельствует о его принадлежности к сильным, ср. Subj. 3 Sg. *-es* < **h₁ed-se/o-*, Fut. 3 Sg. *-ís* < **h₁i-h₁d-se/o-*, Pret. 3 Sg. *-dúaid* < **de-uo-ade* < **h₁e-h₁ód-e* [Schumacher 1998; LIV: 205].

«Нартен-презенс» реконструируется для корня **h₁ed-* на основании свидетельств хет. 1 Sg. *ēdmi*, 3 Pl. *adanzi* «есть» [Oettinger 1979: 89–91], скр. 3 Sg. *átti*, 3 Pl. *adánti* «то же» (с выравниванием аблаута **átti* > **átti*) [McCone 1991a: 6], гом. греч. Inf. ἔδμεναι [Rix 1992: 83], лат. 1 Sg. *edō*, 3 Sg. *ēst* «то же» [Meiser 1998: 223–224], гот. *itan* «то же» и др. [Isebaert 1992: 194–196; LIV: 205]. Аблаут всех рефлексов данной основы достаточно сложен; в расчет также необходимо принимать индоевропейское наименование зуба, являющееся застывшим причастием с нулевой ступенью – и.-е. **Hdént-s*. М. Кюммель, автор цитируемой нами статьи в LIV, предлагает реконструировать два варианта основы – амфикинстический со значением «грызть, кусать» и акростатический со значением «есть». Значение «есть» в данном случае оказывается несомненно производным, как и акростатический аблаутно-акцентный контур, что соответствует ранее описанному нами принципу возникновения акростатических основ. В свете этого особенно важным представляется кельтский материал, подтверждающий, что акростатика на индоевропейском уровне имела место. Латинский глагол демонстрирует так называемое семитематическое спряжение, которое позднее выравнивается в полностью тематическое (ср. 3 Sg. *edit*); К. МакКон полагает, что толчком к частичному замещению атематических форм на тематические послужила замена в итальянском флексии 3 Sg. **-ent* на продуктивное **-ont* (**h₁d-ent* ~ **edont*), которое повлекло за собой аналогичные преобразования в формах 1 Sg. **h₁éd-mi* ~ **edō* и 1 Pl. **h₁d-mos* ~ **edomos*, т. е. там, где в тематических парадигмах гласный имеет качество *o* [McCone 1991a: 6–7], однако Г. Дункель, напротив, считает, что именно формы 1 Sg. и 1 Pl., восходящие к полногласному конъюнктиву, соответствующему акростатическому презенсу, спровоцировали и изменение формы 3 Pl. [Dunkel 1998: 96]. Надо отметить, что Дункель реконструирует конъюнктив только в первых лицах глагола, исходя из латинского материала, и это кажется логичным с точки зрения его семантики. На наш взгляд, версия Дункеля имеет больший смысл на фоне общей индоевропейской тенденции к «тематизации» старых атематических парадигм посредством использования форм тематического конъюнктива (см. в разделе о тематизации в индоевропейском). Как бы там ни было, мы не видим причин отрицать существование индоевропейского атематического акростатического презенса от данного корня, как это делает Ф. Линдеман [Lindeman 1994]; в любом случае, идея Линдемана о конъюнктивном происхождении др.-ирл. 3 Sg. *ithid* несостоятельна

с точки зрения фонологии: и.-е. **ed-e-ti* > др.-ирл. **eidid*, ср. *beirid* < **b^her-e-ti*. Таким образом, мы вправе восстановить общекельтскую парадигматическую оппозицию 3 Sg. **īr^s-ti* vs. 3 Pl. **ed-anti*³, которая подвергается выравниванию аблаута по качеству: **īr^s-ti* vs. **id-anti*; очевидно, из-за разницы в консонантизме становится возможным влияние супплетивного глагольного имени *ithe* < **itijā* < **pit-je_h₂*, которое провоцирует замену **id-* ~ **it-* и в личных формах; наконец, последним шагом является тематизация всей парадигмы с генерализацией слабой основы: **it-e-ti* vs. **it-o-nti* > др.-ирл. 3 Sg. *ithid*, 3 Pl. *ethait*. Валлийский коррелят данного глагола, 3 Sg. *ys*, видимо, является продолжением **ed-ti* с нормальной ступенью вокализма, т. е. инновации, аналогичной вышерассмотренному скр. *atti* [LIV: 205 n. 9].

Следующий глагол, входящий в данную небольшую группу, – это др.-ирл. *rigid* «вытягивает(ся), управляет», класс **В I** [GOI], **S1a** [EIV: 43], от и.-е. корня **h₃reǵ-* [IEW: 854–857]. Следует сразу отметить, что в сложных древнеирландских глаголах существует две ясно различимые основы: одна представлена в глаголе *at-raig* «тянется, встает», и для нее характерен нередуцирующий *S*-футурум *ress-*, омонимичный ему конъюнктив и *T*-претерит *recht*; очевидно, она тоже происходит от корня **h₃reǵ-*; с другой стороны, основа глагола *con-rig* «связывает» соответствует конъюнктиву *réss-*, футуруму *ririss-* и редуцирующему претериту *reraig*; см. [Dillon 1971; VKG, II: 592–596]. Эта последняя основа происходит от и.-е. корня **reǵ-* [IEW: 862] и не имеет отношения к рассматриваемым здесь «Нартен-презенсам»; однако симплекс *rigid* с его синкретической семантикой и набором форм, идентичным *con-rig* [DIL: 68.4ff; LEIA: R-13-15], представляет собой проблему. М. Кюммель склонен идентифицировать симплекс и основу сложного глагола, однако семантический переход представляется почти невозможным [LIV: 455]. Более перспективной, несмотря на разницу в наборе форм, кажется идея связать *rigid* и *at-raig*. Оставляя в стороне попытки объяснить специфический вокализм данного глагола смешением основ *reg-* и *rig-* [Cowgill 1983: 98] и палатальной перегласовкой, вызванной предполагаемым *je/o*-суффиксом: **h₃reǵ-je/o-* [McCone 1991a: 9], мы можем с высокой степенью вероятности возвести наш симплекс к «Нартен-презенсу» **h₃reǵ-ti* vs. **h₃reǵ-nti* [LIV: 270] и предположить для него сценарий развития, идентичный таковому глагола *ithid*: **h₃reǵ-ti* vs. **h₃reǵ-nti* > **rīχ-ti* vs. **reg-anti* > **rīχti* vs. **riχanti* > **riχ-e-ti* vs. **riχ-o-nti* > др.-ирл. 3 Sg. *rigid*, 3 Pl. *regait* [McCone 1991a: 10]. Таким образом, наш глагол соответствует скр. *rāṣti* «правит» и, возможно, гот. *rikan* «нагромождать». В ходе истории древнеирландского произошла контаминация с основой *con-rig*, которая и привела к замене исконного набора форм на «чужой».

Что же касается композита *at-raig*, логично сопоставить его с лат. *regō* «правит» < **h₃reǵ-e/o-*, а также с галльск. *regu-c* «выпрямляю» из надписи из Шамальер [McCone 1991b: 119; Lambert 1997: 157]. Расширение гласного корня происходит по правилу гойдельской фонетики, которое гласит, что ударный *e* расширяется в *æ* перед *γ^(w)e/i*, ср. др.-ирл. Nom. Sg. *daig* «огонь» < **dæγ^(w)ih* < **deg^(w)is* vs. Gen Sg. *dego* < **deγ^(w)ōh* < **deg^(w)ōs* [McCone 1996: 111]. Мы можем восстановить такой тематический презенс, скорее не как исконное образование, а как инновацию – либо как независимую, но параллельную тематизацию «Нартен-презенса» по слабой основе, что выглядит не слишком правдоподобно ввиду только что рассмотренного *rigid*, либо, что более вероятно, как позднеиндоевропейский переход старого конъюнктива в индикатив. Как мы полагаем, с точки зрения морфологии семантики *rigid* и *at-raig* вполне экономно укладываются в одно этимологическое гнездо, и мы не видим большого смысла восстанавливать для них разные корни, как это пытается сделать К. МакКон: *rigid* < **h_{1/2}reǵ-* vs. *at-raig* < **h₃reǵ-* [McCone 1991a: 10].

³ Известно, что между двумя неаспирированными дентальными смычными возникает нефонематическое *s*: *TT* > *T^sT*; в островных кельтских языках, как и в итальянских и германских, эта комбинация в итоге дала *-ss-*, однако написания типа галльск. *neddamon*, ср. др.-ирл. *nessam* «ближний», заставляют предположить, что на общекельтском уровне такие консонантные кластеры еще не прошли полную ассимиляцию [McCone 1996: 48; 1991b: 7].

Древнеирландский глагол *mligid* «доит», класс **V I** [GOI], **S1a** [EIV] от и.-е. корня *h₂melǵ-* [IEW: 722–723] можно формально отнести к исконным «Нартен-презенсам», хотя сама индоевропейская реконструкция в данном случае оказывается несколько дефектной. Исконный презенс должен быть восстановлен как **h₂mélǵ-ti* vs. **h₂mélǵ-nti*, однако сильной основе скр. 3 Sg. *mārṣti* «трет, чистит» соответствует слабая 3 Pl. *mṛjānti*, т. е. основа, построенная по амфикинетической модели: **h₂mǵ-énti* [Narten 1968: 16; LIV: 249 n. 2]. С другой стороны, в авест. *marəzaiti* «трогать, касаться» мы обнаруживаем тематизацию по исконной слабой основе с нормальной степенью огласовки корня: и.-ир. **(H)márj-* < **h₂mélǵ-* [LIV: 249 n. 3]; то же можно сказать и о греч. ἄμελγω «дою», а также др.-англ. *melcan* «то же». Однако развитие древнеирландского глагола идет скорее по пути, сходному с санскритским; мы можем предположить remodelирование акростатического презенса в амфикинетический: **h₂mélǵ-ti* vs. **h₂mǵ-énti*; эта оппозиция развивается в общекельтскую **melχti* vs. **mliyenti* с регулярным прояснением слогового *ǵ > li* перед смычным, а далее происходит обычная кельтская тематизация с генерализацией слабой основы: **mliy-e-ti* vs. **mliy-o-nti* > др.-ирл. 3 Sg. *mligid*, 3 Pl. *mlegait* [SnaG: 137].

Наконец, последний глагол, входящий в данную небольшую группу, может быть с некоторой натяжкой отнесен к рефлексам индоевропейского акростатического «Нартен-презенса» только на основании свидетельств других и.-е. языков. Это др.-ирл. *midithir* «судит», депонентный, класс **V II** [GOI: 354], **S2** [EIV: 75], от и.-е. корня **med-* [IEW: 705–706]. Исходя из греч. μήδομαι «соображаю, обдумываю» со вторично восстановленной в меди продленной степенью вокализма, для данного корня восстанавливается «Нартен-презенс» **méd-* vs. *méd-*, ср. [Isebaert 1992: 201]. На акростатический презенс указывает также лат. *medeor* «помогать», происходящий из эссива **m_ed-h₂ǵé-* [LIV: 380], где в нулевой степени восстанавливается гласный *e*, вместо обычного *ǵ₂ > a*, ср. лат. *madeō* «быть пьяным» < **m_ed-h₂ǵé-* от корня **med-* 2 «быть сытым» [LIV: 380–381]. Древнеирландский глагол сохраняет тенденцию к образованию медиальной парадигмы, и таким образом его презенс автоматически базируется на слабой основе, к которой присоединяется очень распространенный у сильных депонентных глаголов *ǵe/o-*суффикс: **med-ǵe-tor* > **med-i-tor(i)* > др.-ирл. 3 Sg. *midithir* с палатальной перегласовкой корневого гласного. Строго говоря, свидетельством в пользу реконструкции акростатиков в индоевропейском этот древнеирландский глагол считаться не может, но мы сочли нужным включить его анализ в эту статью, так как его соответствия в других языках указывают на возможность такой реконструкции.

Говоря о «Нартен-презенсах» в кельтском, нельзя не упомянуть дискуссию, развернувшуюся касательно происхождения одной из самых важных и употребительных глагольных основ, лежащей в основе многих глагольных комплексов: др.-ирл. *-icc*), ср. *con-icc* «может», *ro-icc* «приходит, достигает», класс **V II** [GOI: 354], **S1a** [EIV: 29] от и.-е. корня **h₂nek-* [IEW: 316–318; LIV: 238, 252]. Существует несколько версий эволюции этого презентного образования, которые мы сейчас рассмотрим.

Р. Турнайзен постулировал для рассматриваемого глагола и.-е. праформу с нулевой степенью корня и тематическим суффиксом: **h₂nek-ǵé/ó-* [GOI: 130]; с помощью полугласного в суффиксе исследователь пытался объяснить вокализм древнеирландских форм; ср. тем не менее «нормальное» развитие слогового сонорного в сходной позиции перед глухим согласным: др.-ирл. *dét* «зуб» < **dænt* < **h₁dnt-* [McCone 1996: 74]. Далее, когда для хеттского глагола *hinkzi* «раздает, предлагает» был реконструирован «Нартен-презенс»: **h₂énk-ti* vs. **h₂énk-nti* на основе корня **h₂enk-*, т. е. состояния I по Бенвенисту [Oettinger 1979: 172–174]⁴, М. Майрхофер предложил ту же реконструкцию в качестве базы др.-ирл. *-icc* [Mayrhofer 1982: 191 n. 51], чем вызвал активную критику со стороны Ф. Линдемана, который, в свою очередь, следовал за Турнайзенем, доказывая, что в основе древнеирландской формы лежит тематическое образование с

⁴ В данном случае в хеттском действует так называемый «закон Айхнера», который утверждает, что *h₂* не оказывает качественного влияния на долгое *ē* [Mayrhofer 1986: 132–133].

нулевой ступенью корня: $*h_2n\hat{k}-(j)\acute{e}/\acute{o}$ - [Lindeman 1987: 58; 1992: 202–203]; при этом Линдеман приводит в пример такие явные рефлексы нулевой ступени этого корня в кельтских языках, как ср.-валл. глагольные имена *rank* «встречать», *kyfrank* «то же», но не объясняет, каким образом вокализм этих форм соотносится со специфическим вокализмом нашей формы и как вообще именные образования могут пролить свет на изначальную морфологию глагольного презенса. Позднее, однако, исследователь несколько модифицировал свои аргументы и предположил, что презентная основа *-icc* является кельтской инновацией, созданной на базе основы дезидератива / футурума $*h_2i-h_2n\hat{k}-se/o-$ > $*?nkse/o-$ > $*in\chi s-$ > др.-ирл. 3 Sg. Subj. *-íss* (очевидно, старый дезидератив зафиксировался в данной парадигме в качестве конъюнктива вместо исконного $*-áss$ < $*an\chi ss(i)$ < $*ankseti$ < $*h_2enkse-ti$). Линдеман полагает, что из раннеобщекельтской основы футурума $*in\hat{k}se/o-$ должна была быть извлечена новая глагольная основа $*in\hat{k}-$, которая, претерпев сокращение долгого гласного по Остгофу и присоединение набора тематических флексий, и дала в результате др.-ирл. основу *-icc* [Lindeman 1997: 464–465; 1998: 83].

П. Схрейвер предложил сопоставить др.-ирл. *-icc* с лат. *nancitor* «достигает» и возвести, таким образом, к гистерокинетическому назальному презенсу $*h_2n\hat{e}-né-\hat{k}-ti$ vs. $*h_2n\hat{e}-n-\hat{k}-é\acute{nt}i$, а точнее, к его слабой основе [Schrijver 1993: 40]. Заметим, что в италийском форма $*h_2n\hat{e}-n\hat{k}-$ > $*ank-$ remodelируется в $*h_2n\hat{e}-n\hat{k}-$ > *nanc-* в соответствии с лежащим в основе корнем $*h_2nek$ в состоянии II по Бенвенисту [Klingenschmitt 1982: 212–213], в то время как в кельтском этого процесса не было, и П. Схрейвер утверждает, что в отличие от $*a/ent/k$ > $*ænt/k$ > *ēd/g*, ср. др.-ирл. *dét* «зуб», в нашем глаголе, по идее Схрейвера, развивается последовательность $*h_2n\hat{e}-n-\hat{k}-$ > $*annk-$ > $*ennk-e/o-$ > $*enk-e/o-$ > $*ink-e/o-$ > $*ig-e/o-$ > *-icc*. С точки зрения фонетических преобразований данная гипотеза вступает в явное противоречие с уже рассмотренными «двойными назальными» презенсами типа *-téici*, и, следовательно, представляется весьма натянутой.

К. МакКон вначале убежденно придерживался версии Майрхофера о «Нартен-презенсе» [McCone 1991a: 2–3; 1991b: 50–51; SnaG: 137]: и.-е. оппозиция $*h_2én\hat{k}-ti$ vs. $*h_2én\hat{k}-nti$ в кельтском развивается в $*in\chi-ti$ vs. $*ank-anti$; далее происходит регулярное выравнивание аблаута по качеству: $*in\chi-ti$ vs. $*ink-anti$ и тематизация с генерализацией слабой основы: $*ink-e-ti$ vs. $*ink-o-nti$ > др.-ирл. 3 Sg. *-icc*, 3 Pl. *-ecat*. Позднее, однако, он предложил реконструировать на индоевропейском уровне странный с точки зрения фонотактики корень $*h_2nen\hat{k}$ - [McCone 1998: 470]; видимо, основной причиной такого хода рассуждения послужило желание связать презенс *-icc* с претеритом *-ánaic*, который, в свою очередь, имеет прямую параллель в скр. *āna?śa* «достиг» и восходит к и.-е. перфекту $*h_2e-h_2non\hat{k}-e$ vs. $*h_2e-h_2nn\hat{k}-ér$, причем в основе кельтской формы лежит ожидаемая слабая основа $*ānank-e$ > $*ānæg'e$ > *-ánaic* [Lindeman 1982: 184; McCone 1991a, b: 50]. «Лишний» назальный в восстанавливаемом индоевропейском перфекте, как традиционно считается, появляется под влиянием основы презенса, ср. вед. *ānāśa* < $*h_2e-h_2nó\hat{k}-e$ [LIV: 252–253, pp 12, 13]; МакКона же не устраивает сочетание презенса от корня в состоянии I и перфекта в состоянии II. То же несоответствие заставило Г. Рикса и М. Кюммеля специально для кельтской формы реконструировать *i*-редуплицирующий атематический презенс от состояния II: $*h_2né\hat{k}-$ vs. $*h_2i-h_2n\hat{k}$ - [LIV: 252] наряду с вышеуказанным назальным и «Нартен-презенсом» от состояния I. Мы полагаем, что последняя гипотеза является наиболее экономным способом объяснить эволюцию др.-ирл. *-icc*, поскольку не требует ни специфических фонетических процессов, как версия Схрейвера, ни инноваций в системе презенса, вызванных основой дезидератива, как версия Линдемана, ни странного противопоставления архаических состояний корня в основах презенса и перфекта, как версия Майрхофера и МакКона. В самом деле, с точки зрения фонологии развитие индоевропейского редуплицирующего презенса в кельтский тематический представляется безупречным: $*h_2i-h_2né\hat{k}-ti$ vs. $*h_2i-h_2n\hat{k}-é\acute{nt}i$ > $*in\chi-ti$ vs. $*in\hat{k}-é\acute{nt}i$ > $*ink-e-ti$ vs. $*ink-o-nti$ > др.-ирл. 3 Sg. *-icc*, 3 Pl. *-ecat*. В ходе тематизации генерализуется слабая основа, причем для этого не требуется

выравнивания аблаута, так как «корневой» вокализм на кельтском уровне в обеих основах оказывается одинаков.

В отличие от презенса, где мы видим несколько не связанных между собой основ, сохранившихся в кельтском ареале ценой унификации парадигм, аорист являет собой картину принципиально иного толка – здесь идет речь не о морфонологической эволюции отдельных основ, а об истории древнеирландского претерита вообще. Эту систему необходимо рассматривать в свете данных механизмов унификации кинетических основ, изложенных выше.

Выделяется три класса образования претерита: *s*-претерит, *t*-претерит и бессуффиксальный претерит [GOI: 415ff; EIV: 51ff; SnaG: 162–171]. Известно, что формы *s*- и *t*-претерита этимологически восходят к индикативу индоевропейского сигматического аориста [Watkins 1962; McCone 1991a; 1991b]. Основным, но не абсолютно надежным критерием того, почему некий глагол образует тот или иной претерит, служит исход глагольного корня; так, *t*-претерит характерен для глаголов с исходом корня на сонорные, кроме *n*, например *bert*, *melt*, *ét*, и *g/γ*, например *acht*, *ort*; *s*-претерит характерен для корней с исходом на гласный, например *anais*. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о фонетическом облике корня на общекельтском уровне, т. е. после прояснения ларингалов в *seŋ*-корнях; так, глаголы с назальным презенсом типа *marnaid* «предает» < **merh*₂-, теряя в кельтском ареале исконный корневой аорист, заменяют его *T*-претеритом по образу и подобию глаголов от *aniŋ*-корней: и.-е. **b^her* > о.-кельт. **ber-* (Pres. др.-ирл. *beirid* «несет») : Pret. и.-е. **b^her-s-t* > о.-кельт. **ber-s-t* > др.-ирл. *bert* = и.-е. **merh*₂- > о.-кельт. **mer-* (Pres. др.-ирл. *marnaid*) : Pret. и.-е. **merh*₂-*t* > о.-кельт. **mera-t* ~ о.-кельт. **mer-s-t* > др.-ирл. *mert* [SnaG: 165].

Бессуффиксальный претерит, в основном характерный для глагольных корней с исходом на смычные и *n* [GOI: 424ff; EIV: 51], имеет в своей основе индоевропейский перфект, за исключением трех супплетивных форм, восходящих к корневому аористу (*boí* «был» < **b^huH-t*, *luid* «ушел» < **h₁leud^h-t*, (*do-*)*cer* «пал» < **kerh₁-t* [McCone 1986: 230; 1991: 125]). Указанные формы относятся к третьему типу претерита, как видно, исключительно по формальному признаку отсутствия суффиксального маркера, но они разительно отличаются от остальных форм бессуффиксального претерита по другим признакам. Так, подавляющее большинство этих форм сохраняет редупликацию, унаследованную от индоевропейского редуплицированного перфекта [McCone 1986: 233; SnaG: 167], например *geguin* «убил» < **g^he-g^hón-e*.

Известно, что индикатив сигматического аориста, к которому восходят два типа образования претерита в древнеирландском, был атематическим, подобно корневому аористу. Тематическое образование от сигматической основы – это конъюнктив сигматического аориста, и он, как было доказано К. Уоткинсом [Watkins 1962], имеет продолжение в кельтском ареале в виде древнеирландского S- и A-конъюктива: например др.-ирл. *gess* «молился бы» < и.-е. **g^hed^h-se/o-* от *aniŋ*-корней с исходом на смычный; др.-ирл. *-mela* «молот бы» < **melā-* < **melase/o-* < и.-е. **melH-se/o* от *seŋ*-корней. Полная корневая огласовка производных тематических конъюнктивных форм указывает на то, что и в исходной атематической основе индикатива корень был в полной степени в слабой основе. Реконструкция безаблаутного индикатива с полной огласовкой по всей парадигме на общем позднеиндоевропейском уровне, предложенная Уоткинсом [Watkins 1962: 18–52], была оспорена Риксом [Rix 1977: 151–152] на основе данных славянских, итальянских и индоиранских языков, указывающих на продленную ступень в сильной основе.

Нам кажется весьма логичным разъяснение, предложенное К. Штунком [Strunk 1985]. Его теория исходит из предпосылки, что акростатические атематические парадигмы с изначальной полной ступенью корня в обеих основах претерпевали «Aufstufung», то есть уподобление аблаутной оппозиции таковой у более распространенных амфикинетических структур. Получаем своего рода пропорцию: сильная основа *Cé(R)C-* vs. слабая *C(R)C-* у амфикинетиков провоцирует аналогическое построение *Cé(R)C-*

(где $\bar{e} = e + e$) vs. $C\acute{e}(R)C-$ у акростатиков. В применении к акростатическому атематическому индикативу сигматического аориста это означает, что в ходе развития общендоевропейского языка оппозиция 3 Sg. $C\acute{e}(R)C-s-t$ vs. 3 Pl. $C\acute{e}(R)C-s-nt$ перешла в $C\acute{e}(R)C-s-t$ vs. $C\acute{e}(R)C-s-nt$, в то время как тематический конъюнктив $C\acute{e}(R)C-s-e/o-$ остался неизменным.

В истории развития как t -претерита, так и s -претерита, как отмечалось выше, ведущую роль играют процессы ассимиляции и переразложения. Так, в основе s -претерита лежат аористные формы от глагольных корней с исходом на ларингал, такие как $*h_2\acute{e}nh_1-s-t$ vs. $*h_2\acute{e}nh_1-s-nt$ от и.-е. корня $*h_2enh_1-$ «дышать». Фонологически оправданное развитие данной оппозиции в кельтском дает $*\acute{i}nast$ vs. $*anasant$. Судя по рефлексу этого образования в древнеирландском претериту 3 Sg. $anais/-an$ от глагола $anaid$ «остаётся» и многим другим, в оппозиции генерализуется слабая основа, ср. [SnaG: 163]. Более того, весьма возможно, что с этой генерализацией сопряжена тематизация. Однако форму 3 Sg. тематизация не затрагивает, так как на ее момент кластер в конце формы претерпевае ассимиляцию, что дает 3 Sg. $*anass$, противопоставленное остальной тематизированной части парадигмы, ср. 2 Sg. $*anas-esi$, 1 Pl. $*anas-omos\acute{i}$ и т. д. Заметим еще раз, что оппозиция первичных и вторичных флексий, различавшая презенс и аорист в индоевропейском, не имеет в этом качестве значения для кельтского, и поэтому мы можем восстанавливать исход $-i$ для флексий абсолютных форм. Следующим шагом в развитии будущего s -претерита является осмысление формы 3 Sg. $*anass$ как формы с суффиксом $-ss-$ и нулевым окончанием: $*ana-ss-\emptyset$. При том, что формант $-s-$, оказавшийся в остальных формах в интервокальной позиции, неминуемо подвергался лениции и, возможно, дальнейшему ослаблению до нуля, вполне естественно, что новый неленирующий суффикс распространился на всю парадигму и стал маркером s -претерита. Ср. [Watkins 1962: 174–180]. Касательно тематизации форм данного образования, нужно отметить, что в итоге весь набор окончаний s -претерита соответствует тематическому спряжению, кроме окончания 3 Sg., которое так и остается нулевым.

С другой стороны, к тому же прототипу, т. е. индикативу сигматического аориста, восходит t -претерит. Он, в отличие от продуктивного s -претерита, по модели которого образуют формы прошедшего времени все слабые глаголы, строго ограничен группой глаголов от корней с исходом на сонорные, кроме n , а также корней с исходом на g/γ . Для истории данного типа претерита решающее значение также имеет ассимиляция в форме 3 Sg. Так, например, оппозиция 3 Sg. Aor. $*b^h\acute{e}r-s-t$ vs. $*b^h\acute{e}r-s-nt$ от и.-е. корня $*b^her-$ «нести» логичным образом развивается в кельтском в $*b\acute{i}r-s-t > *b\acute{i}rt$ vs. $*bersant$.

Морфологически темная форма 3 Sg., подобно вышерассмотренной $*anass$, осмысляется как форма с суффиксом $-t-$, который становится новым маркером претерита и нулевым окончанием: $*b\acute{i}r-t-\emptyset$. Строго говоря, о тематизации основы в данном случае можно вести речь лишь с известной натяжкой, поскольку в формах множественного числа типа 3 Pl. $-bertatar$ рассматриваемый тип претерита вводит новые окончания, заимствованные у системы перфекта. В любом случае, кажется, что тематизация, хотя и присутствует в системе аориста, играет в ней роль вспомогательную по сравнению с унификацией аблаутно-акцентных оппозиций.

Исходя из огласовки древнеирландской конъюнктивной формы, 3 Sg. Pret. $-bert$ от глагола $beirid$ «несет», мы можем заключить, что в t -претерите была генерализована огласовка слабой основы. К. МакКон, однако, считает возможным возводить др.-ирл. $-bert$ непосредственно к праформе с сильной основой $*b^h\acute{e}r-s-t$, постулируя сокращение долгого гласного по Остгофу перед группой «сонорный + шумный» и последующее расширение этого гласного, если эта группа не палатализована [McCone 1991b: 67]. Действительно, такая гипотеза позволяет истолковать соответствующую абсолютную форму, др.-ирл. $birt$ (т. е. без расширения из праформы со вторичным палатализирующим i -формантом $*birt(i)$) и, более того, другие формы, относящиеся к сильной основе: 1 Sg. conj. $-biurt < *b\acute{i}rt-\bar{u}$ и 2 Sg. conj. $-birt < *b\acute{i}rt-is$.

Тем не менее, этот набор форм оказывается единственным из древнеирландских претеритов, который невозможно трактовать, исходя из праформы с нормальной огласовкой, будь то результат унификации парадигмы по слабой основе или раннеиндоевропейское наследие. Посему вопрос о значимости кельтского материала для реконструкции индоевропейского акростатического «Нартен-аориста» остается открытым. Нет сомнений, однако, что кельтский материал убедительно свидетельствует в пользу «Нартен-структур» в системе презенса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герценберг 1989 – Л.Г. Герценберг. Проблемы акцентологической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков различных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989.
- Красухин 1998 – К.Г. Красухин. Акцентология в предыстории индоевропейских языков // ВЯ. 1998. № 6.
- Мейе 1952 – А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М.; Л., 1952.
- Cowgill 1983 – W. Cowgill. On the prehistory of Celtic passive and deponent inflection // Ériu. 1983. 34.
- DIL – E.G. Quin (ed.). Dictionary of the Irish language based mainly on Old and Middle Irish materials; Compact edition. Dublin, 1983.
- Dillon 1971 – M. Dillon. Irish dérgaid 'spreads (coverings), makes a bed' // Celtica. 1971. 9.
- Dunkel 1998 – G.E. Dunkel. On the 'thematization' of Latin *sum, volo, eo* and *edo* and the system of endings in the IE subjunctive active // J. Jasanoff, H.C. Melchert, L. Olivier (eds.). *Mír Curad: Studies in honor of C. Watkins*. Innsbruck, 1998.
- EIV – K.R. McCone. The early Irish verb. Maynooth, 1997.
- Giannakis 1997 – G.K. Giannakis. Studies in the syntax and semantics of the reduplicated presents of Homeric Greek and Indo-European // IBS 90. Innsbruck, 1997.
- GOI – R. Thurneysen. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- IEW – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Isebaert 1992 – L. Isebaert. Spuren akrostatischer Präsensflexion im Lateinischen // O. Panagl, T. Krisch (Hrsg.). *Latein und Indogermanisch: Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck, 1992.
- Klingenschmitt 1982 – G. Klingenschmitt. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden, 1982.
- Kuryłowicz 1956 – J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- Lambert 1997 – P.-Y. Lambert. La langue gauloise. Paris, 1997.
- LEIA – J. Vendryes. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. A – Dublin, 1959; M N O P – Dublin, 1960; R S – Dublin; Paris, 1974; T U – Dublin; Paris, 1978; B – Dublin; Paris, 1980; C – Dublin; Paris, 1987; D – Dublin; Paris, 1996.
- Lindeman 1982 – F.O. Lindeman. *Varia VIII*. 1. Old Irish *-ánac*. 2. Wb. 1^o6. 3. Old Irish *fíu, féotar* // Ériu. 1982. 33.
- Lindeman 1987 – F.O. Lindeman. Introduction to the laryngeal theory. Oslo, 1987.
- Lindeman 1992 – F.O. Lindeman. *Varia II*. Old Irish *-icc* // Ériu. 1992. 43.
- Lindeman 1994 – F.O. Lindeman. *Varia I*. Old Irish *ithid* // Ériu. 1994. 45.
- Lindeman 1997 – F. O. Lindeman. On some 'laryngeal' reflexes in Celtic // ZCP. 1997. № 49–50.
- Lindeman 1998 – F.O. Lindeman. On the origin of the present subjunctive of the substantive verb in Old Irish // J. Jasanoff, H.C. Melchert, L. Olivier (eds.). *Mír Curad: Studies in honor of C. Watkins*. Innsbruck, 1998.
- LIV – H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (eds.). *Lexicon der indogermanischen Verbum*. Wiesbaden, 1998.
- Mayrhofer 1982 – M. Mayrhofer. Über griechische Vokalprothese, Laryngaltheorie and externe Rekonstruktion // J. Tischler (ed.). *Serta Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag*. Innsbruck, 1982.
- Mayrhofer 1986 – M. Mayrhofer. *Indogermanische Grammatik I–2*. Heidelberg, 1986.
- McCone 1986 – K.R. McCone. From Indo-European to Old Irish: Conservation and innovation in the verbal system / D.E. Evans, J.G. Griffith, E.M. Jope (eds.) // *Proceedings of the Seventh international congress of Celtic studies*. Oxford, 1986.
- McCone 1991a – K.R. McCone. OIr. *-ic* 'reaches', *ithid* 'eats', *rigid* 'stretches, directs, rules' and the PIE 'Narten' present in Celtic // Ériu. 1991. 42.

- McCone 1991b – *K.R. McCone*. The Indo-European origins of the Old Irish nasal presents, subjunctives and futures. Innsbruck, 1991.
- McCone 1996 – *K.R. McCone*. Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change. Maynooth, 1996.
- McCone 1998 – *K.R. McCone*. 'Double nasal' presents in Celtic, and Old Irish *léicid* 'leaves' // J. Jasanoff, H.C. Melchert, L. Olivier (eds.). *Mír Curad: Studies in honor of C. Watkins*. Innsbruck, 1998.
- Meiser 1998 – *G. Meiser*. Historische Laut- and Formenlehre der lateinischen Sprachen. Darmstadt, 1998.
- Narten 1968 – *J. Narten*. Zum 'proterodynamischen' Wurzelpräsens // J.C. Heesterman, G.H. Schokker, V.I. Subramoniam (Hrsg.). *Pratidānam: Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F.B.J. Kuiper on his sixtieth birthday*. The Hague, 1968.
- Oettinger 1979 – *N. Oettinger*. Die Stammbildung des hethitischen Verbuns. Nürnberg, 1979.
- Rix 1977 – *H. Rix*. Das keltische Verbalsystem auf dem Hintergrund des indo-iranisch-griechischen Rekonstruktionsmodells // K.H. Schmidt (ed.). *Indogermanisch und Keltisch*. Wiesbaden, 1977.
- Rix 1992 – *H. Rix*. Historische Grammatik des griechischen. Darmstadt, 1992.
- Schmidt 1974 – *K.H. Schmidt*. Das Verbum im Keltischen: sprachgeschichtliche Grundlagen und typologische Entwicklung // *ZCP*. 1974. 33.
- Schrijver 1993 – *P. Schrijver*. On the development of vowels before tautosyllabic nasals in Primitive Irish // *Ériu*. 1993. 44.
- Schumacher 1998 – *S. Schumacher*. The Preterite of *ithid* 'eats' // *Ériu*. 1998. 49.
- SnaG – *K. McCone, D. McManus, C.Ó Háinle, N. Williams, L. Breatnach* (eds.). *Stair na Gaeilge*. Maynooth, 1994.
- Strunk 1967 – *K. Strunk*. Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbuns im Indo-Iranischen und Griechischen. Heidelberg, 1967.
- Strunk 1985 – *K. Strunk*. Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste // B. Schlerath, V. Rittner (eds.). *Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte: Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Wiesbaden, 1985.
- VKG – *H. Pedersen*. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Göttingen, 1909–1913.
- Watkins 1962 – *C. Watkins*. The Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История блуждающих частиц). М.: Языки славянских культур, 2008. 375 с.*

Так сложилось, что работы Т.М. Николаевой, будь это небольшая статья типа «Пушкин, Лермонтов и купец Калашников» [Николаева 2006] или же целая книга наподобие «Семантики акцентного выделения» [Николаева 1982], или знаменитая «Просодия Балкан» [Николаева 1996], никогда не оставляют читателя безучастным. Они заставляют задуматься, нередко выразить свое несогласие, но почти никогда не дают спокойно пройти мимо. Не стала исключением и последняя книга «Непарадигматическая лингвистика (История блуждающих частиц)». Само по себе название звучит на первый взгляд несколько вызывающе: оно словно предупреждает, что частицы здесь будут рассматриваться с некоторой не вполне привычной точки зрения. И действительно, в самом первом предложении Т.М. Николаева отмечает, что ее «книга – попытка рассказать о никем ранее не описанном пласте языка» (с. 7), который автор остроумно предлагает именовать **партикулами**, не являющимися таксономической категорией привычной языковой системы (с. 8).

Книга Т.М. Николаевой состоит из трех глав и пяти приложений. В первой главе автор пытается разобраться, почему один из важнейших пластов языка каким-то удивительным образом остался вне сферы рассмотрения современной лингвистики. Причина этого, по мнению Т.М. Николаевой, кроется в асимметричном характере отношений между языком и наукой о языке и невозможности адекватно исследовать все проявления языка.

Партикулы, составляющие необследованный пласт языка, – это то, что обычно принято называть частицами, и что часто тракту-

ется как «застывшие» осколки единиц какого-либо другого класса. Партикулы, согласно наблюдениям автора, бывают **примарными**, т. е. существующими самостоятельно, или **присоединяющимися**. Как показывают приводимые примеры, одни и те же партикулы могут относиться к обоим типам, например: *же* (примарная партикула) и *даже* (присоединяющаяся). Типам партикул посвящена вторая глава книги, где также поднимаются вопросы о месте партикул в языковой таксономии и их отличиях от прочих языковых единиц, причем как самостоятельных просодически, так и несамостоятельных. Особый интерес в этой главе вызывают разделы о статусе клитик и об их возможных позициях.

Третью главу до некоторой степени можно назвать прикладной. Здесь автор на конкретном (славянском) материале показывает, как существуют партикулы в синхронии и диахронии, описывая модели их «склеивания» (т. е. формирования цепочек или **кластеров** партикул) и в какой-то степени классифицируя получаемые после такого «склеивания» результаты.

Проведенное исследование позволяет Т.М. Николаевой выдвинуть ряд тезисов, которые условно можно назвать выводами. Важнейшие из них можно представить следующим образом: 1) в языке существуют два подпласта, один из которых служит основой для знаменательных слов, а на другом базируется коммуникативный фонд; 2) количество партикул в языке ограничено, обычно не более двух десятков; 3) партикулы принимают участие во многих языковых системах, с их помощью создаются разные части слов (тематические компоненты основ и флексии). Наиболее сложным видом партикул являются клитики; 4) партикулы имеют тенденцию менять

* Рецензия написана в рамках исследования по гранту Президента РФ МК-428.2009.6.

позиции в высказывании, соединяться, присоединяться к глагольным и именным формам, подвергаться реанализу; 5) на каком-то этапе развития языка останавливается механизм возникновения и преобразования партикул. В славянских языках это происходит примерно в XVI в.; 6) механизм возникновения и преобразования партикул может быть описан с позиций «мини-синтаксиса»; 7) все партикулы так или иначе имеют отношение к категории определенности/неопределенности; 8) партикулы в индоевропейских языках в основном функционально совпадают с неиндоевропейскими партикулами; 9) партикулы поддаются классификации (например, примарные и присоединяющиеся).

Последние параграфы книги, как и ее название, могут показаться несколько провокационными: здесь (с. 322) Т.М. Николаева говорит, что причиной невнимания к партикулам является страх перед неизведанным, первообразным, в целом присущий современному языковедению. При этом она отмечает, что существуют лингвисты, не имевшие этого страха, в частности, языковеды-предшественники, «начиная с Ф. Боппа и кончая Ф. Шпехтом». Несомненно, к «бесстрашным» лингвистам можно отнести и саму Т.М. Николаеву, даже независимо от того, соглашаться с ее идеями или нет.

Как и большинство книг Т.М. Николаевой, рецензируемое исследование поражает объемом подготовительной работы. Оно легко могло бы стать хорошим учебником по проблематике частиц и клитик. Здесь очень доступно изложена ключевая проблематика и простым языком отреферированы многочисленные работы по рассматриваемому вопросу, кстати сказать, в большинстве своем очень сложно написанные. К достоинствам книги следует отнести и тот факт, что автор использует не только работы общепризнанных лингвистов, например [Adrados 2000], но даже подробнейшим образом штудирует авторефераты молодых отечественных ученых, часто еще малоизвестных [Борисова 2005], что, к сожалению, далеко не является общим правилом в современном языковедении.

Сопоставление этой книги с предыдущими работами Т.М. Николаевой показывает, что автор пересматривает многие свои предыдущие оценки, стараясь дать более точное описание или более удачное определение. Продемонстрировать это можно на подходе к закону Ваккернагеля. В своей знаменитой работе «Просодия Балкан» Т.М. Николаева называет закон Ваккернагеля классическим примером «того научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация как система» [Николаева 1996:

18]. В этой книге автор также отмечает, что при современных экспериментальных интонологических данных трудно «начать мыслить категориями эпохи Ваккернагеля» (с. 165), справедливо указывая на ряд теоретических сложностей, например, на такие, как неясность протяженности (количества слогов) второго места, отведенного под клитики, или возможность инициальных частиц становиться ударными и даже быть «хозяевами» для других клитик (с. 153–154). Вместе с тем, Т.М. Николаева не только считает, что «всё-таки закон Ваккернагеля безусловно существует» (с. 165), но даже говорит о законе Ваккернагеля как об одном из немногих «законов» лингвистики, «не потерявших свою злободневность и сегодня» (там же). Не вызывает сомнений, что новая позиция Т.М. Николаевой намного более перспективна и может стать удачной отправной точкой для дальнейшего критического осмысления закона Ваккернагеля.

Некоторые моменты в рецензируемой книге кажутся спорными. Так, не вполне справедливым представляется вынесение партикул за рамки парадигматических отношений, тем более что и парадигматические отношения могут пониматься как в узком смысле, так и в широком. Здесь уместно вспомнить, что автор приводит многочисленные примеры именных и глагольных флексий, восходящих к партикулам. Не совсем удачным представляется и сам термин «партикулы». Принимая его, мы словно отрезаем себя от нерусскоязычной лингвистики, поскольку перевод данного термина на другие языки крайне затруднителен.

Тем не менее, нельзя не признать, что сам по себе вопрос о существовании некоего микропласта, прежде никем не выделявшегося, крайне интересен, потому что традиционные термины «частица» и «клитика» часто оказываются неудобными, так как к ним, по большей части, единицы языка относят по принципу исключения («не годится больше никуда»), а не по каким-то существенным объединяющим критериям (ср., например [Adams 1994; Janse 1997]), о чем свидетельствует большинство существующих сегодня классификаций клитик. Хочется надеяться, что работа Т.М. Николаевой подтолкнет многих исследователей вновь обратиться к клитикам, частицам и... партикулам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова 2005 – А.Б. Борисова. Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале но-

вогреческого языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2005.
Николаева 1982 – Т.М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
Николаева 1996 – Т.М. Николаева. Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
Николаева 2006 – Т.М. Николаева. Пушкин, Лермонтов и купец Калашников // ИАН СЛЯ. 2006. 65. № 4.

Adams 1994 – J.N. Adams. Wackernagel's law and the placement of the copula *esse* in classical Latin. Cambridge, 1994.
Adrados 2000 – Fr.R. Adrados. Towards the syntax of Proto-Indo-European // IF. 2000. 1.
Janse 1997 – M. Janse. Adams, Wackernagel's law and the placement of the copula 'esse' // Kratylós. 1997. 42.

М.Л. Кисилиер

О.Т. Yokoyama. Russian peasant letters: Texts and contexts. Parts I, II // H. Günter, H. Jachnow (Hrsg.). Slavistische Studienbücher, Neue Folge. Bd. 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. 486 S. (Pt I), 487 S. (Pt II).

Книга известной американской славистики Ольги Йокоямы «Письма русских крестьян: Тексты и контексты» представляет собой публикацию и анализ эпистолярного архива крестьянской семьи Жернаковых. Оригиналы рассматриваемых в работе документов хранятся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО). Адресатом большинства посланий является один из старших сыновей семейства Василий Лаврович Жернаков – личность чрезвычайно яркая и незаурядная. Будучи выходцем из бедной крестьянской семьи, Василий Лаврович сумел организовать собственное дело, стать известным предпринимателем, почетным гражданином г. Тюмени. В годы революции он сначала перебирается из Тюмени в Омск, где в 1918–1919 гг. находилось правительство генерала Колчака, а затем после прихода красных эмигрирует в Харбин. Покидая Россию в 1920 году, В.Л. Жернаков передал письма в Омский архив, а затем уже оттуда они были переданы в 1945 г. в ГАТО.

Исследовательская стратегия автора, ориентированная на глубокий и всесторонний («качественный») анализ довольно частного социального объекта (семейная переписка на протяжении 16 лет – с 1881 по 1896 г.), относится к чрезвычайно популярному в современных гуманитарных науках направлению – так называемому кейс-стади (case study). Однако, как отмечает О. Йокояма, к «наивным» письмам, представляющим собой уникальный материал для изучения вопроса о соотношении устной и письменной форм обыденной речи, российские лингвисты обращались крайне редко.

Интерес к повседневному миру обычного человека, стремление на примере отдельных житейских случаев раскрыть содержание глубинных социальных процессов можно обнаружить в работах антропологов, историков, культурологов. При этом, занимаясь анализом структур повседневности с позиций разных наук, исследователи так или иначе вынужде-

ны обращаться к проблеме «повседневность и язык». Ср., например, замечание И.Т. Касавина: «Язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [Касавин, Щавелев 2004: 410].

До недавнего времени тексты повседневности, представленные в виде частных писем, записок, дневников, являлись объектом научного интереса прежде всего культурологов. В предисловии к монографии О. Йокояма упоминает одну из таких работ – книгу [Козлова, Сандомирская 1996], представляющую собой публикацию неотредактированных воспоминаний малограмотной русской женщины Е.Г. Киселевой и комментарии к ним. Можно также вспомнить работу [Козлова 2005], в которой содержится анализ частных писем «простых советских людей». Особое внимание автор книги уделяет исследованию языковой ткани эпистолярных материалов. Обосновывая свою позицию, Н.Н. Козлова пишет: «Обладать языком – обладать миром. В рамках герменевтического опыта языковая форма не может быть отделена от содержания, дошедшего до нас в этой форме. Если всякий язык есть мировидение, то он обязан этим тому, что говорится и, соответственно, передается на этом языке» [Козлова 2005: 40].

В условиях растущего научного интереса к обыденному миру человека и его повседневным речевым практикам появление лингвистического исследования, выполненного на добротном оригинальном материале, весьма своевременно и актуально.

Основу рецензируемого издания, представляющего собой объемный двухтомник, составляют тексты писем членов одной крестьянской семьи, написанные в период с 1881 по 1896 г. Всего опубликовано 91 послание (включая и четыре телеграммы). Общий объем представ-

ленных материалов составляет 197 рукописных листов, исписанных по большей части с двух сторон. Особую ценность данной коллекции придает то, что это так называемые аутентичные письма, т. е. письма, написанные полуграмотными носителями диалекта и не подвергавшиеся редактированию. Основными авторами писем являются пять человек: отец, мать, двое младших сыновей и сестра, живущие в селе Паздеры (Вятская губерния). Их послания адресованы двум старшим сыновьям, уехавшим на заработки в Сибирь.

Содержание публикуемых посланий представляет несомненный исторический и культурологический интерес. В них обсуждаются повседневные жизненные проблемы членов семьи, описываются разнообразные события: рождение и смерть близких, сватовство, свадьбы, крестины, переезд в новый дом и т. п. Из писем мы узнаем, как постепенно растет благосостояние семьи и меняется ее социальный статус: в начале переписки многодетная семья едва сводит концы с концами, затем по мере взросления детей и включения их в хозяйственную деятельность материальное положение улучшается, а к концу периода семье уже принадлежит парходная компания. Обо всех этих изменениях члены семьи непосредственно и непринужденно рассказывают друг другу, общаясь «в кругу своих», используя типичные и естественные для данной среды речевые практики. Это обстоятельство, как представляется, делает данные материалы особенно ценными и уникальными. Ведь диалектологам хорошо известно, как трудно получить материалы, отражающие естественное непринужденное речевое общение носителей диалекта между собой, т. е. внутри данного языкового микроколлектива. Большинство диалектных записей – это либо рассказы, либо беседы носителей диалекта с диалектологом, т. е. с «чужим» для информанта лицом, обладающим другим социокультурным опытом.

Аутентичные письма, представленные в корпусе, отражают черты живой устной народной речи конца XIX века (включая и особенности произношения) – периода, недостаточно хорошо изученного в русистике¹. Обращение

¹ Говоря о задачах истории русского литературного языка, В.В. Виноградов отмечал, что ценным материалом для изучения живой устной речи могут явиться «наивные» письма. Ср.: «Представляют большой интерес наблюдения над областными колебаниями произношения в простом слоге XVIII в. И над пределами этих колебаний. Для исследования этих вопросов очень важно привлечь так называемые малограмотные написания в семейной и

к опубликованным текстам наглядно демонстрирует, сколь сложной и неоднозначной была картина функционирования и взаимодействия литературного языка с народными говорами и социально-групповыми городскими диалектами. Формы и характер этого взаимодействия по-разному отражаются в речи отдельных представителей семьи. Особенно интересны письма младших ее членов – двух братьев и сестры. В их посланиях можно наблюдать процесс постепенного освоения литературных норм и приобретения навыков письменной речи.

В целом можно сказать, что данная коллекция крестьянских писем – это совершенно уникальный источник, содержащий ценную информацию исторического, культурологического и собственно лингвистического характера.

В книге оригинальные тексты писем представлены в двух вариантах. Первый вариант (помещенный в томе I) – это так называемые транскрибированные тексты (transcribed letter texts), в которых максимально точно отражены все особенности оригинала: орфография, графика, способ размещения отдельных фрагментов текста на странице, наличие зачеркиваний и исправлений, характер написания букв и т. п.² Каждое письмо предваряется небольшим вступительным комментарием, в котором даются описание его внешнего вида и общая характеристика наиболее важных языковых черт. Тексты снабжены также разного рода примечаниями относительно фонетических (фонологических), морфонологических, морфологических, графических особенностей,

деловой переписке XVII и XVIII вв., используя рукописи и такие издания, как «Архив села Михайловского» и т. п.» [Виноградов 1978: 169]. Как показывает рецензируемая монография, использование материалов подобного рода не менее плодотворно и при рассмотрении вопросов о нормативном / ненормативном статусе некоторых языковых явлений в повседневной речи второй половины XIX в.

² Заметим, что употребление термина «транскрибированный» отличается от принятого в отечественной лингвистике. В транскрибированных текстах не фиксируются черты произношения авторов писем. Для передачи особенностей написания используется специально разработанная система обозначений. Ср., например, фрагмент такого транскрибированного текста (символ + обозначает неясные границы слова, символ ~ обозначает росчерки и завитки, встречающиеся обычно в конце слова):

Сондуки Настасья Никитишн-
вто+же время На+шлись Были
наконторке завалены Брезен
тами (с. 121, ч. I).

содержащихся в письмах. Необходимо отметить подробность и тщательность авторского комментария, в котором нередко представлен анализ причин того или иного отклонения в написании. Приведем лишь один пример из письма младшего брата (12-летнего школьника), написавшего диалектное слово *изотчество* (отчество) как *и зотчество* (Извините меня что я не знаю имя и зотчество хозяев): «Преыдушие два слова составляют одну лексическую единицу и должны быть написаны как *изотчество*. Однако школьник при написании слова, очевидно, испытывал трудности с определением его состава и воспринял инициальный гласный как союз» (с. 38, ч. I). Некоторые комментарии могут содержать информацию прагматического и культурологического характера. Прочитав следующее замечание автора по поводу манеры расставлять знаки препинания одного из авторов письма (младшей сестры адресата Татьяны): «Преыдушая запятая написана болсе темными, чем остальной текст, чернилами, это указывает на то, что она была добавлена позже. Такие же более темные точки и запятые мы находим на этой же странице в строках 6, 10, 11, 12, 14 и 15. Подобный метод написания текста без пунктуационных знаков с расстановкой их в самом конце, возможно, получил осмысление в слышанной мною в 50-е гг. школьной шутке о том, что писать сочинение следует без знаков препинания, а затем скомандовать всем точкам и запятым: “Марш по местам!”» (с. 126, ч. I).

Второй вариант публикации писем представлен во втором томе в виде «нормализованных текстов» (normalized letter texts), т. е. приведенных в соответствие с основными требованиями современной орфографии и пунктуации. Это значит, что большая часть отклонений от орфографических норм, характеризующих автора письма как носителя диалекта или просторечия, а также различные индивидуальные варианты написаний в данном разделе не представлены. Основное внимание в комментариях, которыми также снабжены тексты, уделяется синтаксическим, лексическим, дискурсивно-прагматическим, социолингвистическим особенностям. Более подробно анализируется содержательная часть посланий.

Первый том монографии открывается вводными разделами, содержащими необходимую для читателя информацию о членах семьи и хронологии описываемых в письмах событий: Введение (с. 1–8, ч. I), Руководство для чтения текста (с. 9–14, ч. I), Хронологический порядок писем и событий (с. 15–25, ч. I). Далее представлен корпус транскрибированных текстов, максимально приближенных к оригиналу, снабженных подробными лингвистическими

комментариями (с. 27–367, ч. I). В этом же томе помещен очерк основных лингвистических черт, встречающихся в публикуемых материалах (с. 369–439, ч. I). В конце книги приводятся факсимиле отдельных писем (с. 441–486, ч. I), что дает возможность читателю увидеть оригинальные тексты и оценить адекватность передачи их основных графических особенностей в транскрипции.

Второй том, в отличие от лингвистически ориентированного первого, имеет более ярко выраженную коммуникативно-прагматическую и культурологическую направленность. Помимо помещенных в нем нормализованных вариантов писем (с. 1–209, ч. II) и их переводов на английский язык (с. 211–387, ч. II), том содержит главы, посвященные описанию истории семьи и ближайшего родственного окружения (с. 389–405, ч. II) и истории двух сел, о которых часто упоминается в письмах, – Паздеры и Шаркан (с. 407–410, ч. II). Приложение содержит родословное древо семьи, а также три указателя: 1) слов и форм, встречающихся в письмах, 2) личных имен и 3) топонимов. Основная цель приложений и исторических глав – снабдить читателя объемом «фоновых знаний», необходимых для понимания содержания писем.

Несколько слов нужно сказать о методе, применяемом в данном исследовании. О. Йокояма назвала его прагмафилологическим. Суть этого метода определяется автором следующим образом: «Он сочетает детальный текстологический анализ неотредактированных текстов с реконструкцией личности авторов и предполагаемых ими читателей-адресатов на основании языковой структуры порождаемых ими текстов, а также путем изучения экстралингвистических факторов, которые подтверждают и проясняют тексты, помещая их в исторический контекст. Акцент на аутентичных текстах является в своей основе филологическим, а внимание к “говорящему, слушающему, времени и месту” коммуникации – прагматическим» (с. 6, ч. I). Такой подход позволяет автору рассматривать разнородный языковой материал на широком социокультурном фоне, что, несомненно, отличает данную работу от многих других диалектологических исследований. Ведь, как справедливо отмечал В.Е. Гольдин, «изучение строения и функционирования диалектной речи сквозь призму коммуникативных и одновременно когнитивных ее характеристик все еще остается задачей будущего» [Гольдин 1995: 72].

Письма, представленные в корпусе, интересны тем, что их авторы с большим вниманием относятся к создаваемым ими текстам и к самому процессу написания послания. Ис-

следование лингвистических особенностей материалов корпуса дает богатую пищу для размышлений. Несмотря на знакомство многих авторов писем с правилами орфографии и пунктуации, в текстах обнаруживается значительное число отклонений от нормы. Анализ подобных отклонений позволяет выявить определенные закономерности. Эти закономерности исследуются в главе «Лингвистические особенности текстов». Следуя сформулированному для себя правилу – «относиться к странностям написания с вниманием и уважением, а объяснение их как “банальных ошибок” может использоваться лишь в качестве последнего прибежища исследователя» (с. 372, ч. I), – автор скрупулезно стремится реконструировать основные черты речевого облика авторов писем. Предпринятое описание охватывает разные стороны их языковой и коммуникативной компетенции: орфографические и пунктуационные навыки, особенности в области фонетики, лексики, словообразования, грамматики, порядка слов и интонации. Наиболее полно представлено описание фонетических черт, характеризующих информантов как носителей южновятского говора северного наречия. При этом степень отхода от диалектной системы у разных информантов различна и определяется разнообразными социально-прагматическими факторами. Особенно очевиден сдвиг в сторону нормативного произношения в речи младшей сестры Татьяны, окончившей четыре класса прогимназии и учительские курсы. Материалы ее писем наглядно демонстрируют процесс овладения литературной нормой. При анализе морфологических особенностей также обнаруживаются отклонения от литературных форм словоизменения, позволяющие характеризовать информантов как носителей южновятского говора. Хотелось бы, однако, отметить, что некоторые заключения исследовательницы, стремящейся подвергнуть обязательной диалектологической паспортизации каждый обнаруженный факт, не всегда кажутся убедительными. Так, автору удается выявить всего два случая ненормативного употребления постфиксов в инфинитивах – *ести* (Хорошо начинаем ести, с. 225, ч. I) и *принесть* (...а пользы мне никакой не принесть, с. 301, ч. I). На основании этих двух случаев автор делает вывод, что в данной диалектной системе в формах инфинитива представлено два конечных форманта: *-и*, встречающийся в северо-восточных диалектах и вятских говорах, а также *ø*, типичный для московского народного говора и южнорусских диалектов. Однако, по-видимому, форму *принесть* в речи информантки нельзя рассматривать как нелитературную. Она была достаточно распространена в

литературном языке второй половины XIX в. и встречается, например, у Н.А. Некрасова: *Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» / И Богу поспешил молебствие принесть / За то, что у меня наследственное есть...* Ср. также строчки поэта XX в. Н.А. Заболоцкого: *Но возможно ль мечты человечьи / В жертву этим забавам принесть?*

Значительное число синтаксических конструкций, представленных в эпистолярных текстах, отражают живую разговорную стихию этого жанра. Интересно, что некоторые из встречающихся в письмах моделей характерны и для современного непринужденного общения. Это, например, повтор предлогов (*за все за доброе твое пожелание*), конструкции с двойными глаголами (*попробую узнаю, стою прошу, ходить читать*), непроективный порядок слов и некоторые другие. Завершает раздел описание текстовых особенностей писем в дискурсивно-прагматическом аспекте. Исследуется порядок слов в предложениях и его связь с разными вариантами интонационного оформления высказываний, рассматривается влияние разного рода прагматических факторов на линейную структуру предложений.

Богатый эмпирический материал позволяет в достаточно полном объеме представить основные черты устной речи малограмотных крестьян, носителей диалекта, особенности их речевого поведения в зависимости от различных прагматических условий (ср., например, подробно описываемые в работе разные варианты обращений и другие виды референции лица). Письма охватывают значительный временной интервал (16 лет), что дает возможность взглянуть на некоторые языковые факты в «диахроническом» плане, т. е. проследить изменение соотношения диалектных, просторечных и литературных черт в речи информантов под влиянием разнообразных социальных факторов (возрастные, гендерные характеристики, уровень образования, социальный, профессиональный статус и др.).

Чрезвычайно важным является вопрос о соотношении нормативных и ненормативных черт в повседневном речевом узусе информантов. Этой проблеме в монографии уделяется большое внимание. Автор справедливо отмечает, что оценка тех или иных языковых явлений с позиции их нормативности / ненормативности достаточно сложна, поскольку литературный язык второй половины XIX века (особенно в его разговорно-бытовой разновидности) допускал гораздо большее число вариантов. Нередко для решения вопроса о том, насколько возможно было употребление той или иной формы с точки зрения носителей литературного языка, живших в конце XIX века, требует-

ся привлечение более широкого культурного контекста. На наш взгляд, многие словоупотребления, квалифицируемые в монографии как нелитературные, в повседневной непринужденной речи могли оказаться вполне допустимыми. Это, например, формы *сапогов* (Он был без сапогов, в дырявом сертуке – Н.А. Некрасов)³, *дожидать* (Костя, друг, она у дверей дожидает – А.А. Блок), *ярманка*⁴, *Стретенье, делов* (Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать! – А.Н. Островский), *рояль в ж. р.* (И на покорную рояль / властительно ложились руки – А.А. Блок), *окопировка* (ср. название водевиля И.И. Лажечникова «Окопировался!»)⁵.

В текстах посланий младших членов семьи получают отражение живые процессы приобщения авторов писем к новым бытовым реалиям городской жизни и новым формам экономической деятельности через освоение иноязычных заимствований (см. интересные наблюдения исследовательницы в главе 2). Характер написания заимствованных слов позволяет составить представление об их реальном произношении, а также об источниках и каналах заимствования. Так, в речь братьев Ивана и Гавриила иноязычные слова попадают преимущественно устным путем от носителей акающего говора; об этом свидетельствуют написания типа *машенист, кантора, посажир*. Еще можно отметить интересный случай ненормативного (с точки зрения современного словоупотребления) управления: *фотографическая карточка (с кого?)*. Подобное словосочетание, вероятно, явилось результатом контаминации двух возможных обозначений одного и того же объекта, употреблявшихся в речи в этот период, – *фотографический снимок (с кого)*⁶ и *фо-*

³ О частотности данной формы в литературном языке XIX в. писали многие исследователи. См., например, замечание Н.А. Еськовой: «Вариант *сапогов* у Гоголя, Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина употреблен много раз» [Еськова 2008: 658].

⁴ Разнообразные примеры написания слова *ярмарка* как *ярманка* или *ярмонка* см. в [Еськова 2008: 773].

⁵ Ср. также: «Каждый год пребывания в интернате, а затем в университете стоил бы Ольге Михайловне восьмисот рублей (не считая, как тогда говорили, “окопировки” – экипировки, обмундирования), в целом же – нескольких тысяч» (К. Тюнькин. Салтыков-Щедрин. Серия ЖЗЛ. М., 1989. С. 38).

⁶ Ср.: «Лестно ей, что ли, что такому количеству художников захотелось воспроизвести черты ее сына или что так часто журналы “украшают” себя портретами ее детища – не

тографическая карточка (чья?). Однако здесь можно задаться вопросом: не допускалось ли в живой непринужденной устной речи и это неоднократно встречающееся в текстах словосочетание с «ненормативным» управлением?

Материалы свидетельствуют о сознательном и творческом отношении авторов писем к слову. В текстах можно встретить много случаев игрового, ироничного словоупотребления, стилистически маркированных форм. Ср.: *кабы я не сремизилась, они при людях-то алюсничают⁷ изрядно, номер три рубля в сутки – это слишком щекожливо* и мн. др. Подобные примеры позволяют опровергнуть широко распространенное среди лингвистов мнение о неспособности к языковой игре носителей просторечия и диалектов. Ср.: «В стилистическом отношении авторы писем, несомненно, следовали неким образцам: они использовали лексические, фразеологические, паремиологические и даже ритмопоэтические стилистические приемы. Они явно обнаруживают способность различать стилистические варианты, несмотря на общепринятое мнение об отсутствии стилистической дифференциации в диалектах» (с. 4, ч. I).

знаю (пожалуй, вернее первое, так как многочисленные *фотографические снимки с меня*, воспроизводившиеся во всевозможнейших газетах и журналах, оставлены почтенною коллекционершею без всякого внимания)». (Н. Евреинов. Оригинал о портретистах (К проблеме субъективизма в искусстве). М., 1922.)

⁷ Глагол *алюсничать* отмечен в сибирских говорах и употребляется в значении ‘льстить, угодничать, увиваться, из корыстных видов’ (Даль). Интересно, что это слово встречается в письме, написанном младшей сестрой Татьяной, речь которой наиболее приближена к литературной норме. Употребление диалектного слова в тексте письма явно стилистически нагружено. Татьяна жалуется старшему брату на свое нелегкое житье в родительском доме. Ее рассказ об отношении к ней братьев наполнен горечью и иронией. Ср. показательный фрагмент (представлен нормализованный вариант текста; используются следующие символы: | – конец строки, // – конец каждой страницы листа):

И за все | благодарность-то какую ! от братьев? Носового платка | не заслужила! Только | говоришь, что хорошо, да | мне все завидуют: «Одна | сестра у 6 братьев, счастли|вица!» Пожили бы на моем-//то месте, так узнали бы, какая я «счастливица»-то. И я тоже | говорю ведь: «Как меня братья-|то любят, что захочу, то | и делают!» И они при людях-|то алюсничают изрядно (с. 139, ч. II).

Можно было бы продолжать и продолжать этот перечень интересных примеров, наблюдений и возражений, неизбежно возникающих при обращении к столь яркому и необычному материалу. Заключая, необходимо подчеркнуть, что ценность этого издания не только в уникальности публикуемого корпуса «наивных» писем, но также в разработанном автором методе анализа аутентичных текстов. Этот метод позволяет не только адекватно и в полном объеме анализировать языковую материю, но также реконструировать сам процесс создания письма. Дает возможность читателю погрузиться в исторический контекст, оказавшись «внутри» давно прошедшего события.

Думается, рецензируемая монография будет интересна не только лингвистам, но и представителям других гуманитарных наук, исследующих повседневность. Ведь изучение данного феномена без привлечения разнообразного эмпирического материала и без анализа его языковой ткани рискует остаться в области общих рассуждений. Ср. показательное признание Н.Н. Козловой: «Интересуясь советскими повседневными практиками, я ощущала ограниченность только методологических занятий проблемами повседневности. Мне явно не хватало “мяса” истории» [Козлова 2005: 11]. Именно это обстоятельство обуславливает интерес гуманитариев-нелингвистов к источникам нового типа – «человеческим документам», которые хранят следы обыденных речевых практик людей.

В заключение хотелось бы добавить, что рецензируемая книга вышла в Германии, тираж ее невелик, и, следовательно, можно с большой долей уверенности предполагать, что она

будет труднодоступна для русского читателя. Тем не менее, основная целевая аудитория новой монографии Ольги Йокоямы – именно в России. Поэтому перевод на русский язык книги «Письма русских крестьян: Тексты и контексты» и переиздание ее в нашей стране были бы крайне желательны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов 1978 – В.В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // В.В. Виноградов. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
- Гольдин 1995 – В.Е. Гольдин. Машиннообрабатываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3.
- Еськова 2008 – Н.А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
- Касавин, Щавелев 2004 – И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. Анализ повседневности. М., 2004.
- Козлова 2005 – Н.Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
- Козлова, Сандомирская 1996 – Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

Н.Н. Розанова

A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford university press, 2009. xviii + 928 p.

По замыслу составителей (британского морфолога и типолога Э. Спенсера и российского типолога А. Мальчукова), данная книга призвана играть роль своего рода «энциклопедии падежа» – в ней собраны статьи, посвященные категории падежа в различных пониманиях этого термина и с точки зрения различных направлений и традиций в науке о языке. Как справедливо отмечают редакторы, несмотря на неслабевающий научный интерес к этой теме, до сих пор не существовало единого источника, где систематически и последовательно были бы изложены достижения лингвистики в этой области.

Книга содержит 57 статей, разбитых на семь разделов:

- I. Теоретические подходы к изучению падежа;
- II. Морфология падежа;
- III. Синтаксис падежа;
- IV. Падеж в психолингвистических дисциплинах;
- V. Ареальные и диахронические аспекты;
- VI. Отдельные падежи: типологический обзор;
- VII. Очерки падежных систем.

В написании статей приняли участие 62 автора из многих стран мира, большинство из которых является признанными специалистами в своих областях; в сборнике широко представлены и российские лингвисты (среди авторов как теоретических, так и описательных разделов).

Раздел I открывается обзорной статьей Б.Дж. Блейка «История изучения падежа»,

где кратко излагаются основные идеи ранних лингвистических традиций: древнеиндийской, греческой, римской, арабской и школы модистов. Особо отмечается вклад в падежную проблематику школы Панини, сформулировавшей понятие «*караки*», которое фактически очень близко подходит к современному понятию семантической роли имени¹. Из лингвистов XX века Блейк останавливается на теориях Ельмслева и Якобсона. В последнем разделе статьи, озаглавленном «За пределами Европы», рассматривается несколько примеров «экзотических» падежных систем японского, табасаранского, древнегрузинского и некоторых других языков.

Логичным продолжением статьи Блейка является статья М. Батт «Современные подходы к падежу: обзор», где особое внимание уделяется вкладу Ч. Филмора с его теорией «семантических ролей», а также кратко излагаются соответствующие положения таких направлений, как реляционная грамматика, трансформационная грамматика, грамматика лексических функций, теория управления и связывания / минимализм. Трактровке понятия «падеж» и вопросу падежного маркирования в двух последних теориях посвящены также отдельные подробные статьи: «Падеж в лексико-функциональной грамматике» (М. Батт) и «Падеж в теории управления и связывания и в минималистской программе» (Дж.Д. Бобалик и С. Вурмбранд).

Статья Дж. Мейлинг «Падежный ярус: иерархический подход к морфологическому падежу» большей частью посвящена обсуждению принципа, согласно которому именная группа в финском языке в том или ином контексте маркируется номинативом либо аккумулятивом. (Поэтому, возможно, логичнее было бы поместить данную работу в последний раздел сборника, см. ниже.) По Мейлинг, выбор одного из двух указанных вариантов падежного оформления объясняется с помощью гипотезы о том, что номинатив и аккумулятив присваиваются в соответствии с «иерархией грамматических функций», где субъект располагается выше объекта и, как следствие, кодируется номинативом. К минусам статьи (помимо небесспорной трактовки финского падежа на *-n* как обычного аккумулятора: о его генитивных функ-

¹ Следует, правда, отметить, что Блейк (не оговаривая этого непосредственно в тексте) ориентируется не на взгляды грамматистов эпохи Панини (выделявшего семь карак), а на более позднюю версию, принадлежащую Бхартрихари (VII в.), в системе которого на одну караку меньше, – исключена карака «хсту» (причина).

циях в статье практически не говорится) стоит отнести более чем неудачный пример на «внутренний объект» в номинативе из русского языка: *Мне мечталась ясная мечта* (помимо того, что так по-русски сказать, по всей вероятности, нельзя, не вполне очевидно, что мы имеем здесь дело с объектом в узком смысле этого термина)². Кроме того, автор в основном оперирует понятием не «морфологический», а «синтаксический падеж», что входит в некоторое противоречие с заголовком работы.

Х. де Хооп в статье «Падеж в теории оптимальности» проводит достаточно подробный сравнительный анализ ряда работ в рамках теории оптимальности (главным образом, это – [Legendre et al. 1993; Aissen 1999; 2003]), особое внимание уделяя предлагаемым ограничениям в области маркирования объекта и субъекта.

В работе «Падеж в референциально-ролевой грамматике» Р.Д. Ван Валин на богатом и разнообразном языковом материале поясняет теорию присваивания падежей, разработанную им в рамках указанного подхода.

Статья Дж.М. Андерсона «Падеж в локалистской падежной грамматике» открывается историческим обзором, отчасти перекликающимся с приводимым в статье Блейка. Далее автор излагает основные принципы описания падежной системы в рамках разрабатываемой им «локалистской теории».

С. Лураги также начинает свою статью «Падеж в когнитивной грамматике» с краткого исторического экскурса; далее автор суммирует основные допущения и предположения теории. Отдельный раздел этой статьи посвящен обзору ряда конкретных падежных явлений (индоевропейский генитив, чешский датив, русский инструменталис, древнегреческий аккумулятив, падежная система немецкого языка), которые в рамках когнитивного подхода к языку были рассмотрены разными авторами.

Идея разработки универсального метаязыка для описания смыслов, предложенная Анной Вежбицкой в начале 1970-х, до известной степени представляет собой одно из направлений в рамках когнитивной лингвистики (по крайней мере, с точки зрения многих когнитивных лингвистов). В сборник вошла статья А. Вежбицкой «Падеж в естественном семантическом метаязыке: новое описание польского датива», демонстрирующая возможности ЕСМ при опи-

² Подходящий для этого языковой пример с помощью несложного запроса можно найти в существующих корпусах русского языка, например, в НКРЯ: *Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные...* (Ф.М. Достоевский. «Идиот»).

сании различных польских конструкций с дативом. Во вступительной части автор приводит текущую версию списка семантических примитивов (на английском и польском языках), их основные свойства и правила использования в толковании, что, безусловно, облегчает знакомство со статьей тем, кто не владеет во всех деталях аппаратом ЕСМ.

Завершается первый раздел статьей Х. де Хооп и Й. Звартса «Падеш в формальной семантике» – область, вообще говоря, сравнительно мало исследованная в рамках данного подхода. Авторы предлагают некий набросок того, как формальные средства семантического описания могут быть использованы в решении вопроса о значениях падежей. Языковые примеры взяты в основном из финского языка.

Раздел II сборника, посвященный морфологии падежа, открывается вводной статьей Э. Спенсера «Падеш как морфологическое явление», где особое внимание уделяется таким известным теоретическим проблемам, как синтаксический и морфологический падеж, падежный синкретизм, линейное расположение падежных показателей относительно показателей других грамматических категорий, нулевые падежные показатели, центральные и периферийные падежи и некоторые другие. Особое внимание уделяется так называемому «критерию Бирда» (Beard's criterion), согласно которому «падежный признак в грамматике используется только для объединения различных форм с тождественной функцией» ([Beard 1995]; подробнее см. в особенности [Spencer, Otoguro 2005]).

Дж.П. Блевинс в статье «Падеш и парадигмы склонения» подробно останавливается на вопросе о структуре именной парадигмы и подходах к ее описанию. Автор настаивает, что, только рассматривая парадигму как единое целое, можно дать адекватное описание всем входящим в нее падежным показателям.

Следующая статья – «Падешный синкретизм» (автор М. Бэрман) – целиком, как и следует из ее названия, посвящена проблеме морфологического синкретизма падежных показателей в парадигмах склонения. Автор выделяет четыре различных типа синкретизма: (i) синкретизм центральных падежей, (ii) синкретизм центрального падежа с одним из периферийных, (iii) синкретизм периферийных падежей, (iv) синкретизм, затрагивающий не только категорию падежа, но и, например, числа (как в случае совпадения формы прямого падежа множественного числа с формой обликвуса единственного числа). Изложение богато иллюстрировано примерами. Перечислены также основные диахронические процессы, которые могут привести к падежному синкретиз-

му: например, фонологическая редукция, как это было в случае с индоевропейскими языками, аналогическое выравнивание, расширение сферы употребления одного из периферийных падежей и некоторые другие.

В статье Э. Моравчик «Падежная дистрибуция» формулируются и подробно рассматриваются четыре гипотезы, призванные описать соотношение падежного показателя и грамматической роли имени; например: «Все именные группы, имеющие грамматические роли, соотносятся с падежными показателями» или «В произвольной структуре каждая грамматическая роль выражается не более чем одним падежным показателем, и каждый падежный показатель выражает не более одной грамматической роли». В статье также затрагивается вопрос о линейном порядке показателей падежа. В этой области рассматриваются две гипотезы (впрочем, достаточно очевидные): «Каждый падежный показатель имеет единственно возможную позицию относительно именной группы, которую он оформляет» и «Каждый падежный показатель либо находится непосредственно рядом с оформляемой им именной группой, либо входит в ее состав». Падежным показателем автор считает как аффиксы, так и послелогии / предлоги (что следует из второй гипотезы относительно линейного порядка). В единственном русском примере в этой статье (ИГ *из большого города*) автор сделал две ошибки в транслитерации, оставшиеся незамеченными не только им, но и редакторами сборника.

Последняя статья второго раздела «Асимметрия в падежном маркировании: именные и местоименные системы» (автор О. Игтесен) посвящена типологически весьма распространенной асимметрии в структуре парадигм: исторические изменения, происходящие в падежной системе местоимений, зачастую значительно отличаются от эволюции падежной системы имен. Анализируя весьма обширный языковой материал, автор показывает, что особые парадигмы склонения развиваются, как правило, у так называемых SAP (Speech Act Participant) pronouns, т. е. у местоимений I и 2 лица (или «локуторов»), не только занимающих две верхние позиции в иерархии одушевленности Сильверстейна, но и являющихся, по-видимому, наиболее употребительными в дискурсе.

Раздел III «Синтаксис падежа» открывает очерк Б. Примус «Падеш, грамматические отношения и семантические роли», представляющий собой обзор основных проблем, связанных с ролевой семантикой и ее падежным маркированием. Автор сопоставляет целый ряд различных теоретических подходов: основные течения внутри функционального на-

правления (концепции Ч. Филлмора, Р. Ван Валина и др.), грамматику лексических функций Дж. Бреснан, теорию «проторолей», предложенную Д.Р. Даути, а также грамматику «лексической декомпозиции» (*lexical decomposition grammar* – формально-семантическая теория падежа, развивавшаяся в работах Д. Вундерлиха, а также М. Бирвиша и ряда других лингвистов). В целом данная статья является скорее кратким путеводителем по теориям, чем обзором проблем, связанных с описанием языковых фактов. С нашей точки зрения, несколько лучше задача теоретического описания самой проблемы решается в статье К. Лемана [Lehmann 2006] (кстати, ссылка на эту работу у Примус отсутствует).

Статья «Синтаксические эффекты морфологического падежа» (авторы А. Нелеман и Ф. Верман) является сравнительно редким примером работы в рамках генеративной теории, где языковой материал выглядит вполне естественно и не ограничивается исключительно английскими примерами (правда, не все примеры в статье сопровождаются переводом на английский язык, особенно исландские). Основное внимание авторы уделяют вопросу о связи двух явлений: свободному / фиксированному порядку слов и наличию / отсутствию поверхностного падежа. Так, согласно авторам, чем более разнообразна и богата падежная система в языке, тем с большей вероятностью можно ожидать наличия в нем свободного порядка слов. Данное утверждение, однако, стоит оценивать лишь как статистическую закономерность, и в самой статье приводятся ряд контрпримеров.

Статья А. Северской и Д. Баккера «Падеж и альтернативные стратегии: порядок слов и морфологическое согласование» в каком-то смысле дополняет предыдущую работу: авторы описывают возможные комбинации основных способов кодирования грамматических отношений и приходят к выводу о существовании некоторых неслучайных тенденций в языках. Так, если в языке агенс и пациенс различаются падежным оформлением, порядок слов может быть использован уже для маркирования некоторых других противопоставлений (к примеру, прямое и не прямое дополнение и т. п.). Немаловажная роль в статье отводится различительным (*distinguishing*) и индексирующим (*indexing*) функциям каждой из стратегий, о которых более подробно говорится в статье А. Мальчукова и П. де Сварта (см. ниже).

Б. Бикель и Дж. Николс в статье «Падежное маркирование и стратегии оформления главных синтаксических ролей» сосредотачиваются не только на фактической стороне вопроса, но и на методологических проблемах такого исследования. Рассматривая данные самых разных

языков мира (и приводя ряд глаголов, задающих нетипичное для анализируемого языка оформление ролей), авторы предлагают проводить исследования вопроса в двух направлениях. С одной стороны, для каждого отдельного языка следует перечислить все возможные в нем стратегии оформления актантов, и только на основе таких подробных типологических данных делать те или иные заключения. Альтернатива этому подходу состоит в том, чтобы сначала выделить некий список лексем, а затем, опираясь на корпус текстов на каждом конкретном языке, выявить наиболее частотные модели оформления синтаксических ролей для каждой лексемы. (Однако, как кажется, этот второй подход может быть применен далеко не для каждого языка, и исследование опять рискует оказаться неполным.)

Следующая статья сборника – «Падеж и актантная деривация: падеж в производных конструкциях» (М. Сибатани) – посвящена падежному маркированию в конструкциях с повышающей и понижающей деривацией. К первой автором относятся конструкции с внешним посессором и аппликативные конструкции, ко вторым – пассивные и антипассивные конструкции. Статья в основном представляет собой каталог данных о различных стратегиях такого маркирования.

Две последние работы в этом разделе детально освещают вопрос о соотношении падежного маркирования и переходности. Это «Дифференцированное падежное маркирование и варьирование актантной структуры» А. Мальчукова и П. де Сварта и «Падеж и типология переходности» С. Киттиля. В очерке Мальчукова и де Сварта, как уже отмечалось выше, также описаны различительная и индексирующая функции падежного маркирования в их взаимосвязи с дифференцированным маркированием субъекта и объекта.

Раздел IV, посвященный исследованию падежа в рамках психолингвистической проблематики, открывается коллективной работой «Усвоение падежа» (С. Айзенбайс, Б. Нарасимхан и М. Воейкова). Подробно изложены взгляды приверженцев различных подходов (генеративного, функционального, основанного на узусе) на стратегии употребления детьми падежных форм на самых ранних этапах овладения речью, на роль врожденных и приобретенных знаний и др. Авторы обращают внимание исследователей на то, что узкоспециализированные подходы (основанные только на синтаксисе или только на семантике) хоть и дают ряд важных результатов, но, безусловно, не могут адекватно объяснить все разнообразие падежных систем мира и возможных способов их усвоения детьми.

Следующая статья – «Падеж в процессе порождения речи» (А. Мелингер, Т. Пехман и С. Папперт) – также носит скорее обзорный характер. Авторы сравнивают лексически-ориентированные подходы (например, предложенный в работе [Kempen, Nuenkamp 1987] и некоторые другие) и синтаксически-ориентированные модели порождения речи (это, к примеру, работы таких авторов, как М.Э. Гарретт, Дж.С. Делл, Ф. Ченг). Как справедливо отмечается в статье, до недавних пор большинство работ опиралось в основном на материал английского языка, в отношении которого вряд ли можно говорить о богатой и разнообразной падежной системе, в результате чего многие важные проблемы просто не были рассмотрены.

В работе М. Бадера и М. Ламерс «Падеж и языковое восприятие» освещены такие вопросы, как разрешение морфологической неоднозначности, связанное с приписыванием составляющим синтаксических функций, разрешение синтаксической неоднозначности в процессе восприятия речи, роль падежа в определении границ составляющих внутри предложения и ряд других не менее актуальных для психолингвистики проблем.

Завершается раздел подробной статьей М. Ламерс в соавторстве с Э. Рёйгендейк «Падеж и афазия». Авторами описаны основные синдромы поражений зоны Брока и зоны Вернике, история исследования больных с подобными нарушениями. Наиболее интересны результаты, полученные в ходе работы над вопросом о порождении правильных падежных форм в различных типах контекстов носителями разных языков (голландский, немецкий, русский, венгерский, иврит).

Раздел V сборника начинается с работы Л. Куликова «Эволюция падежных систем». На богатом материале индоевропейских языков автор демонстрирует возможные пути возникновения новых падежей, т. е. процесс возникновения падежных показателей из наречий, послелогов или (значительно реже) предлогов, а также прибавление уже существующего падежного показателя к какой-либо форме слова и развитие показателей из указательных местоимений или артиклей. Автор также рассматривает процессы, происходящие внутри падежной системы, в частности такие, которые не влекут за собой изменения числа падежей в языке. В заключение приводится классификация языков, отражающая основные тенденции в эволюции падежных систем. Куликов выделяет три группы языков: (i) языки, увеличившие количество падежей (например, уральские); (ii) языки, сократившие падежную систему (германские, романские, греческий и др.); (iii) языки, сохранившие число падежей (славянские, тюркские,

армянский). Однако по крайней мере в случае армянского, как кажется, следовало бы упомянуть о глубокой структурной перестройке падежной системы на пути от древнеармянского состояния к современному, на фоне которого арифметическое тождество числа падежей оказывается достаточно случайным фактом. Языкам второго типа (сократившим или полностью утратившим падежную систему) посвящена также отдельная статья Л. Куликова в соавторстве с И. Барздаль «Разрушение падежа».

В связи с падежными системами, разумеется, нельзя было не коснуться вопроса о грамматикализации – тему развивает Б. Хайне («Грамматикализация падежей»). Автор, удачно дополняя работу Л. Куликова об эволюции падежных систем, подробно описывает каждый этап на пути возникновения падежных показателей: имя, глагол (> наречие) > предлог / послелог > падежный аффикс > полная редукция.

Статья Б. Бикеля и Дж. Николс «География падежа» представляет результаты очень тщательного и объемного исследования географической дистрибуции различных признаков. Данные по языковым ареалам собраны в весьма полезной сводной таблице, где наглядно демонстрируется варьирование языков мира по 35 параметрам, включающим, например, количество падежей в парадигме, набор центральных падежей, различные стратегии оформления основных синтаксических ролей и ряд других.

Статьей Л. Юхансона «Падеж и изучение языковых контактов» завершается пятый раздел сборника. В ней основное внимание автор уделяет процессам заимствования падежных показателей в условиях языкового контакта (как целых систем, включая и передаваемые значения, и, так сказать, материальную оболочку, так и лишь некоторых отдельных семантических функций), а также переносу глагольных моделей управления из одного языка в другой. Если заимствование отдельных падежных показателей засвидетельствовано в общем не так уж редко, то заимствование целой системы падежных показателей из одного языка в другой – случай крайне экзотический. Тем не менее, явления такого рода были описаны для некоторых разновидностей северных таджикских говоров (заимствовавших показатели главных синтаксических падежей из узбекского), а также для ряда языков Южной Америки.

Раздел VI «Отдельные падежи: типологический обзор» открывается очень ценной статьей М. Хаспельмата (которую смело можно было поместить в начало сборника) о падежной терминологии, где автор детально разбирает системы терминов, принятые при описании

падежных систем и отношений, в различных лингвистических традициях, начиная с древних времен.

В статье «Падежная полисемия» А. Мальчукова и Х. Наррога представлена попытка описания указанной в заголовке проблемы с помощью известного метода «семантических карт». Статья во многом является пересказом работ, применяющих при описании метод построения семантических карт (таких как, скажем, известная статья [Haspelmath 2003]). В заключение авторы предлагают возможный вариант семантической карты для основных ролей.

Работа К. Кёниг «Маркированный номинатив» посвящена обзору материалов языков Восточной Африки, где данная стратегия (маркированный номинатив при немаркированном аккумулятиве) является доминирующей. Показано, что подобное оформление не зависит от базового порядка слов – конструкции с маркированным номинативом встречаются в языках как с начальной, так и с конечной и срединной позицией глагола. Отмечаются случаи влияния языковых контактов – так, автор считает вероятным ареальный характер возникновения маркированного номинатива в языках дасенеч (кушитские) и туркана (восточносуданские), а также в языках сурми (восточносуданская семья) и омотских.

Следующие главы раздела представляют собой обзор отдельных падежей в языках мира. Статья С. Киттия и А. Мальчукова посвящена аккумулятиву; авторы описывают ограничения на использование аккумулятива (связанные главным образом с категорией одушевленности), формальные различия показателей (например, финский показатель аккумулятива *-l* для существительных и *-l* для местоимений), различные функции, которые аккумулятив может выполнять в предложении; детальное освещение получает и полисемия этого падежа.

По такой же схеме описаны и другие падежи: эргатив в статье Э.Л. Паланкара (где автор также касается вопроса о возникновении самого явления эргативности), инструменталис в статье Х. Наррога и комитатив в совместной статье Т. Штольца, К. Штро и А. Урдзе.

Те же аспекты нашли отражение в обширной статье Ю. Ландера о генитиве. Кроме основных функций, оформляемых генитивом, и ограничений на использование этой падежной формы (связанных, как и в случае с аккумулятивом, в основном с одушевленностью), автор подробно останавливается на различных способах маркирования посессивных отношений, а также на непосессивных употреблении форм генитива.

Дативу посвящена статья О. Нэсс. Автор останавливается на проблемах дефиниции, ос-

новных семантических ролях, кодируемых дативом, а также на синкретизме датива и других падежных форм. В заключение приводится краткая диахроническая справка.

Заметно отличается от остальных по структуре статья Д. Кресселя о пространственных падежах. Автор говорит о существовании одномерных, двумерных и трехмерных систем пространственных падежей; во многом дополняя статью Хаспельмата, разграничивает термины, употребляемые в описаниях этих различных систем. Среди существующих в языках способов оформления пространственных отношений Крессель выделяет стратегию маркирования с помощью падежной флексии, послеложные и предложные конструкции, конструкции с наречиями и рассматривает возможные пути совмещения и взаимосвязи этих трех основных подходов в языках. Не остается в стороне и вопрос о семантике – автор подчеркивает особые отношения топонимов и одушевленных существительных к показателям пространственных падежей. Некоторым минусом статьи можно считать практически полное отсутствие языковых примеров (в подавляющем большинстве случаев Крессель ограничивается упоминанием языка, где зафиксировано то или иное явление).

М. Даниэль и Э. Спенсер обращаются к вопросу о вокативе и его месте в падежных системах языков мира. Перечислены типы маркирования вокатива: нулевое, просодическое, при помощи специальных частиц. Авторы предполагают, что вокатив (с точки зрения образования формы) связан не столько с номинативом, сколько с «немаркированной основой» и порой является даже менее маркированной формой, чем сам номинатив (например, в австралийском языке мангарайи).

В последней статье раздела (А. Мальчуков, «Редкие и 'экзотические' падежи») затронуты такие вопросы, как множественное падежное маркирование на примере австралийского языка кайардилд и языка коасати семьи мускоги, падежи с вершинным маркированием, коннективы, «прагматические» падежи (основные функции которых определяются прагматическими факторами, а не синтаксисом или семантикой) и ряд других. В языке кайардилд, кроме уже упомянутого множественного падежного маркирования, также засвидетельствованы так называемые «модальные падежи», показатели которых используются для выражения глагольных категорий времени / аспекта / наклонения при имени.

Заключительный раздел справочника открывается описанием типологии падежных систем, представленных в языках мира. Авторы, уже хорошо знакомые читателю А. Мальчуков

и Э. Спенсер, выделяют четыре основных параметра, по которым падежные системы могут варьироваться. Во-первых, это инвентарь падежей в языке: от языков с максимально редуцированным набором (т. е. с двухпадежной системой) до гипертрофированных падежных систем (как правило, за счет большого количества пространственных падежей). Подробнейший типологический анализ именно этих двух явлений представлен, соответственно, в статье П. Аркадьева о двухпадежных системах и в совместной статье М. Даниэля и Д. Ганенкова о «гипертрофированных» падежных системах нахско-дагестанских языков. Вторым параметром варьирования является соотношение между «синтаксическим падежом» (выражение синтаксической роли именной группы в предложении) и «морфологическим падежом» (формальный способ маркирования именной лексемы). Далее рассмотрены вопросы, касающиеся семантики и прагматики; и, наконец, падеж в связи с такими аспектами, как согласование и порядок слов.

Работа Д. Стило посвящена истории падежа в иранских языках. Как известно, иранские языки в древний период имели богатую падежную систему (что можно считать общим свойством древних индоевропейских языков в целом), но уже ко времени среднего периода своего развития (традиционно его ограничивают примерно III в. до н. э. и VIII–IX вв. н. э.) они обнаруживают заметную тенденцию к сокращению падежного инвентаря, завершившуюся, в некоторых случаях, полной утратой морфологического падежа. На современном этапе во многих языках как восточноиранской, так и западноиранской группы имеются редуцированные двухпадежные системы. Стило выделяет три модели развития, на основе которых можно построить описание происходивших процессов. Падежные системы развивались в одном из направлений: путь сокращения (подразумевающий или сохранение сложившейся в средний период двухпадежной системы с нулевым показателем прямого падежа и обликвусом, развившимся из генитива, или полную утрату падежей), путь инноваций, где возможными стратегиями являются (i) расширение функций существующих падежей; (ii) обновление системы, например, за счет клитик, оформляющих те или иные значения; (iii) использование альтернативных способов, например, порядка слов. Наконец, третий путь – развитие (или сохранение уже сложившейся) падежной системы только для местоимений.

А. Соболев в статье «От синтетического к аналитическому способу выражения падежных значений: изменения в южнославянских диалектах» подробно исследует процесс влияния

балканских языков на южнославянские (в результате которого, собственно, и произошел переход от синтетического способа оформления лексем к аналитическому) на примере, главным образом, инструментальных конструкций.

Следующая статья (К. Кёниг «Падеж в одном из языков Африки: насколько дефектным может быть падеж?») написана на материале языка ик (Уганда; группа кулиак восточно-суданской семьи). Язык крайне интересен не только с той точки зрения, что для африканского континента такое явление, как морфологический падеж (а в ик выделяются семь падежей) – это большая редкость. Падежные показатели присоединяются в ик ко всем частям речи: существительным, глаголам, наречиям, предлогам и союзам. При этом во многих случаях происходит нейтрализация в падежном оформлении центральных аргументов (переходный и непереходный субъект и переходный объект); так, автор приводит примеры, где все три роли оформлены номинативом.

Статья М. Амбербера посвящена одному из семитских языков Африки – автор детально исследует дифференциальное падежное маркирование (как субъекта, так и объекта) в амхарском языке.

Язык с множественным зависимым маркированием, ньямаль (западная Австралия), описан в статье А. Денча. Показано, что на выбор того или иного способа оформления оказывает влияние множество факторов: тип предиката, тип клаузы, класс имени (существительное / местоимение / особо местоимение 3 лица единственного числа) и ряд других.

Данные западных австронезийских языков, где при выборе того или иного падежа учитываются не только (а порой и не столько) синтаксические характеристики, – весьма значимую роль играют семантика и прагматика, находят отражение в статье М. Донохью. Значительная часть работы основана на материале языка тукан-беси (центральная Индонезия).

Не менее яркие примеры «прагматического» (по определению А. Мальчукова) падежа представлены в японском языке, который, как известно, является одним из наиболее детально описанных языков с категорией топики. В статье А. Огавы наибольшее внимание уделяется, естественно, сравнительному анализу функций двух «знаменитых» в лингвистической литературе показателей: *-wa* и *-ga*.

Основные механизмы падежного маркирования в юкагирских языках, где оформление фокусного аргумента тесно связано с выбором падежного показателя, описаны в статье Е. Масловой.

Падежными отношениям в языке тлапанек (Мексика, отомангская семья) посвящена

статья С. Вихмана. Особое внимание автор уделяет следующим фактам: (i) падежные показатели присоединяются к глаголу; (ii) эргатив морфологически немаркирован; (iii) падежная система включает не зафиксированный нигде больше падеж, который Вихман называет «пегативом», - он кодирует актора, вовлеченного в ситуацию, где также имеется претерпевающий, оформленный дативом (при этом если претерпевающий оформлен абсолютивом, то актер принимает показатель эргатива).

В последней статье сборника «'Падежные отношения' в лаосском, изолирующем языке», написанной Н. Энфилдом, показано, как значения, во многих языках мира оформляемые падежными формами, могут быть переданы при помощи других стратегий, в частности, строго фиксированного порядка слов. В статье подчеркивается, насколько важен в случае изолирующего языка контекст, восполняющий недостаток эксплицитного грамматического маркирования.

Оценивая книгу в целом, следует, безусловно, отдать должное редакторам, проделавшим очень непростую и трудоемкую работу по созданию действительно всеобъемлющего и актуального справочника. Удачно выдержан баланс как между теоретической и, так сказать, практической, описательной частями, так и между отдельными составляющими этих частей; подробно изложены основные принципы и методики различных лингвистических направлений и теорий, значительное место уделяется также историческому аспекту. Что касается языкового материала, то в рецензии мы уже неоднократно отмечали его разнообразие; в справочнике представлены практически все важнейшие языковые группы и ареалы, релевантные для данной проблематики.

Полагаем, что «Оксфордский справочник по падежу» (несмотря на немногочисленные, главным образом, технические погрешности) отвечает самым взыскательным критериям и может

считаться в какой-то степени образцовым изданием такого рода. Его востребованность и польза как для профессиональных лингвистов, так и – в особенности – для самого широкого круга студентов не вызывают сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aissen 1999 – *J. Aissen*. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural language and linguistic theory*. 1999. 17.
- Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural language and linguistic theory*. 2003. 21.
- Beard 1995 – *R. Beard*. Lexeme morpheme base morphology. New York, 1995.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello* (ed.). *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Kempen, Hoenkamp 1987 – *G. Kempen, E. Hoenkamp*. 1987. An incremental procedural grammar for sentence formulation // *Cognitive science*. 1987.11.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre et al.* An optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th Meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1993.
- Lehmann 2006 – *C. Lehmann*. Participant roles, thematic roles and syntactic relations // *M. Shibatani, T. Kageyama* (eds.). *Voice and grammatical relations: In honor of Masayoshi Shibatani*. New York, 2006.
- Spencer, Otaguro 2005 – *A. Spencer, R. Otaguro*. Limits to case – A critical survey of the notion // *M. Amberber, H. de Hoop* (eds.). *Competition and variation in natural languages. The case for case*. Oxford, 2005.

Кс.П. Семёнова

Chr. König. Case in Africa. Oxford: Oxford university press, 2008. xx + 343 p.

Категория падежа и падежные системы никогда не были в центре внимания африканистики, что очевидным образом связано с тем, что в значительном большинстве языков Африки, в том числе и в ряде наиболее подробно исследованных, такой грамматической категории нет (или она не была обнаружена, см. ниже). Аналогичным образом, в теоретических и типологических работах по падежу африканский материал обычно привлекается лишь спорадически

(ср. недавно вышедшую энциклопедию падежа [Malchukov, Spencer (eds.) 2009], на страницах которой данные таких языков, как, например, австралийские, нахско-дагестанские или японский, распределены относительно равномерно, в то время как африканские языки систематически упоминаются лишь в нескольких статьях). Такое положение дел не может не огорчать, поскольку немногие (исчисляемые, однако, трехзначной цифрой) «падежные» языки

Африки представляют исключительный интерес с точки зрения типологии падежа, которая без учета их данных оказывается существенно неполна, и, шире, морфосинтаксиса предложения вообще. В этом смысле монография немецкой исследовательницы Кр. Кёниг «Падеж в Африке» (наряду с посвященным более общим проблемам кодирования актантов сборником [Dimmendaal (ed.) 2009]) являет собою чрезвычайно весомый и долгожданный вклад как в африканистику, так и в типологию.

Следует сразу оговориться, что Кёниг не ставит своей целью дать полный и исчерпывающий обзор всех представленных в Африке падежных явлений. В центре ее внимания в первую очередь оказываются вопросы, связанные с кодированием ядерных актантов предложения: единственного аргумента непереходного предиката (S), более агентивного (A) и более пациентивного (O) аргументов переходного предиката. Такие вопросы, как способы выражения периферийных семантических функций (в частности, пространственных) или кодирование приименных зависимых, а также ряд других важных проблем, в книге не рассматриваются. Кёниг эксплицитно сообщает об этом во Введении (с. 33), справедливо отмечая, что освещение этих тем потребовало бы отдельной монографии. Подобное ограничение проблематики представляется вполне оправданным – именно вопрос о кодировании ядерных актантов традиционно является центральным при изучении падежных систем, и именно в этой области падежные категории языков Африки, как кажется, демонстрируют наиболее нетривиальное поведение. Тем не менее, хочется надеяться, что вопросам, оставшимся вне рассмотрения в рецензируемой книге, в ближайшем будущем также будет уделено внимание.

В соответствии с рассматриваемой проблематикой, изложение в книге следует известным типам (стратегиям) кодирования ядерных актантов. Важной и безусловно оправданной инновацией Кёниг является выделение наряду с традиционными аккузативной и эргативной стратегиями кодирования еще одного типа – **маркированно-номинативного** (marked-nominative), наиболее частотного среди падежных языков Африки. Данная стратегия кодирования, подобно аккузативной, объединяет функции S и A (номинатив) и противопоставляет их функции O (аккузатив). Отличие маркированно-номинативного типа от собственно аккузативного состоит в том, что аккузативная стратегия предполагает морфологическую маркированность аккузатива при немаркированности номинатива (ср. универсалию Дж. Гринберга № 38: «при существовании падежной системы единственный падеж,

имеющий только нулевые алломорфы, – это тот, который в число своих значений включает значение субъекта непереходного глагола» [Гринберг 1970/1966: 140]), в то время как при маркированно-номинативной, напротив, морфологически более сложным оказывается номинатив. Существование данного типа кодирования, противоречащего только что процитированной универсалии Гринберга, признавалось довольно давно (см., например, [Dixon 1979: 76–78]), однако лишь в самые последние годы, во многом благодаря работам Кёниг (см. в первую очередь статьи [König 2006; 2009a]), стало понятно, что маркированно-номинативная стратегия не редкое исключение, но довольно широко представленный в языках мира и заслуживающий всяческого интереса языковой тип (эта точка зрения отчасти получила подтверждение и во «Всемирном атласе языковых структур» [Haspelmath et al. 2005], см. карту 98)¹. Открытие параллельных маркированно-номинативу случаев «маркированного абсолютива», т. е. морфологического кодирования объединения функций S + O в противовес нулевому кодированию функции A (эргатив), по крайней мере в двух австронезийских языках (ниас [Brown 2001] и ровиана [Corston 1996]), служат дополнительным и важным подтверждением того, что при рассмотрении маркирования актантов необходимо уделять внимание не только тому, какие функции объединяются или противопоставляются, но и тому, как соотносятся друг с другом выражающие их морфологические средства.

Другая яркая черта падежных систем языков Африки, наряду с маркированным номинативом, – широкое использование для выражения падежей супрасегментных средств (тонов). В ряде языков (например, в нилотских масаи и нанди) тоны служат единственной экспонентой падежа. Данное явление, внимание к которому было привлечено уже в статье [Bennett 1974], не только практически не отмечается за пределами Африки, но и послужило в ряде случаев препятствием для изучения африканских падежных систем. Супрасегментные противопоставления требуют иных средств и стандартов исследования, чем более привычная лингвистам аффиксальная морфология. Недостаточное внимание исследователя к тонам могло привести к тому, что тоновое противопоставление, при более внимательном анализе признававшееся падежным, оказывалось про-

¹ В настоящее время типологическое изучение маркированно-номинативных систем проводит немецкая исследовательница К. Хандшу (Лейпциг), см., например, статью [Handschuh 2008].

сто незамеченным. Отмечу также, что в ряде случаев падежи не постулировались даже в тех языках, где для их выражения используются аффиксальные средства, что связано как с типологически нетривиальными особенностями африканских падежных систем, так и неадекватными европоцентрическими концепциями авторов описаний.

Падежные системы в языках Африки распределены весьма неравномерно (см. карту на с. 291; отмечу в качестве одного из несомненных достоинств книги, что рассмотрение каждой темы сопровождается подробными лингвистическими картами). В основном они сосредоточены на Северо-Западе (берберские языки) и в восточной части Центральной Африки (от озера Чад до побережья Индийского Океана) в языках афразийской семьи (эфио-семитские, кушитские и омотские) и в многочисленных группах, традиционно, вслед за Дж. Гринбергом, объединяемых в гипотетическую нило-сахарскую «макросемью» (нилотские, сурмийские, сахарские и др.). Языки двух других африканских «макросемей» (фактически, столь же гипотетических) – нигеро-конголезской и койсанской, – напротив, за немногочисленными и не всегда надежными исключениями (ряд южных языков манде, некоторые языки банту в Анголе и койсанский язык нама) падежей не имеют. Самая «богатая» падежными системами область Африки – Эфиопия и смежные с ней районы Судана, Кении и Уганды, где несколько групп языков (кушитская, омотская, nilотская, сурмийская и сахарская) образуют подобие языкового союза (см. карту на с. 194). Представленные в этой области падежные системы, наряду со значительным разнообразием, демонстрируют также нетривиальные черты сходства (использование тонов для маркирования падежа, маркированно-номинативный тип кодирования, зависимость падежного маркирования от положения именных групп относительно глагола).

Помимо взятого за основу в книге Кёниг типа кодирования ядерных актантов, африканские падежные системы различаются по ряду параметров. Богатые системы здесь скорее редкость (ср. кушитский язык аунги с двенадцатью суффиксальными падежами или nilотский туркана, где семь падежей выражаются тонами), обычно различаются от двух до четырех-пяти падежей. Весьма разнообразны и морфологические средства, используемые падежными системами. Наряду с уже отмеченными тонами, встречаются системы с более привычными аффиксальными падежами, системы, где падежные отношения маркируются при помощи служебных слов (послелогов, как в сахарских языках тубу и канури, или предлогов,

как в nilотском языке шиллук), а также системы, где падеж выражают чередования в основе (берберские языки и, например, кушитский язык кабена). Особый интерес представляют системы, где падежи (а также в ряде случаев и другие грамматические категории) выражаются при помощи целого комплекса сегментных и несегментных средств, подчас весьма сложно организованного. В некоторых языках с богатыми падежными системами можно выделить несколько «ярусов» показателей, поскольку периферийные падежи образуются присоединением дополнительных аффиксов к формам ядерных падежей (таков, например, омотский язык маале).

В ряде языков падежное маркирование ядерных актантов является факультативным (уже упомянутый тубу) или применяется лишь к именам с признаком определенности (многие афразийские и отдельные nilотские языки). Во многих случаях особым образом ведут себя личные местоимения, а в южных языках манде (как и в ряде других языков Африки) лишь у них имеются падежные противопоставления.

Книга Кёниг состоит из шести глав (включая Введение и Заключение) и двух приложений (не считая обширной библиографии и указателей). Важная особенность книги состоит в том, что помимо общего обзора и сравнительного анализа интересующих автора явлений, каждая глава содержит подробные очерки падежных систем конкретных языков, относящихся к разным группам и семьям. В общей сложности таких очерков в книге более двадцати, что делает ее ценнейшим источником сведений, зачастую иным образом недоступных читателю-неафриканисту.

В пространным Введении (с. 1–35) Кёниг дает оценку состоянию исследований падежей в африканских языках и описывает теоретическую и методологическую базу монографии. Основная часть Введения посвящена терминологическим вопросам и содержит определение и обсуждение всех основных понятий, используемых в книге. Укажу, что, в соответствии с отмеченным выше решением рассматривать лишь кодирование ядерных актантов, Кёниг принимает оправданное в данном контексте, однако с типологической точки зрения не вполне безупречное, соглашение считать падежом лишь такую грамматическую категорию, элементы которой способны противопоставлять S, A и O (с. 31). Отмечу также, что рассматривая конкретные падежные системы, Кёниг уделяет внимание порядку слов и глагольному согласованию, которые могут нетривиальным образом взаимодействовать с собственно падежом.

В главах 2–4 (с. 36–203) рассматриваются, соответственно, аккузативные, эргативные и

маркированно-номинативные падежные системы. Ограниченный объем журнальной рецензии не позволяет изложить содержание этих центральных в книге глав с должной подробностью (в том числе со всеми необходимыми иллюстративными примерами), поэтому я остановлюсь лишь на наиболее интересных и ярких моментах.

В типологии хорошо известны разнообразные случаи так называемого «расщепленного» падежного маркирования (*split case-marking*), когда в зависимости от таких факторов, как тип именных групп, глагольная категория или статус предикации, может меняться характер кодирования актантов. Такого рода явления в основном рассматривались на материале языков семьи пама-нюнга (Австралия), а также индоиранских и тибетских языков. Африканский материал в связи с этой проблематикой практически не привлекался. Между тем одна из наиболее разветвленных и сложных «расщепленных» систем кодирования представлена в языке ик (группа кулиак, Уганда), данные которого подробно освещены на с. 72–88, а также в более ранней специальной монографии Кёниг [König 2002] и в ее статье в упомянутой выше энциклопедии падежа [König 2009b]. В языке ик выбор падежа субъекта и объекта зависит от таких факторов, как независимый vs. подчиненный статус клаузы (в зависимых клаузах все ядерные участники кодируются аккумулятивом), наклонение (индикатив vs. императив), порядок слов (топикализованные объекты оформляются номинативом), а также класс субъекта (при субъекте 1 или 2 лица объект вместо аккумулятива кодируется номинативом). Особенно сложная система кодирования представлена в локативных, бытийных и связочных конструкциях.

Африканские языки традиционно не были также в сфере внимания исследователей эргативности. В работах по данной проблематике Африка обычно упоминается как «континент без эргативности». Действительно, эргативный тип кодирования актантов представлен в Африке лишь единичными системами, причем признанными в качестве эргативных лишь сравнительно недавно. Наиболее, видимо, известная из них имеется в западно-нилотском языке пари (Päri) [Andersen 1988]. Пари и родственные ему языки интересны не столько наличием в них редкой для Африки стратегии кодирования актантов, сколько тем, как последовательно она в них проводится. В языках пари, аньва, луо и шиллук эргативность не ограничена падежным маркированием полных именных групп и распространяется также на глаголь-

ное согласование и порядок слов (SV/OVA²), а в языке шиллук также на возможность опущения актантов. Несмотря на то, что во всех указанных языках, кроме шиллук, эргативная стратегия представлена лишь в части типов предикаций, конкурируя с маркированно-номинативной, западно-нилотские языки могут послужить хорошим примером последовательно эргативной организации морфосинтаксиса. Кроме того, данные группы близкородственных языков оказываются весьма ценны для понимания путей возникновения систем падежного маркирования. Сравнение ситуаций в пари и аньва приводит Кёниг к выводу, что падежный показатель эргатива в этих языках возник из показателя определенности через промежуточную стадию аффикса маркированного номинатива. Такой диахронический сценарий, в частности, противоречит выдвигавшимся ранее (ср. [Dixon 1979: 77; Plank 1985: 304]) умозрительным гипотезам, согласно которым маркированно-номинативный тип кодирования возникает в результате «экспансии» эргативного показателя.

Еще один случай, допускающий эргативную трактовку, был описан в недавних работах В.Ф. Выдрина [Выдрин 2006; Vydrine 2006] для ряда языков южной группы семьи манде, где имеется особая эргативная серия личных местоимений. Кёниг подвергает сомнению такую трактовку на с. 133–135, однако ее критика кажется неубедительной. Не вдаваясь в обсуждение специфических особенностей морфосинтаксиса языка гуро, отмечу, что Кёниг смешивает две серии эргативных местоимений – независимую (со средним тоном) и слитную с объектными местоимениями 3-го лица (с низким тоном), – вследствие этой ошибки приписывая В.Ф. Выдрину диахронические утверждения, которых тот в действительности не делал. Отвергая (с. 135) эргативную трактовку данной серии местоимений на основании того, что они могут выражать субъект рефлексивных конструкций, Кёниг исходит из неверной предпосылки, будто такие конструкции непременно являются морфосинтаксически непереходными.

Перейдем к наиболее подробно освещенному в книге вопросу о природе маркированно-номинативных систем кодирования. Возможно, самый важный обобщающий результат этой части исследования Кёниг состоит в обнаружении функциональной мотивации такого

² Стоит указать, что порядок слов со средним положением сказуемого редок в эргативных языках, точно так же, как вообще редок порядок слов с объектом, предшествующим субъекту.

типа кодирования. Сопоставление функций немаркированного аккузатива и маркированного номинатива в целом ряде языков показывает, что формальная маркированность коррелирует с ограниченной дистрибуцией номинатива, в то время как немаркированная форма выступает, помимо «объектных» контекстов, также в значительном числе различных функций. Так, в сурмийском языке теннет номинатив (суффикс *-i*) лишь маркирует субъект, причем только при начальном положении сказуемого, в то время как аккузатив (нулевой показатель) употребляется в функциях цитации, присвязочного предиката, субъекта в позиции перед сказуемым, а также объекта (в том числе вводимого аппликативными деривациями). Очевидно, что аккузатив в теннет и других языках данного типа употребляется заметно чаще, чем номинатив, а морфологическая маркированность, как известно [Haspelmath 2006], коррелирует с частотностью. Несмотря на то, что в разных языках с маркированным номинативом распределение функций между ядерными падежами разное (см. таблицу на с. 158), большее разнообразие функций аккузатива по сравнению с номинативом наблюдается в самых разных группах языков (в сурмийской, нилотской, кушитской, омотской) и может считаться важной типологической характеристикой данного класса языков.

Помимо «прототипических» маркированно-номинативных систем, где аккузатив имеет нулевой показатель, Кёниг выделяет в отдельный подтип языки, где оба ядерных падежа – номинатив и аккузатив – морфологически маркированы. Языки данного подтипа немногочисленны и в основном относятся к кушитской (восточная ветвь) и омотской семьям. Интересно, что в этих языках аккузатив имеет менее широкую дистрибуцию, нежели в других маркированно-номинативных системах. Весьма показательна в этом смысле система омотского языка харо, где наряду с суффиксальными номинативом, аккузативом и рядом периферийных падежей имеется немаркированная «беспадежная» форма, выступающая в функции цитации; при ее помощи кодируются также неопределенные ядерные актаны³. Тем самым, различие между двумя типами маркированно-номинативных систем также оказывается мотивированным.

Отдельный раздел (с. 178–192) посвящен возможным диахроническим истокам маркированного номинатива. Кёниг рассматривает

³ Данная система является яркой типологической параллелью к падежным системам адыгских языков, о которых см., в частности [Кумахов 1971].

возможные пути возникновения таких систем в разных языках, в основном привлекая данные внутренней реконструкции морфосинтаксиса и внешнего сопоставления между родственными языками и опираясь на гипотезы, выдвинутые предшественниками. В качестве вероятных источников маркированного номинатива постулируются агенс пассивных конструкций (нилотские языки масаи и динка), показатель определенности (западно-нилотские и берберские языки), показатель топика (восточно-кушитские). Что касается упомянутой выше гипотезы о возможном происхождении маркированно-номинативных систем из эргативных, то Кёниг вполне убедительно отвергает такой сценарий, предполагавшийся для языка теннет в работе [Randal 2000]. Интересны также наблюдения Кёниг о роли ареальных факторов в развитии маркированного номинатива; в частности, она предполагает, что в нилотских и других неафриканских языках Восточной Африки системы с маркированным номинативом возникли под влиянием кушитских языков; переход же ряда кушитских языков к обычной аккузативной системе Кёниг объясняет влиянием эфиосемитских языков. К сожалению, за отсутствием письменных памятников, отражающих сколько-нибудь давнюю историю африканских языков, данные гипотезы остаются на спекулятивном уровне.

В порядке критики укажу, что выдвинутое Кёниг на с. 198 обобщение о связи между маркированным номинативом и тоновым выражением падежей (во многом оно основано на неверном, по моему мнению, анализе данных языков банту, см. ниже) кажется весьма странным, если учитывать, что, во-первых, грамматические изменения тонов – одна из характернейших черт языков Африки, выходящая далеко за пределы немногих «падежных» языков, и, во-вторых, системы с маркированным номинативом вовсе не обязательно используют тоны как в языках Африки, так и за ее пределами.

Пятая глава книги (с. 204–282) посвящена ряду явлений, связанных с функционированием падежей в африканских языках. Во-первых, это тоны, и здесь Кёниг обращается к материалу нескольких языков западного ареала семьи банту (зона R: умбунду; зона K: нгангела, лукази и др.; зона B: исангу и др.). Наиболее подробно Кёниг останавливается на довольно детально описанной системе языка умбунду, где у некоторых имен различаются две формы: «номинатив» с начальным низким тоном и «аккузатив» с начальным высоким тоном. Особенностью «аккузатива» в умбунду является его способность оформлять самые разные синтаксические роли (в том числе периферийные) при

условии, что соответствующая именная группа непосредственно следует за глаголом. Предшествующий глаголу субъект, равно как и все именные группы, следующие за глаголом не непосредственно, оформлены «номинативом». По мнению Кёниг, такая система может быть сопоставлена с маркированно-номинативными языками Восточной Африки. Такой анализ, однако, не представляется мне вполне убедительным. Фактор порядка слов, в первую очередь, противопоставление позиций перед и после сказуемого, действительно, играет чрезвычайно важную роль в африканских падежных системах, однако ни в одном из рассмотренных в других главах книги языков не был релевантен признак «дистантное vs. контактное расположение относительно глагола». Как кажется, системы вроде представленной в умбунду или в близкородственном языке гереро (см. статью [Marten, Kavari 2005], данные которой в книге Кёниг не учтены) не удовлетворяют главному признаку падежа [Blake 2001: 1] – способности разных граммем этой категории маркировать различные типы зависимости именных групп от предиката. Изменение тона в умбунду маркирует не тип семантико-синтаксической зависимости, а лишь линейную позицию именной группы в предложении. Отмечу также, что даже если признать тоновое противопоставление в умбунду экспонентой падежа, невозможно трактовать эту систему как маркированно-номинативную, хотя бы потому что «номинатив» в ней является формой с неограниченной дистрибуцией. Наконец, пространное обсуждение возможных путей развития такой системы на с. 212–217 кажется несубъективным и внутренне противоречивым, основанным лишь на спекулятивных домыслах, а не на результатах возможной для столь хорошо изученной группы близкородственных языков, как банту, сравнительно-исторической реконструкции.

В пятой главе также обсуждается связь падежного маркирования с категорией определенности. Кёниг рассматривает кушитские языки, в частности, бурджи, где противопоставлены определенный и неопределенный варианты номинатива, а также эфиосемитские языки. В этой связи следует указать на несколько неточностей в изложении. Так, на с. 226 Кёниг приводит геэз и амхарский в одном ряду с языками, где, по ее словам, аккумулятив оформляет лишь функцию О. Это, однако, неверно: как в геэзе, так и в амхарском аккумулятив (точнее, косвенный падеж) способен выражать также ряд других функций, включая периферийные (см. [Weniger 1999: 38–39] для геэза и [Leslau 1995: 183, 185, 893–895] для амхарского; Кёниг не упоминает также весьма релевантные для

обсуждения кодирования ядерных актантов конструкции с аккумулятивным кодированием экспериенцера в амхарском [Amberber 2005]). Не вполне точно и описание на с. 229 системы местоименных аффиксов в амхарском глаголе.

Одно из наиболее интересных свойств многих африканских падежных систем состоит в устранении падежных противопоставлений в предглагольной позиции («no case before the verb»), которое происходит в языках с базовой позицией глагола в начале предложения. Данное ограничение действует и в маркированно-номинативных, и в эргативных языках, в аккумулятивных же за единственным исключением (язык ик) представлен порядок слов с конечным положением сказуемого. Кёниг демонстрирует, что ряд исключений из этого правила, например, поведение отрицательных конструкций в теннет, может быть объяснено происхождением этих конструкций из полипредикативных (т. е. переходом от типа $V_1 A V_2 O$ к типу $Neg A V O$). Интересен также случай восточнонилотского языка бари, где изменение базового порядка слов с VSO на SVO привело к утрате падежного противопоставления. Происхождение данного ограничения, по всей видимости, связано с особым статусом предглагольной позиции как грамматикализованного локуса выражения коммуникативно-маркированной информации (топика или фокуса) и опять-таки в ряде случаев с грамматикализацией полипредикативных конструкций, в которых коммуникативно выделенная именная группа выступала в качестве предиката (ср. английские «cleft constructions» вида *It is John who came*).

Наконец, в предпоследнем разделе пятой главы рассматривается материал нескольких койсанских языков, где наблюдается еще не завершившийся процесс грамматикализации падежных показателей номинатива и аккумулятива из маркеров, соответственно, топика или фокуса. Последний случай, засвидетельствованный в языке нама, интересен тем, что «начинающий» показатель объекта в конечном итоге восходит, через промежуточную ступень показателя фокуса, к связочному предикату.

В кратком Заключение (с. 283–289) Кёниг подводит основные итоги исследования и подчеркивает, что ее книга является лишь первым шагом к полноценному исследованию категории падежа в африканских языках, отмечая уже указанные выше вопросы, оставшиеся вне поля ее рассмотрения.

Приложения содержат обобщающую карту падежных систем Африки (с. 291), а также таблицу с обзором падежных систем по генетическим группам языков (с. 292–301), включающую такие данные, как тип падежной системы (аккумулятивная, эргативная, маркированно-

номинативная), морфосинтаксический тип маркирования, условия «расщепления» падежного маркирования, базовый порядок слов и ряд дополнительных сведений. Отдельное приложение содержит терминологический глоссарий (с. 302–307). Библиография (с. 309–324) из нескольких сотен названий имеет немалую самостоятельную ценность.

Кратко остановлюсь на некоторых недостатках книги Кёниг. Текст книги во многих местах довольно небрежно отредактирован, иногда содержит повторы (например, в списках на с. 286 и 287 некоторые пункты дословно дублируются) или не вполне ясные формулировки. Можно указать и на чисто технические огрехи, например на с. 183 и 185 нарушена нумерация примеров, некоторым библиографическим ссылкам в тексте не соответствует никакая единица в списке литературы, имеется и немало опечаток, в том числе и способных затруднить понимание. Есть отдельные пробелы в библиографии (так, в разделе о берберских языках следовало бы учесть работы [Guersel 1992] и в особенности [Chaker 1988], а при обсуждении амхарского – фундаментальную грамматику [Leslau 1995] и работы [Amberber 2002; 2005]).

Укажу также, что диахронические рассуждения Кёниг иногда кажутся недостаточно проработанными, как логически, так и методологически, и часто носят спекулятивный характер, что уже было отмечено при обсуждении «реконструкции» истории возникновения «тоновых падежей» в умбунду. Аналогичные сомнения возникают и при чтении разделов об эволюции падежных систем берберских языков (с. 180–187). В частности, непонятно, какой статус имеет утверждение (с. 187), что распад маркированно-номинативной системы в ряде берберских языков мотивирован скорее генетическими, нежели ареальными факторами, в свете отмеченного на с. 180 спорного состояния генеалогического древа этой семьи.

Несмотря на указанные недостатки, способные несколько омрачить положительное впечатление от чтения рецензируемой книги, нельзя не повторить, что монография Кристи Кёниг является без сомнения крупным событием и в африканистике, и в типологии, открывая как перед специалистами по конкретным африканским языкам, так и перед типологами весьма полную и богатую картину прежде практически не исследованных африканских падежных систем. Более того, книга Кёниг своей композицией и характером изложения, сочетающим типологические и теоретические наблюдения с подробными «портретами» конкретных систем, могла бы послужить образцом для аналогичных обзорных работ по другим языковым ареалам и категориям.

- Выдрин 2006 – В.Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде // Труды Ин-та лингвистических исследований. Т. 2. Ч. 2. СПб, 2006.
- Гринберг 1970/1966 – Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Б.А. Успенский (ред.). Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970. (J.H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (Mass.), 1966)
- Кумахов 1971 – М.А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.
- Amberber 2002 – M. Amberber. Verb classes and transitivity in Amharic. München, 2002.
- Amberber 2005 – M. Amberber. Differential subject marking in Amharic // M. Amberber, H. de Hoop (eds.). Competition and variation in natural languages: The case for case. Amsterdam, 2005.
- Andersen 1988 – T. Andersen. Ergativity in Pāri, a Nilotic OVS language // Lingua. V. 75. 1988.
- Bennett 1974 – P.R. Bennett. Tone and the Nilotic case system // Bulletin of the School of Oriental and African studies. 1974. V. 37. № 1.
- Blake 2001 – B.J. Blake. Case. 2-nd ed. Cambridge, 2001.
- Brown 2001 – L. Brown. A grammar of Nias Setalan. PhD. Thesis. University of Sydney, 2001.
- Chaker 1988 – S. Chaker. L'état d'annexion du nom // Encyclopédie berbère. V. 5. 1988.
- Corston 1996 – O. Corston. Ergativity in Roviana, Solomon islands (Pacific linguistics ser. B. № 113). Canberra, 1996.
- Dimmendaal (ed.) 2009 – G. Dimmendaal (ed.). Coding participant marking: Construction types in twelve African languages. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
- Dixon 1979 – R.M.W. Dixon. Ergativity // Language. 1979. V. 55. № 1.
- Guersel 1992 – M. Guersel. On the case system of Berber // Canadian journal of linguistics. 1992. V. 37. № 2.
- Handsuh 2008 – C. Handsuh. Split marked-S case systems // M. Richards, A. Malchukov (eds.). Scales. (Linguistische Arbeitsberichte 86). Leipzig, 2008.
- Haspelmath 2006 – M. Haspelmath. Against markedness (and what to replace it with) // Journal of linguistics. 2006. V. 42. № 1.
- Haspelmath et al. (eds.) 2005 – M. Haspelmath, M. Dryer, B. Comrie, D. Gil (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2005.

- (Общедоступный электронный вариант: <http://wals.info>)
- König 2002 – *Chr. König*. Kasus im Ik. Köln, 2002.
- König 2006 – *Chr. König*. Marked nominative in Africa // *Studies in language*. V. 30. 2006. №. 4.
- König 2009a – *Chr. König*. Marked nominatives // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- König 2009b – *Chr. König*. Case in and African language: Ik – how defective a case can be // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- Leslau 1995 – *W. Leslau*. A reference grammar of Amharic. Wiesbaden, 1995.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2009 – A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- Marten, Kavari 2005 (Ms.) – L. Marten, J.U. Kavari. Tone cases in Herero: The coding of head-complement relations, linear order, and information structure. (Ms.) 2005.
- Plank 1985 – F. Plank. Extended accusative/restricted nominative in perspective // F. Plank (ed.). *Relational typology*. Berlin; New York, 1985.
- Randal 2000 – S. Randal. Tendet's ergative origins // *Occasional papers in the study of Sudanese languages*. V. 8. Nairobi, 2000.
- Vydrine 2006 – V. Vydrine. Emergence of morphological cases in South Mande: From the amorphous type to inflectional? // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Weniger 1999 – S. Weniger. *Ge'ez*. München; Newcastle, 1999.

П.М. Аркадьев

В.П. Мякишев. Язык Литовского статута 1588 г. Kraków: Lexis, 2008. 717 S.

В русистике долгое время существовал термин «западнорусский язык». В 1925 г. акад. А.И. Соболевский, возглавив «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку», предлагал в качестве одного из направлений формирующейся картотеки (сейчас – Картотека ДРС) собирать материалы для составления словаря западнорусского языка – языка Польско-Литовской Руси по источникам XV–XVII вв. Материалы из подобных источников использовались в различных исследованиях по истории белорусского, украинского и польского языков (см. работы И.И. Лапю, А.И. Соболевского, Е.Ф. Карского, И.И. Огиенко, А.И. Журавского, И. Франко, В. Витковского и др.), но понятие о западнорусском языке оставалось неопределенным. В рецензируемой книге В. Мякишева рассматриваются разнообразные определения этого понятия (с. 9–40). Автор же останавливается на термине «русская мова», помещаемом в кавычках, который наиболее удачно характеризует язык исследованного им памятника Литовского статута 1588 г. «Из всех многочисленных определений “западнорусского языка” предпочтение было отдано названиям, рожденным в его же недрах: “русская мова” (РМ) и “простая мова” (ПМ)», – пишет автор (с. 34). Отмечая тот факт, что оба эти понятия употреблялись недифференцированно, В. Мякишев далее утверждает, что это не были два самостоятельных языка: «При всех своих различиях “мовы” остаются в отношении неразделимого единства, поскольку представляют одну языковую систему,

базирующуюся на общей восточнославянской (белорусско-украинской) основе и несущую отчетливые приметы польскоязычного воздействия... ПМ в своем возникновении и развитии опирается на практику РМ, усваивает необходимые для себя ее “достижения”, чтобы в совокупности составить единый язык тогдашней интеллигенции восточных земель Речи Посполитой» (с. 39). Термин «русская мова» возник в недрах этого языка: «...Первые фиксации РМ (в варианте русский язык) применительно к канцелярскому языку княжества следует искать в письменных текстах 60-х гг. XVI в., во всяком случае раньше это понятие ни в грамотах, ни в актах, ни в законодательных постановлениях обнаружить не удалось. Утверждению и распространению нового определения могло способствовать его упоминание в документе государственной важности. Таким оказался Статут 1566 г.» (с. 36). В исследовании языка Литовского статута, напечатанного в 1588 г., с полной обоснованностью исследователь применяет термин «русская мова», который помогает выявить специфику канцелярской речи того времени.

Перед нами предстает книжный язык Великого княжества Литовского, отраженный в драгоценном с юридической, административной и интеллектуальной точки зрения памятнике XVI века. Язык Статута 1588 г., над которым трудились замечательный стилист подканцлер Лев Сапега и канцлер Остафий Волович, вобрал в себя новые и старые формы, свою и иноязычную лексику, отразив многовекторное

влияние как литературного языка, так и диалектов. Эта степень состояния западнорусского языка (по терминологии автора, «русская мова»), включившая в свой состав русские, украинские, белорусские и польские элементы, оказала существенное влияние на развитие украинского и белорусского литературных языков. Автор называет Литовский Статут 1588 г. вершиной («лебединой песней») юридического языка Великого княжества Литовского: «Разойдясь в нескольких тысячах экземпляров, кодекс не просто отражал образцовую модель канцелярского языка, но “задавал тон” всей системе тогдашнего письма – к сожалению, как оказалось, совсем недолго» (с. 41).

В своем исследовании В. Мякишев опирается на многочисленные работы русских, польских, белорусских и украинских лингвистов, литературоведов, историков, юристов, философов, которые в своих трудах касались Литовского статута 1588 г., что значительно расширяет и пополняет знания современников как о языке Великого княжества Литовского XVI в., так и о самом государстве. В работе представлена обширная библиография по изучению такого значительного историко-культурного явления, каким предстает перед исследователем текст Литовского статута 1588 года.

Книга состоит из двух частей: в первой проводится подробное исследование графики («печатных литер» – с. 65–110), фонетики (с. 111–186), морфологии: таких категорий языка памятника, как существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия (с. 187–346), причем анализу подвергается **весь** без исключения текст памятника, а не отдельные примеры. Такого полного исследования языка Литовского статута 1588 г. не было до этой работы. В. Мякишев приводит **при каждом слове** статистические данные, которые убедительно демонстрируют превалирование тех или иных грамматических форм, различных лексических вариантов в языке Литовского статута, наглядно подтверждают выводы автора относительно преобладающих тенденций в развитии самых разнообразных языковых явлений.

Во второй части книги приведен полный указатель слов (свыше 130 тысяч) и словоформ Литовского статута с переводом на русский язык и указанием грамматической формы (с. 375–711). Каждая форма сопровождается сведениями о том, в какой главе и какой статье кодекса встречается слово. Характерные черты этой части книги описываются автором так: «...К каждому заглавному слову приводится значение; дифференцируются лексические омонимы; многозначные лексемы предстают как комплексы, состоящие из отдельных словарных подстатей; учитываются возможности функционирования слова в рамках устойчивых конструкций (если значение целого не складывается из значений составных частей). Эта ориентация не только на формальные, но и на функциональные характеристики словоформ приводит к несколько иному – по сравнению с общепринятым в словоуказателях – делению материала: более дробному по отношению к многозначной лексике и, напротив, “связывающему” рамками одной словарной статьи формально самостоятельные компоненты устойчивого словосочетания» (с. 367–368). Как видим, эта часть книги является своеобразным соединением указателя слов и форм со словарем к памятнику, что служит важным подспорьем при чтении исследовательской части книги В. Мякишева, а также при понимании примеров Литовского статута 1588 г., приводимых автором в качестве иллюстраций для подтверждения его положений и выводов.

Таким образом, в составе одной книги по существу оказались две самостоятельные работы: автор не только исчерпывающим образом исследовал язык памятника, но и создал словарь Литовского статута, весьма ценный для русского читателя. Книга дает материал для будущих исследований по лексике западнорусского языка и может лечь в основу того словаря, о создании которого в начале XX в. заботился А.И. Соболевский.

Л.Ю. Астахина

D. Dobrovolskij, E. Piirainen. Zur Theorie der Phraseologie: kognitive und kulturelle Aspekte. [Stauffenburg Linguistik, Bd. 49] Tübingen: Stauffenburg, 2009. 211 S.

Книга содержит результаты последних исследований авторов в области фразеологии и развивает идеи, изложенные в их предыдущей книге [Dobrovolskij, Piirainen 2005], в которой строится теория конвенционального образного языка. Данная теория основывается на представлении о том, что единицы образного лексикона (прототипические идио-

мы, образные однословные метафоры и т. п.) отличаются от «обычных» не образных единиц тем, что их семантика как бы двухслойна: помимо актуального лексического значения, она включает также концептуальную структуру, имплицитную ее внутренней формой, и эта концептуальная структура существенным образом влияет на собственно лексическое значе-

ние образной единицы. В первой книге авторы применили этот принцип к материалу однословных метафор, а данная книга демонстрирует возможность его использования при описании фразеологии, в том числе контрастивном. Идея о влиянии образной составляющей плана содержания идиомы на различные аспекты ее функционирования разрабатывается также в [Добровольский 1996; Баранов, Добровольский 2008, 2009а] и применяется при описании большого массива русских фразеологических единиц в словаре [Баранов, Добровольский 2009б]. Тот факт, что идиомы рассматриваются не только в рамках фразеологии, но и в рамках теории конвенционального образного языка, определяет новизну и оригинальность применяемого авторами подхода. Действительно, с одной стороны, идиомы – в силу своей раздельнооформленности и устойчивости – относятся к фразеологии. С другой – исходя из свойств их семантики, они должны быть отнесены (наряду с конвенциональными однословными метафорами) к образным единицам лексикона.

Вопрос о влиянии внутренней формы (слова, словосочетания) на его актуальное значение имеет давнюю традицию, своих сторонников и противников (среди наиболее последовательных противников назовем И.А. Мельчука); в настоящее время «сторонники», очевидно, одерживают верх. Представляется вероятным, что здесь, как и в других местах, истина находится где-то посередине, а именно, следует признать, что внутренняя форма может влиять на актуальное значение. Так, например, актуальное значение ныне устаревшего слова *получка*, помимо смысла 'ежемесячная плата за работу по долговременному найму', включает некий дополнительный компонент, имплицитный его внутренней формой, т.е. глаголом *получить* в его лингвоспецифичном «советском» значении (фиксирующем фрагмент определенной картины мира); иной аналогичный дополнительный компонент имеет слово *жалованье* и т.п. При исследовании этого феномена следует, однако, иметь в виду, что внутренняя форма бывает в разной степени актуальна не только для разных языковых единиц, но и для разных говорящих – в зависимости от их образовательного уровня и индивидуального психологического типа. Однако как раз фразеология – это область, где внутренняя форма в наибольшей степени реальна и автономна; здесь задача исследователя – в том, чтобы выявить некие системные связи, знание которых, в идеале, позволило бы предсказать те или иные свойства лингвистического поведения идиом на основании тех или иных свойств их внутренней формы. И можно сказать, что развиваемая авторами теория кон-

венционального образного языка с этой задачей довольно хорошо справляется.

Теория фразеологии должна уметь объяснять, зачем языку нужны идиомы, т.е. в чем состоит их особая уникальная функция. Она должна быть в состоянии объяснить особенности семантики, прагматики и синтактики идиом, а также особенности их дискурсивного поведения – т.е. все особенности этих сверхсловных образований, отличающие их от прочих лексических единиц. Дело в том, что любое сверхсловное образование с точки зрения принципа экономии менее экономно, чем отдельное слово, а значит, идиомы должны оправдывать эту излишнюю сложность формы за счет дополнительной содержательной информации. В общем виде ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом: одно из фундаментальных свойств естественного языка как средства коммуникации состоит в том, что очень часто не прямой и имплицитный способ выражения мысли оказывается точнее и эффективнее, чем прямой и эксплицитный – и в этом смысле он является более экономным. Фразеология – это область имплицитных смыслов *par excellence*.

Научная ценность книги состоит и в последовательном проведении идеи влияния образной составляющей идиомы на ее актуальное значение, а также в развитии новых технологий анализа. При этом рассматриваются особенности всех трех базовых аспектов функционирования идиом: семантики, синтактики и прагматики, а также их дискурсивного поведения. С этой точки зрения книга способствует как развитию общей теории фразеологии, так и решению чисто прикладных задач. В частности, из основных обсуждаемых теоретических положений в книге делаются выводы, относящиеся к переводу идиом одного языка на другой. С методологической точки зрения книгу характеризует точность и тонкость лингвистического анализа, удачное сочетание методов традиционной русской лексикографии, Московской семантической школы и современной когнитивной лингвистики, а также широта привлекаемого языкового материала.

Книга состоит из 4 частей. В первой части «Семантика и мотивация» рассматриваются различные типы мотивированности идиом. Традиционно мотивированность идиом сводилась к механизму метафоры. Однако мотивирующим фактором, помимо «концептуальной метафоры» в смысле Дж. Лакоффа и М. Джонсона, могут быть и другие виды метафор, а также механизмы иной, чем метафора, природы. Так, это может быть «фреймовая» метафора (*framebasierte Metapher*), например, идиома *ein rotes Tich für jmdn. sein* (букв. «быть для кого-то

красной тряпкой»), значение которой 'служить источником крайнего раздражения, злобы, гнева' мотивировано фреймом БОЙ БЫКОВ (и, соответственно, путем апелляции к данному фрейму эта идиома должна быть истолкована). Особый случай метафорической мотивации составляет «кинеграмма» – симптоматическая метафора, или «как если бы-модус»: использование в качестве метафоры разного рода симптоматических жестов, ср. *sich an den Kopf fassen* (букв. «схватить себя за голову») 'выразить крайнее удивление'. Другой специфический тип метафорической мотивации возникает в некоторых случаях узуализованной языковой игры. Помимо метафорической, для идиом возможна также символическая, интертекстуальная и индексальная мотивация. Символическая мотивация определяется наличием в составе идиом культурных символов (таких, как *хлеб, крест, золото, черный, три, семь*). Интертекстуальная мотивация осуществляется за счет отсылки к существующим текстам: в этом случае знание текста, из которого вышла данная идиома, является мотивирующим фактором, ср.: *сражаться с ветряными мельницами; оказать кому-л. медвежьё услугу*. Далее встречается (хоть и довольно редко) так называемая индексальная мотивация. Например, значение идиомы *в огороде бузина, а в Киеве дядька*, указывающее на бессмысленность и бессвязность обсуждаемых высказываний, мотивировано самой формой этой идиомы, характеризующейся полным отсутствием какой бы то ни было логической связи между ее частями.

Вторая часть называется «Синтаксис и семантика» и состоит из двух глав. В первой из них обсуждается явление семантической членности идиом, оказывающееся одним из решающих факторов для ряда синтаксических трансформаций. Во второй главе рассматриваются возможности пассивной трансформации идиомы и выявляются семантико-синтаксические условия, обеспечивающие эту и другие трансформации. Собственно, идеи, обсуждаемые в этой главе, известны русскому читателю, так как этой проблеме посвящена статья [Добровольский 2007].

В третьей части «Семантика и прагматика» подробно рассматриваются два явления: узуализованная языковая игра и гендерная специфика определенных идиом. Что касается последнего явления, то оно убедительно подтверждает тезис о значимости внутренней формы для функционирования идиом. На обширном корпусном материале авторы показывают, что те идиомы, во внутренней форме которых есть указание на пол человека, в подавляющем большинстве случаев употребляются в соот-

ветствии с этой спецификой. Так, идиомы с компонентами *Bart* 'борода' или *Schlips* 'галстук' употребляются за редкими исключениями только применительно к мужчинам. Причем эти ограничения явно идут из внутренней формы. Так, идиома *sich auf den Schlips getreten fühlen* означает 'чувствовать себя обиженным'. Понятно, что обиженными могут чувствовать себя не только мужчины. Однако из-за образной составляющей 'чувствовать себя, как если бы тебе наступили на галстук' идиома имеет соответствующие ограничения на употребления, так как в сознании носителя языка ношение галстука устойчиво ассоциируется с мужчиной.

Узуализованная языковая игра с идиомами также основана на сознательном обращении к образу. Приведем для простоты русский пример: выражение *у кого-л. волосы похолодели в жилах* возникшее как результат игровой контаминации идиом *волосы встали дыбом* и *кровь похолодела в жилах*, уже более или менее вошло в узус. Игра, основанная на сознательном создании абсурдного образа, возможна лишь в случаях, когда образ жив и ощущается как часть плана содержания идиомы.

Четвертая часть посвящена сопоставительным аспектам теории фразеологии. Она состоит из двух глав. В первой обсуждаются проблемы межъязыковой эквивалентности, а во второй – факторы переводимости идиом. Важно подчеркнуть, что эквивалентность и переводимость – понятия неидентичные. Идиома может обнаруживать довольно неплохой фразеологический эквивалент в другом языке. Однако такие эквиваленты лишь в редких случаях могут быть использованы как способы перевода этой идиомы во всех без исключения контекстах. И наоборот, даже если идиома не содержит в лексической системе другого языка ни одного более или менее подходящего эквивалента-идиомы, она все равно может быть переведена в каждом конкретном тексте. Это может быть и обычное неметафорическое слово, и однословная конвенциональная метафора или даже окказиональное выражение (в том числе, дословный перевод исходной идиомы). Практически полное отсутствие абсолютных межъязыковых эквивалентов-идиом (вопреки устоявшемуся мнению и данным традиционных переводных фразеологических словарей) объясняется тем, что план содержания идиом представляет собой настолько сложное и многоплановое образование, что полное совпадение всех этих аспектов плана содержания почти невозможно. Если неплохо совпадает актуальное значение, часто обнаруживаются различия в образной составляющей – что обычно влечет за собой также и определенное различие в актуальном значении.

Так, актуальное значение русской поговорки *ехать в Тулу со своим самоваром* может быть передано как 'брать с собой некоторый предмет в некоторое место, где такие предметы имеются в изобилии'. Весьма близкое значение имеют нем. *Eulen nach Athen tragen*, букв. 'везти в Афины сову' и англ. *to carry coals to Newcastle* 'везти уголь в Ньюкасл' или *to carry water to the river*, букв. 'лить воду в реку'. Здесь имеется, однако, то различие, что если в русской идиоме речь идет про материальные предметы, а в английской – про вещественные имена, то в немецкой – скорее про ментальные сущности (идеи, знания и т. п.), ср.: *Die Einzigartigkeit von Baden-Baden im Frühjahr zu beschreiben bedeutet für alle, die schon seit Jahren hierher kommen, Eulen nach Athen zu tragen* 'Описывать прелести весеннего Баден-Бадена для тех, кто уже много лет сюда ездит, – это все равно что везти сову в Афины'. Это различие в актуальном значении, как показывают авторы, связано с различием характера мотивирующего образа: в русской идиоме фигурирует *самовар*, т. е. артефакт, и при этом он стоит в единственном числе (и сопровождается притяжательным местоимением *свой*), а в немецком и английских идиомах упоминаются имена натуральных классов, причем в немецкой идиоме *сова* осмысливается как символ богини Афины и потому интерпретируется в рамках актуального значения как компонент, указывающий на нечто нематериальное.

С другой стороны, даже при хорошем совпадении семантики могут выявляться настолько существенные различия в синтаксическом поведении, что одна идиома не может заменить другую в соответствующем контексте. Наконец, могут не совпадать и прагматические

особенности – например, идиомы двух языков могут тяготеть к употреблению в различных речевых актах, иметь различные культурные коннотации и т. п.

Книга содержит подробный предметный и именной указатель, что значительно расширяет возможности ее использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов, Добровольский 2008 – А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Баранов, Добровольский 2009а – А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Принципы семантического описания фразеологии // ВЯ. 2009. № 6.
- Баранов, Добровольский 2009б – А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.
- Добровольский 1996 – Д.О. Добровольский. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. 1996. № 1.
- Добровольский 2007 – Д.О. Добровольский. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // ВЯ. 2007. № 5.
- Dobrovol'skij, Piirainen 2005 – D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. [Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface, 13] Amsterdam, 2005.

Анна А. Зализняк

Ю.П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: ЯСК, 2007. 702 с.

Монография Ю.П. Князева «Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе» представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, в ней детально рассматривается теория грамматического значения, признаки, позволяющие отличить грамматическое значение от неграмматического и др. (этой проблематике посвящена глава 1). С другой стороны, в книге предложено описание нескольких областей грамматики русского языка: степеней сравнения, средств выражения рефлексива и реципрока, глагольных категорий вида и времени, конструкций с *-н/-т-* причастиями, причем русские данные рассматриваются не изолированно, как часто

бывает в русистике, а в общетипологической и общетеоретической перспективе.

В главе 1 анализируются общие проблемы, связанные с грамматическим значением. Автор отмечает, что граница между грамматическим и лексическим значениями разными учеными проводится по-разному: в частности, один из возможных подходов – различать «внешний» (слабограмматикализованный) и «внутренний» (полностью грамматикализованный) слои грамматики. Если внутренний слой составляют явно грамматические единицы, то внешний слой грамматики отличается от лексики тем, что включает служебные единицы.

Далее автор отмечает, что внешний слой грамматики универсален, а внутренний – нет (не во всех языках существуют морфологические грамматические категории).

Достоинством первой части книги является внимание автора к связи между семантическими свойствами значений и синтаксическими признаками – собственно, вслед за А.М. Пешковским и С.Е. Яхонтовым, Ю.П. Князев считает «синтактизацию» единицы, ее использование для выражения синтаксических связей одним из проявлений выветривания смысла грамматической единицы и ее перехода в разряд единиц словоизменяемых (так, в языках типа современного китайского, в которых отсутствует каноническое словоизменение, формы слова не могут выражать синтаксические категории – тем самым, синтаксические категории в каком-то смысле являются ядром словоизменяемых значений).

Особым образом рассматривается признак обязательности, часто считающийся ключевым свойством грамматических значений. Однако автор не ограничивается одним свойством – он различает категориальную, сильную обязательность, при которой значение обязательно выражается при употреблении данной категории слов, и семантическую, слабую, при которой данное значение обязательно выражается в определенном семантическом контексте. На наш взгляд, это различие весьма полезно – оно показывает, что обязательность – скорее градуальное свойство, что хорошо укладывается в рамки современной теории грамматикализации, в которой сама принадлежность к классу грамматических показателей – градуальное свойство, к такому выводу приходит и автор.

С другой стороны, Ю.П. Князев сопоставляет свойство обязательности с внутренней неоднородностью грамматической категории (если категория обязательна, то, по мнению В.А. Плунгяна, она семантически неоднородна, поскольку не ко всем элементам применима в строго одинаковом виде [Плунгян 2000]). Ю.П. Князев отмечает, что непосредственно из свойства обязательности не следует необходимость наличия у каждого элемента класса «всех значений» категории¹.

Затем автор иллюстрирует высказанные предположения на примере категорий лица и

¹ На наш взгляд, здесь было бы полезно еще одно противопоставление: собственно категориальная обязательность (обязательность хотя бы одного значения категории) vs. обязательность значения (обязательность всех значений), которые различаются, так сказать, кванторами общности и существования.

реальности / ирреальности. Первая категория в русском языке грамматикализована в полной мере, но некоторые ее значения (например, 2-е лицо) имеют обобщенные употребления, не противопоставленные в полной мере другим лицам. Вторая, как правило, не грамматикализуется в языках в полном смысле слова, но связана с собственно грамматическими категориями, такими как вид и время.

Наконец, в заключительной части автор рассматривает процесс деграмматикализации как вектор эволюции русского языка. Во многих работах говорится об уменьшении в современном русском роли флексии и увеличении роли аналитических образований. Достоинство анализа в данной работе состоит в том, что автор последовательно приводит и сопоставляет различные аргументы в пользу этой точки зрения: отсутствие словоизменения по лицам и числам в *л*-причастиях и предикатах *есть* и *нет*; сокращение фузии, характерной для флективных языков (устранение результатов второй палатализации); рост числа гибридных разрядных слов, например, утрата форм повелительного наклонения 1-го лица и их совпадение с формами изъявительного наклонения, совмещение в словах типа *много* характеристик различных частей речи; широкое использование в синтаксисе нулевых предикатов, эллипсиса глагола и других нулевых элементов. При этом автор, вслед за Д. Вайсом [Weiss 1993: 80], приходит к выводу, что для современного русского языка опрометчиво говорить об аналитизме, так как основным процессом в русском языке является «ослабление эксплицитно выраженных синтаксических связей» [Акимова 1998: 89–93]. Ближайшим типологическим аналогом возникающих структур предлагается считать не аналитические, а *и з о л и р у ю щ и е* языки: в отличие от аналитических языков, где грамматические значения выражаются обязательно, но часто это происходит вне словоформы, в изолирующих языках выражение граммем вообще необязательно.

Глава 2 посвящена анализу категории степени сравнения прилагательного. В самом начале автор рассматривает вопрос о том, можно ли включать в число ее значений положительную степень (в работах ряда авторов, например, А.М. Пешковского, такая возможность отрицается, поскольку считается, что положительная степень выражает абсолютное значение признака, не соотнося его с другими значениями). Автор убедительно показывает, что это не так: словосочетания типа *высокий дом*, *низенький человек* и др. нельзя интерпретировать без отсылки к другим аналогичным предметам – домам или людям. Тем самым, положительная степень часто обозначает положение предмета

на шкале именно относительно некоторых других аналогичных предметов².

Далее отдельно анализируется каждая из степеней сравнения. Автор удачно сочетает семантический анализ, разграничивая такие классы прилагательных, как параметрические прилагательные, прилагательные цвета и др., и тонкие синтаксические наблюдения. Последнее особенно важно потому, что степени сравнения прилагательных причисляются, как правило, к семантическим, а не к синтаксическим категориям, и даже очевидные синтаксические свойства не приводятся в описаниях в полном виде. В частности, автор отмечает разницу между собственно формами сравнительной степени (*меньше*) и формами с приставкой *по-* (*поменьше*): вторые, в отличие от первых, могут выступать в атрибутивной позиции: *Наш дом (по)ниже вашего; Маша живет в доме пониже / *ниже*.

Ю.П. Князев выделяет три компонента операции сравнения: сравниваемый предмет, стандарт сравнения и аспект сравнения (признак, по которому проводится сравнение). Это позволяет ему ввести различие между эксплицитным и имплицитным сравнением: в первом случае стандарт сравнения явно выражен в синтаксической конструкции, во втором в качестве стандарта выступают, по выражению автора, «обобщенные “нормы”» (с. 186), которые в тексте не выражаются³. Весьма важно, что это различие применяется и к положительной степени – впрочем, на наш взгляд, автор не совсем точен, причисляя конструкции типа *недалеко от рынка, три остановки* к эксплицитному сравнению. Здесь добавление *три остановки* не вводит стандарт сравнения, а дополнительно характеризует сам сравниваемый объект.

² Автор отмечает, что сравнительная степень может образовываться только от наречий и прилагательных, поскольку они обозначают признаки, а именно признаки могут изменяться по степеням. При этом в разговорной речи отмечены окказиональные образования сравнительной степени от существительных: *жизнее* ‘более жизненный’. Впрочем, на наш взгляд, не совсем верно причислять к таким образованиям типа *быть более роялистом* – они отмечены и в архаичных употреблениях и близки к конструкциям типа *он более актер, чем писатель*, где *более* выступает в значении ‘в большей степени’.

³ Однако автор не упоминает о различии между двумя пониманиями конструкций типа *Дай мне нож поострее* (i. ‘как можно более острый, поострее, чем норма’; ii. ‘поострее, чем нож, которым я пользовался до этого’). Возможно, данное различие также может быть релевантным.

Различаются такие классы прилагательных, как параметрические, оценочные, прилагательные цвета и прилагательные необладания признаком. В каждой из выделяемых групп имплицитное сравнение имеет особые свойства: так, параметрические прилагательные (*теплый, высокий*) в качестве нормы используют представление о том, насколько в среднем проявляется у такого рода объектов данный признак, с другой стороны, у прилагательных качества оценка качества как высокого отделяет предметы, находящиеся очень высоко на шкале, от всех остальных. Дополнительно упоминаются вспомогательные способы квантификации признака: адвербиальные показатели типа *довольно*, словообразовательные разряды прилагательных на *-еньк, -ущ* и т. д.

Среди форм сравнительной степени, как было отмечено выше, выделяются формы без префикса (*больше*) и с префиксом (*побольше*), фиксируются их синтаксические различия и аналитические формы типа *более красивый*. При этом автор считает, что конструкции типа *менее красивый* и *более красивый* должны рассматриваться как аналогичные, хотя нередко конструкция с *более* считается одной из форм сравнительной степени, а с *менее* – как полусвободное сочетание.

Существенно, что автор, наряду с синтаксическими, различает семантические типы сравнения, используя аппарат современной лексической и грамматической семантики. Так, важное различие, проводимое автором, – кореферентные конструкции сравнения, в рамках которых сравниваются состояния одного объекта в разные моменты времени (*Вася стал толще*), и некорреферентные, сопоставляющие различные предметы (*он придумал лучший способ* = ‘лучше, чем другие’). Интересно также рассмотрение референциального статуса актантов (особенно сильно различается статус объекта сравнения). Эти признаки тем более важны, что их можно применить и по отношению к другим единицам со значением сравнения – например, к сравнительным конструкциям с элементами *как* и *похож на*. Так, конструкция с *как* обычно задействует неререферентный стандарт сравнения: устойчивые выражения типа *глуп как осел* подразумевают сравнения с любым ослом.

Подробно рассматривается так же и превосходная степень. Выделяются аналитические формы (*самый простой*), префиксальные (*наименьший*) и беспрефиксные синтетические формы (*редчайший*). При этом ценны и диахронические замечания: автор отмечает, что до середины позапрошлого века формы синтетической превосходной степени свободно сочетались с показателем *самый*. В применении к превосходной степени автор также различает

коррелятивный и некоррелятивный типы сравнения.

Ю.П. Князев отмечает функциональную близость превосходной и сравнительной степеней. Превосходная степень фактически является специальным подтипом сравнительной со значением 'А входит во множество В и превосходит всех входящих в него объектов'. Однако автор говорит и о различии: если для превосходной степени *самый лучший* и т. п. объект существует обязательно, то для сравнительной степени существование объекта сравнения не обязательно (ср. пример *нет гор, красивее этих* – с. 229).

Как и в других главах, в гл. 2 большую ценность представляет часть, в которой грамматические явления сопоставляются с лексическими: автор называет прилагательные типа *крайний, последний* и т. д. лексическими суперлативами, поскольку они обозначают крайние точки на некоторой шкале. Ранее лексические аналоги грамматических конструкций сравнения в литературе не выделялись. Наконец, в заключительной части фиксируются семантические соотношения между степенями сравнения. Так, если положительная степень параметрических прилагательных типа *высокий* подразумевает близость к одному из полюсов шкалы, то сравнительная степень этого не подразумевает: *более высокий шкаф* может, тем не менее, не быть слишком высоким.

В заключительном разделе данной главы автор намечает еще более широкую перспективу дальнейших исследований. Он сопоставляет отношение между положительной и сравнительной степенью с отношением между дейксисом и анафорой: положительная степень, как и дейксис, фиксирует оценку объекта с отсылкой к пространству говорящего, сравнительная степень связана с отсылкой к другому объекту.

В главе 3 обсуждается выражение в русском языке взаимности и возвратности. При этом немаловажно, что автор строит свой анализ исходя не из конкретных способов выражения, а из взаимного и возвратного значений. Это существенно потому, что в русском языке возвратность и особенно взаимность выражаются значительным количеством средств разной природы – от собственно грамматического показателя *-ся*, относящегося, в терминах Ю.П. Князева, к «внутреннему» слою грамматики, до местоимений *друг друга, один другого*, прилагательных *взаимный* и *обоюдный*, наречий *взаимно* и *обоюдно*, которые вообще нельзя считать грамматическими показателями.

В самом начале главы намечена общая стратегия анализа: различаются «легкие» (неавтономные и сильно грамматикализованные) показатели типа *-ся* и «тяжелые» типа *себя*.

Отмечается высокая степень многозначности «легких» показателей. Стоит отметить, что автор не фиксирует внимание только на собственно возвратных дериватах типа *одеться, умыться*, а предпринимает попытку рассмотреть вместе и связать между собой различные значения возвратных показателей: пассивное (*дом строится*), декаузативное (*чашка разбилась*) и др.

Среди собственно рефлексивных дериватов выделяются «аккузативные» (такие, где возвратный показатель занимает место прямого дополнения: *одеться*) и «дательные» (такие, в которых показатель возвратности замещает не прямой объект, ср.: болг. *Купих си нови дрехи* 'Я купил себе новую одежду').

Затем автор строит классификацию значений возвратного показателя *ся*. Вслед за Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1962] он подразделяет их на объектные (употребления, в которых возвратный глагол отличается от исходного отсутствием или понижением статуса объекта) и субъектные (такие, в которых понижается в статусе или уничтожается субъект исходного глагола). К первым принадлежит, например, безобъектное употребление, ко вторым – пассивное и декаузативное. На наш взгляд, полезным было бы и другое противопоставление: можно выделить, с одной стороны, употребления *-ся*, полностью элиминирующие актанта глагола, а с другой стороны – употребления, только понижающие его статус.

Как нам кажется, весьма ценны замечания автора относительно семантических ролей актанта глагола – как участника, напрямую затронутого рефлексивизацией, так и прочих актанта. Нередко считается, что если актанта деривация или залоговое преобразование не меняет статус актанта, то и его семантическая роль остается прежней (например, подлежащее и в конструкции *Я мою руки*, и в ее рефлексивном корреляте *Я моюсь* является агенсом). Ю.П. Князев убедительно показывает, что это не так: например, в предложении *Он постригся у парикмахера* (ср. *Парикмахер его постриг*) агентивные свойства распределены между субъектом, контролирующим ситуацию, и непрямым объектом, осуществляющим физическое воздействие. В возвратных дериватах типа *пораниться* субъект утрачивает агентивное свойство волитивности, которое может присутствовать у субъекта глагола *поранить* (ср. *Ты нарочно меня поранил!* при бессмысленном **Он нарочно поранился*).

Несколько сомнительно разграничение абсолютных (*корова бодается*) и рефлексивно-посессивных взаимных конструкций (*Автор должен публиковаться*). Автор разграничивает эти конструкции по признаку

наличия (рефлексивно-посессивные) vs. отсутствия (абсолютивные) посессивного отношения между подлежащим и исходным объектом (публиковаться = 'публиковать свои работы'). Возможно, более надежным был бы другой критерий: только абсолютивные, но не рефлексивно-посессивные конструкции недопустимы в совершенном виде. Не совсем понятно также отсутствие в списке значений антипассивного значения с выраженным субъектом типа *Он запасся едой*.

Не менее ценна вторая часть главы, посвященная различным способам выражения реципрока в русском языке. Конечно, при анализе такого широкого круга явлений неизбежно, что описание может иметь обзорный характер, но важна сама по себе попытка поставить в один ряд маркеры взаимности разной природы и степени грамматикализации: глагольные префиксы (*с-*, *раз-*), циркумфиксы (*с-...-ся*, *раз-...-ся*), наречия (*взаимно*, *обоюдно*), возвратный показатель и др. Как правило, в грамматических описаниях в сферу исследования попадают только некоторые из этих средств. Автор убедительно показывает, что несмотря на все формальные различия, все эти средства действительно выражают одно и то же, взаимное значение. С теоретической точки зрения существенна попытка определить реципрокальное значение в соотношении со значением симметричной ситуации, причем Ю.П. Князев опирается здесь как на лингвистические данные, так и на аппарат логики.

Если многие исследователи при анализе употреблений *-ся* ограничиваются списочным подходом, в рассматриваемой работе делается попытка найти инвариант значения возвратного показателя. Ю.П. Князев склоняется к мнению, высказанному С. Кеммер [Kemmer 1993], согласно которому субъект конструкций типа русских возвратных не является ни прототипическим агенсом, ни прототипическим пациенсом и отличается этим как от субъекта, так и от объекта исходного переходного глагола.

Очень интересна сопоставительная часть главы: автор показывает, что внутри довольно небольшой группы славянских языков свойства возвратного показателя и его значения существенно различаются: в одних языках, прежде всего восточнославянских, главными являются пассивное и декаузативное употребления, в других же (западно- и южнославянских) – прежде всего, взаимное и возвратное.

Возможно, единственная лакуна, которую читатель обнаруживает в этой главе – отсутствие синтаксического анализа рассматриваемых единиц. В рамках порождающей грамматики большое внимание уделялось синтаксическим условиям употребления показате-

лей типа *each other* (в частности, замечено, что их антецедентом обычно является подлежащее той же клаузы, в которую они входят). Было бы небезынтересно рассмотреть с той же точки зрения показатели *один другого*, *друг друга* и в особенности менее частотные показатели *взаимно*, *обоюдо-* и др.: нельзя исключать, что между ними имеются и синтаксические, а не только семантические различия. Не рассматриваются в работе сочетания показателей взаимности типа *В день, когда Гагарин полетел в космос, люди на улице целовались друг с другом*; *Частицы взаимоуничтожаются*. Вероятно, анализ таких сочетаний – задача будущих исследований.

Четвертая глава посвящена выражению в русском языке вида и времени. Категория вида в ее соотношении с временными значениями – едва ли не самая обсуждаемая в русистике и славистике грамматическая категория.

В начале главы ставится вопрос о границах категории вида и ее определении. Собственно видовым противопоставлением, ключевым для определения значения русского вида, считается оппозиция «комплетив / инкомплетив», то есть, по определению Дж. Байби и ее соавторов [Bybee, Dahl 1989], оппозиция между ситуацией, достигшей границ / предела, и ситуацией, не дошедшей до предела, развивающейся. При этом достоинство главы заключается прежде всего во внимании автора к перспективе говорящего и ее роли в осмыслении вида: в частности, инкомплетив отождествляется с синхронной точкой отсчета, взглядом говорящего на ситуацию как бы изнутри нее, а комплетив – с ретроспективной. Затем автор вводит различие между сильной комплетивностью (достижением естественного предела, содержащегося в самой ситуации – например, ситуация *свеча горит* имеет предел *свеча догорела*) и слабой комплетивностью (достижением предела, не заложенного в природе ситуации – *свечу задули*). Славянский – и, в частности, русский – совершенный вид в большей мере выражает сильную комплетивность – исключением являются делимитативные глаголы с приставкой *по-* и близкие к ним группы, обозначающие комплетивность слабую.

Пожалуй, ключевым является то, что Ю.П. Князев не считает комплетивное и инкомплетивное значения дополнительно распределенными относительно множества форм глагола, а признает возможность сочетаний комплетивности и инкомплетивности. Так, во фразе *Кто открывал окно?* имеется как значение комплетивности (процесс открытия завершен, то есть подразумевается комплетивность), так и значение инкомплетивности (имеет место состояние 'окно открыто'). В этом смыс-

ле подход, представленный в рассматриваемой монографии, близок к тому, который для типологического изучения вида предложил С.Г. Татевосов: вид рассматривается как характеристика формы, а не глагольной лексемы, и эта характеристика может быть различной для различных форм. Однако подход Ю.П. Князева более широк в том смысле, что учитываются и характеристики форм глагола (различные употребления прошедшего времени), и характеристики словообразовательных моделей (например, делимитативов).

Центральным для второй части главы является значение настоящего времени. Автор показывает, что понятие совпадения с моментом речи, через которое почти повсеместно толкуется эта граммема, проблематично: вряд ли можно говорить о таком совпадении для постоянных или повторяющихся событий или состояний. В результате, отчасти следуя идеям Э. Кошмидера, автор останавливается на идее интрагерминальности: по его мнению, настоящее время обозначает, что ситуация имела место до момента речи и будет иметь место после него (в частности, под это определение попадают употребления со значением повторяемости типа *Люди умирают сотнями*). Это позволяет автору сблизить значение настоящего времени со значением имперфекта: обе формы подразумевают положение говорящего «внутри» ситуации, взгляд изнутри.

Третье ключевое для данной главы понятие – результат действия. Рассматриваются различные виды результата: противопоставляются естественный результат, вытекающий из семантики ситуации, и косвенный результат, отстоящий от самого развертывания ситуации дальше и не вытекающий из ее семантики напрямую. В частности, для общефактического значения несовершенного вида характерен акцент на косвенном результате. Предложение *Кто открывал окно* может употребляться, если в комнате холодно (косвенный результат открытия окна), но не в том случае, когда окно открыто (непосредственный результат). Далее автор детально анализирует особенности различных видо-временных форм предикатов речи в связи с видом и результативностью. Данная часть интересна тем, что понятие результативности конкретизируется в применении к конкретной группе предикатов. Это можно считать общим достоинством книги: автор не только вводит и анализирует общие понятия грамматики, но и показывает, что их применение к узким лексическим классам дает весьма различные результаты: тем самым монография сочетает в себе грамматический и лексический подходы.

В той же части рассматривается конструкция с частицей *было*. Эта часть особенно важ-

на, поскольку данные конструкции широко представлены в недавних лингвистических исследованиях.

Затем рассматриваются статальность и мультипликативность как характеристики глаголов. Их анализ не столь подробен, но важно отметить, что и в части, посвященной статальности, показывается неоднородность данного понятия: стативы классифицируются в зависимости от степени изменчивости состояния.

Наконец, две последние части существенны для расширения перспективы исследования. Первая из них посвящена усвоению категорий вида и времени детьми; вторая – употреблению вида и времени у Пушкина и Чехова. Последнее особенно важно в связи с проявившейся в недавних работах тенденцией рассматривать вид как дискурсивную категорию, зависимую от широкого контекста употребления и иллокутивного намерения автора. Автор показывает, что для Чехова, в частности, характерно широкое употребление в повествовании имперфективных форм. У Пушкина формы совершенного вида выражают динамичность действия, тогда как несовершенный вид скорее употребляется для обозначения одновременных друг с другом состояний или процессов.

Наконец, в последней главе анализируются русские причастия на *-н / -т*. Их отличительным свойством является то, что они могут выражать либо саму завершенную ситуацию (комплетив), либо являющееся ее результатом состояние (вторичный инкомплетив). Так, в примере *Дверь тут же была открыта* причастие имеет комплетивную интерпретацию, а в примере *Дверь была открыта, через нее были видны комнаты* – инкомплетивную. В частности, автор замечает, что в статальном прочтении причастия имеют ряд свойств, отличающих их от самих глаголов совершенного вида: например, они сочетаются с обстоятельствами длительности (*семь месяцев в году бухта бывает покрыта льдом*). Интересно замечание об ограничении на образование причастий: они обычно не образуются от делимитативов и других глаголов совершенного вида, обозначающих ситуации без внутреннего предела (*книга почитана*, с. 488).

Далее автор более подробно анализирует конструкции с данными причастиями. Весьма важно наблюдение автора, согласно которому причастия на *-н/-т* могут обозначать ситуации, относящиеся к любому этапу развития перфектных форм в описании Ю.С. Маслова (состояние, статальный перфект, акциональный перфект, неперфектный претерит). В дальнейшем Ю.П. Князев убедительно показывает, что все разновидности интерпретации

английских форм present perfect охватываются и рассматриваемыми причастиями: ср. результативный перфект (*церковь давно разрушена*), перфект недавнего прошлого (*арестован бывший мэр*), экспериенциальный перфект (*замечено, что в этих странах на зубную боль жалуются меньше*), континуативный перфект (*тема все еще разработана слабо*). В связи с этим неудивительно, что эти причастия сочетаются с самыми разными группами обстоятельств.

Среди особых употреблений перфекта можно отметить посессивный перфект (*У меня белье намочено*): автор выделяет его на том основании, что группа с предлогом *у* обязательно имеет здесь посессивное осмысление ('я намочил белье').

Переходя к синтаксическим особенностям причастий, автор рассматривает связь образования причастий с переходностью. Подчеркивается, что не все переходные глаголы образуют такого рода причастия. Чтобы построить корректное описание, автор использует подход, к которому в описании причастий прибегают отнюдь не всегда: он рассматривает их соотношение с диатезой исходного глагола аналогично тому, как делает это при рассмотрении образования возвратных глаголов. В частности, оказывается, что от переходных глаголов причастия образуются как с объектной интерпретацией (*достигнутый* – тот, которого достигают: ср. *достигнуть цели*), так и с субъектной (*выбранный* – тот, который выбрал себя, ср.: *он сегодня плохо выбран*). Кроме того, и семантическая (залоговая или деривативная) интерпретация причастий различна, ср.: рефлексивное употребление *причесанный* от *причесаться*, декаузативное *сломанный* от *сломаться*, двоякую интерпретацию причастий типа *удивленный* от *удивить* или *удивиться*, рефлексивно-каузативное употребление *записанный* (*в библиотеку*) от *записаться* и др. Тем самым, обнаруживается важная параллель между образованием возвратных глаголов и образованием причастий, хотя, казалось бы, первый процесс является словообразовательным, а второй – чисто словоизменительным.

В заключительной части главы сопоставляются свойства причастий (статальность / акциональность, (не)переходность исходного глагола) в русском и в других славянских языках (польском, болгарском, серболужицком, словацком). В частности, отмечено, что другие славянские языки в большей мере, чем русский, способны образовывать *н*-причастия от непереходных глаголов.

Можно высказать лишь одно пожелание: логическим продолжением главы мог бы служить анализ другого типа русских пассивных прича-

стий, способных, тем не менее, образовываться от непереходных глаголов (ср. *несгораемый шкаф* от *сгорать*, *зависимый* от *зависеть*).

В заключение необходимо сказать, что исследование Ю.П. Князева – во многом уникальная работа, полезная и для русиста, и для слависта, и для типолога. Это связано с несколькими ее достоинствами, которые хотелось бы подчеркнуть. Во-первых, автор сочетает подробный анализ работ середины XX в. и даже более ранних со всесторонним владением современной литературой по теории грамматикализации, синтаксису, типологии вида и залога и т. д.

Тем самым, рецензируемое исследование находится между грамматическими описаниями русского языка в целом и исследованиями отдельных аспектов грамматики. С одной стороны, в книге намечаются общие принципы описания грамматики, не замкнутые внутри отдельных разделов. С другой стороны, как в современных исследованиях типа [Næss 2007] о переходности, [Comrie 1976] о виде, [Aikhenvald 2003] об эвиденциальности и др., крайне подробно описаны отдельные узловые точки грамматики – причем не только внутри одного языка, но и с ориентацией на данные других языков. В частности, материал работы позволяет расширить понимание таких областей языка, как выражение возвратности и взаимности, которое постоянно становится темой новых работ (см., в частности, [Nedjalkov et al. (eds.) 2007]).

Во-вторых, Ю.П. Князев никогда не ограничивается рассмотрением русских примеров, а привлекает данные ряда славянских языков. Тем самым каждое явление получает более объемное осмысление: оказывается, например, что русская система употреблений *-ся* с преобладанием пассива и декаузатива отнюдь не универсальна и, более того, сравнительно редка даже в славянской группе языков. Автор справедливо отмечает в заключении, что частотные в славянских языках конструкции типа *Мне не работается* часто (и неправильно) считаются исключительной принадлежностью русского языка и русской картины мира. В целом монография является первым настолько объемным исследованием русского языка в типологической перспективе.

В-третьих, автор стремится уточнить распространенные в лингвистике теоретические концепты: определение и состав категории степени сравнения, определение грамматического значения и т. д.

Наконец, Ю.П. Князев рассматривает, наряду с собственно грамматическими, и полуграмматические и лексические показатели, а также конструкции в целом. Он не считает показате-

ли типа *взаимно* «второсортными» для лингвиста. Это позволяет ему дать читателю полную картину выражения в языке тех или иных значений, релевантных не только для грамматики, но и для лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова 1998 – Г.Н. Акимова. Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Янко-Триницкая 1962 – Н.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

- Aikhenvald 2003 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Cambridge, 2003.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. 1989. V. 13.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. Cambridge, 1976.
- Næss 2007 – Å. Næss. Prototypical transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Nedjalkov et al. (eds.) 2007 – V.P. Nedjalkov, Z. Guentchéva, E.Š. Geniušienė. Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Weiss 1993 – D. Weiss. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1993. Bd. 53; 1.

А.Б. Летуций

Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries): Introduction, transcription and bibliography / Ed. by D. Tumurtogoo; With the collaboration of G. Cecegdari. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. XIV + 722 p.

Академик Д. Тумуртоого – один из крупнейших ученых, много лет занимающихся вопросами сравнительно-исторической грамматики монгольского языка и алтаистики. Читателям хорошо известны такие его работы, как монография «Основы исторической грамматики монгольского языка: Историческая фонетика монгольского языка» [Төмөртоого 1992], «Краткий словарь лингвистических терминов (монгольско-русско-английский)» [Төмөртоого 2004] и сборник избранных статей, опубликованный под названием «Вопросы теории и истории монгольского языкознания» [Төмөртоого 2002а]. Рецензируемая работа представляет собой продолжение серии исследований Д. Тумуртоого, посвященной публикации памятников среднемонгольского и доклассического письменного-монгольского языка. Ранее в этой серии вышли монографии «Исследование монгольских памятников квадратной письменности: Введение, тексты, индекс, библиография» [Төмөртоого 2002б] и «Исследование монгольских памятников арабской письменности: Введение, сравнительный индекс, библиография» [Төмөртоого 2002в].

Работа «Монгольские памятники на уйгуро-монгольском письме (XIII–XVI вв.)» опубликована акад. Д. Тумуртоого совместно с его ученицей Г. Цэцэгдарь в 2006 г. к 800-летию юбилею основания Великого Монгольского государства, который широко отмечался в Республике Монголия. Работа представляет собой публикацию всего комплекса текстов мон-

гольских памятников XIII–XIV вв. на уйгуро-монгольском письме, которые известны науке на сегодняшний день. Сборник состоит из 722 страниц и включает в себя предисловие (с. 1–VIII), список сокращений (с. IX–XIV), введение (с. 1–9), тексты монгольских памятников доклассического периода (с. 9–282) и приложения (с. 283–722), куда входят индекс слов к опубликованным памятникам (с. 283–632), избранный указатель личных имен, племенных и географических названий (с. 633–640), некоторые примеры фразеологизмов и аллитераций (с. 641–650), библиография (с. 651–668), список памятников и их оригинальных фотокопий (с. 669–674) и избранные фотографии памятников или их отдельных фрагментов (с. 675–722). Предисловие, введение, список сокращений и приложения даются на английском языке. Тексты памятников приводятся в транскрипции на основе латинского алфавита по стандартной академической системе, но с указанием всех фонологических долгот, которые, по мнению автора, существовали в среднемонгольском и доклассическом монгольском как пережиток протомонгольского состояния. К примеру, на с. 15 можно встретить такие формы, как *jrlyiya:r*, *bayi:yu:ldaysan*, *qaya:n*, *sayu:ya:d* и пр. (в общепринятой транскрипции *-jrly-iyar*, *bayiyuldaysan*, *qayan*, *sayuyad*). Такой системы транскрипции Д. Тумуртоого придерживался и в своих предшествующих работах. Теория долгих гласных в протомонгольском языке и их рефлексов в живых монгольских языках и диа-

лектах имеет немало сторонников среди монголоведов (см., например [Porre 1959; 1962; 1967; Hattori 1970; Murayama 1970]), однако считать ее полностью доказанной преждевременно, равно как и постулировать сохранность протомонгольских долгот в языке средневековых монгольских памятников. К тому же автор, похоже, смешивает собственно транскрипцию языкового материала и фонетическую реконструкцию языка. Как бы ни относиться к теории протомонгольских долгих гласных, совершенно очевидно, что они не находят никакого отражения в текстах на уйгуро-монгольском письме, а значит, нет оснований «вчитывать» их в исследуемый материал как нечто само собой разумеющееся.

Письменные памятники того или иного народа представляют собой уникальные источники информации обо всех аспектах жизни общества, в том числе, об истории, культуре и быте. Кочевники Центральной Азии на территории нынешней Монголии создали уникальную традицию государственности и культуры в составе таких государств, как хунну (III в. до н. э. – I в. н. э.), сяньби (II–V вв. н. э.), жоужань (VI в. н. э.) и Тоба Вэй (IV–VI вв. н. э.) еще до образования Великого Монгольского государства. Письменная традиция монголов развивалась с давних времен на почве богатой духовной и устной культуры и в тесных взаимоотношениях с традициями других восточных народов. Выяснение системы развития монгольской письменности, расшифровка и транскрипция письменных памятников являются традиционными проблемами монгольской лингвистики, по каждой из которых имеется обширная литература. Несмотря на это, фундаментальные обобщающие работы в этой области встречаются довольно редко, а после 70-х гг. XX в. работы, охватывающие весь комплекс текстов средневековых монгольских письменных памятников, и вовсе перестают появляться¹. С целью восполнить данный научный пробел и был выпущен рецензируемый сборник.

Основную цель своей публикации Д. Тумуртоого формулирует в предисловии: «Первый и наиболее полный сборник письменных памятников монгольского языка был опубликован академиком Л. Лигети в начале 1970-х гг. и к настоящему времени стал библиографической редкостью. Кроме того, за последние 30 лет был открыт целый ряд новых надписей, ксилографов и рукописей. По этой

¹ Первыми и последними обобщающими публикациями среднемонгольских и доклассических монгольских текстов до выхода в свет сборников Д. Тумуртоого являлись работы Л. Лигети [Ligeti 1972a; 1972b; 1973; 1974].

причине мы публикуем новый сборник, охватывающий все известные памятники, относящиеся к XIII–XVI вв.» (с. 1).

Актуальность рецензируемой работы акад. Д. Тумуртоого определяется, во-первых, максимально полной источниковой базой памятников уйгуро-монгольской письменности XIII–XVI вв., во-вторых, тщательной транскрипцией каждого источника на базе предыдущих исследований с учетом всех имеющихся публикаций, в-третьих, последовательной диахронической и тематической классификацией монгольских письменных памятников, в-четвертых, составлением полного словарного индекса монгольских письменных памятников доклассического периода. Ни одна из перечисленных задач в столь широком объеме ранее не ставилась.

Как отмечается в предисловии, чтобы выявить богатое наследие истории и культуры монголов, прежде всего нужно тщательно изучить их язык и литературу. Хотя ранние монгольские письменные памятники до 1224 г. до сих пор не обнаружены, но именно тексты на среднемонгольском и доклассическом монгольском языке, их достаточно развитая орфографическая и грамматическая система позволяют сделать вывод, что до XIII века образованная часть монголов имела свою письменность. Мы полностью согласны с мнением автора, высказанным во введении к данному сборнику: «Среди разных систем письменности, применявшихся монголами в течение тысячи лет, орфография, основанная на согдийско-уйгурской модели, стала единственной национальной письменностью монголов и выполняла роль письменного языка на протяжении многих веков. В VIII–IX вв. н. э. уйгуры основали свой каганат и оказали сильное влияние на соседние народы – и монголы не были исключением. Уйгуры заимствовали свою систему письма у согдийцев и в свою очередь передали ее монголам, так что мы с полным основанием можем относить начало монгольской письменности примерно к VIII–IX вв. н. э. И несмотря на то, что самые ранние памятники монгольской письменности датируются XIII и XIV вв., их язык отображает некоторые архаические лингвистические особенности, возникшие на несколько веков раньше. Это подтверждается при сравнении данной письменности с текстами, написанными китайскими иероглифами, арабским и квадратным письмом, которые отражают характерные черты и специфику среднемонгольского языка. И поэтому можно сказать, что основные особенности монгольского языка IX и X вв. в определенной степени нашли свое отражение в позднейших письменных памятниках XIII и XIV вв.» (с. 2).

На наш взгляд, во введении к рецензируемому сборнику автор высказал ряд важных соображений о ключевых вопросах истории развития монгольской письменности, опираясь на собственные многолетние исследования и сообразуясь со взглядами своих предшественников.

Во-первых, автор выразил свое мнение по поводу столь дискуссионного вопроса, как диалект, на котором основывался монгольский письменный язык. Начиная с работы Б.Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], этот вопрос разрабатывался многими учеными. Как пишет Д. Тумуртоогоо, «вполне разумно предполагать, что с самого начала монгольский письменный язык основывался на каком-то доминирующем диалекте данного периода, и долгое время он обогащался в своем развитии под влиянием множества диалектов с их собственными устными традициями и таким образом утвердился в качестве действительно общего наследия всего монгольского народа в целом» (с. 2).

Во-вторых, речь идет о периодизации письменных памятников монгольского языка. Большинство исследователей предпочитало разделять историю монгольской письменности на три основных периода. Однако Д. Тумуртоогоо считает, что этих периодов было два: классический и доклассический. Под доклассическим он понимает период XIII–XVI вв., когда складывается письменный язык. В рецензируемом сборнике публикуются именно источники доклассического периода. Доклассический период представляет собой начальный этап формирования системы монгольской письменности. На этот процесс оказал сильное влияние исторический момент основания Великого Монгольского государства, в состав которого входили и уйгурские племена с готовой письменностью. Именно к доклассическому периоду относится использование монголами уйгурского письма в качестве единой письменности всей Монгольской империи.

Д. Тумуртоогоо определяет основные черты источников доклассического периода следующим образом. Он пишет: «При распространении буддизма в Монголии в XIII и XIV вв. на монгольский письменный язык был переведен огромный пласт религиозных сочинений, в том числе тексты по филологии, философии, медицине и астрологии. Данный период развития языка характеризуется особенностями растущей грамотности. Эти особенности заключаются в непоследовательности орфографических практик, ограниченности лексики, отсутствии семантической ясности или точности и неадекватной трактовке заимствований; синтаксис отражает сильное влияние структуры предложений в языках-источниках; каль-

кирование привело к образованию неестественных для монгольского языка выражений. В высшей степени искусственный вариант монгольского письменного языка значительно отличался от разговорных диалектов и был заморожен в своей архаичности, в то время как разговорный язык продолжал развиваться. Дифференциация письменных и разговорных форм языка в конце XIV в. оказывается очевидной при сравнении уйгуро-монгольского письма с материалами других письменностей, демонстрирующих особенности среднемонгольского языка» (с. 4).

Далее во введении автор дает общую характеристику основных письменных памятников доклассического периода на уйгуро-монгольском письме.

Основной раздел сборника образует публикация текстов в транскрипции. Данный раздел распадается на несколько частей. Первая часть посвящена надписям, т. е. эпиграфическим памятникам (с. 9–49). В сборник включено всего 16 надписей, которые представляют собой 8 мемориальных стел, 6 указов и 2 настенных надписи доклассического периода. Надписи сделаны в честь высокопоставленных лиц или значимых исторических событий. Некоторые из надписей обнаружены сравнительно недавно (например, настенные надписи из грота Арджай-Агуй) и отсутствуют в сборнике, опубликованном Л. Лигети [Ligeti 1972a].

Во вторую часть раздела (с. 50–149) включены тексты ксилографов, расположенные в хронологическом порядке от комментария к буддийскому сочинению «Бодхичараватара» (1312) до монгольской версии «12 деяний Будды».

В третьей части (с. 150–279) содержатся тексты разного рода рукописных памятников, к которым относятся, в частности, письма монгольских ильханов, отдельные литературные произведения, договоры, комментарии и религиозные тексты. Эти памятники монгольского языка в настоящее время хранятся в музеях и библиотеках Улан-Батора, Пекина, Токио, Киото, Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Майнца, Марбурга, Парижа, Лондона, Ватикана, Будапешта, Тегерана и Стамбула, а также во многих других местах по всему миру.

Четвертую часть (с. 280–282) составляют немногочисленные тексты пайцз и печатей. Пайцзы и печати образуют особый вид памятников монгольского языка. С их помощью дипломаты, миссионеры, торговцы или обычные путешественники получали определенные права и привилегии на всей территории Монгольской империи. Рецензируемый сборник содержит тексты 4 пайцз и 1 печать.

Публикация каждого памятника снабжена подробными библиографическими сведениями.

ми, которые дают возможность монголистам более глубоко познакомиться с изучением данного памятника в предшествующих работах.

На наш взгляд, рецензируемый сборник является фундаментальным для мировой монголистики трудом как по степени охвата материала, так и по основательности подхода к его публикации. Особо следует отметить включение в сборник тех памятников, которые были открыты в сравнительно недавнее время или просто недостаточно известны в российской и европейской науке.

Работа акад. Д. Тумуртоого не только дает возможность специалистам в полной мере ознакомиться с обширным материалом текстов доклассического письменно-монгольского языка, но и дает мощный стимул для дальнейшего развития исследований по самым разным аспектам языка и культуры монгольских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владимирцов 1929 – *Б.Я. Владимирцов*. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.

Төмөртоого 1992 – *Д. Төмөртоого*. Монгол хэлний түүхэн хэлзүйн үндэс: Монгол хэлний түүхэн авиа зүй. Улаанбаатар, 1992.

Төмөртоого 2002а – *Д. Төмөртоого*. Монгол хэлшинжлэлийн онол, түүхийн асуудалууд. Улаанбаатар, 2002.

Төмөртоого 2002б – *Д. Төмөртоого*. Монгол дөрвөлжин үсэгийн дурасгалын судалгаа: Удирдхал, эх бичиг, үгсийн хэлхээ, ном зүй. Улаанбаатар, 2002.

Төмөртоого 2002в – *Д. Төмөртоого*. Араб үсэгийн монгол дурасгалын судалгаа: Удирд-

хал, үгсийн харьцуулсан толь, ном зүй. Улаанбаатар, 2002.

Төмөртоого 2004 – *Д. Төмөртоого*. Хэлшинжлэлийн нэр томъёоны хураангуй толь (монгол-орос-англи). Улаанбаатар, 2004.

Hattori 1970 – *S. Hattori*. The length of vowels in Proto-Mongol // L. Ligeti (ed.). Mongolian studies. Amsterdam, 1970.

Ligeti 1972a – *L. Ligeti*. Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest, 1972.

Ligeti 1972b – *L. Ligeti*. Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest, 1972.

Ligeti 1973 – *L. Ligeti*. Trésor des sentences: Subhāṣitaratnanidhi de Sa-skya paṅḍita. Traduction de Sonom gara. Budapest, 1973.

Ligeti 1974 – *L. Ligeti*. Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar jokiyangyui üiles de Čhoskyi 'od-zer. Traduction de Šes-rab se^o-ge. Budapest, 1974.

Murayama 1970 – *S. Murayama*. Die Entwicklung der Theorie von den primären langen Vokalen im Mongolischen // L. Ligeti (ed.). Mongolian studies. Amsterdam, 1970.

Poppe 1959 – *N. Poppe*. On the velar stops in intervocalic position in Mongolian // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 31. 1959.

Poppe 1962 – *N. Poppe*. The primary long vowels in Mongolian // Journal de la Société finno-ougrienne. 1962. V. 63.

Poppe 1967 – *N. Poppe*. On the long vowels in Common Mongolian // Journal de la Société finno-ougrienne. 1967. V. 68.

Д. Пурэвжав

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

I Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир»

5-8 октября 2009 года в Крыму, в Ялте, проходил I Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир», организованный кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Крымским республиканским институтом последипломного педагогического образования, Отделением историко-филологических наук РАН и Ассоциацией педагогов Крыма. Конгресс является преемником Международной лингвистической конференции «Язык и мир». В 2008 году состоялась пятнадцатая конференция. В последние годы обозначилась стойкая тенденция к увеличению числа участников конференции (в 2008 году было подано свыше 350 заявок и приехало более 200 человек). При этом изменился не только количественный состав участников, значительно расширился и круг проблем, которые обсуждались на заседаниях: если раньше основным направлением работы конференции было преимущественно функциональное описание языка и его единиц, то теперь в докладах участников рассматриваются вопросы взаимодействия языка и мира во всем многообразии их форм. В связи с этим организаторы конференции «Язык и мир» пришли к выводу, что появилась объективная необходимость изменить формат проводимого научного мероприятия.

В работе конгресса приняли участие лингвисты из Украины, России, Белоруссии, Грузии, Латвии, Польши. На заседаниях было заслушано и обсуждено около двухсот докладов по следующим основным направлениям: 1) методологические и гносеологические проблемы современной лингвистики; 2) функциональное и когнитивное исследование языковой семантики и грамматики; 3) текст и дискурс как объекты гуманитарных исследований; 4) взаимодействие языков в современном мире; 5) ме-

тодические аспекты преподавания лингвистических дисциплин.

На пленарном заседании выступили А.Н. Рудяков, В.А. Виноградов, В.В. Жайворонок, А.К. Мойсиенко, М.М. Полюжин, В.Ю. Михальченко, О.В. Лещак, Т.П. Соколова, С.А. Жаботинская, О.Г. Ровнова, Ю.В. Дорофеев, в докладах которых были рассмотрены основные вопросы, связанные с проблематикой конгресса.

А.Н. Рудяков (Украина) в докладе «Георусистика и национальные варианты русского языка» обосновал необходимость нового видения объекта современной русистики. Автор изложил новое понимание тех задач, которые стоят перед современной русистикой и, в частности, обратил внимание слушателей на проблему широкого распространения вариантных форм русского языка, которые необходимо изучать и описывать точно так же, как и национальные варианты других языков.

Доклад В.А. Виноградова (Москва) «Лингвистические измерения культуры» был посвящен выявлению особенностей изучения языка в лингвокультурологическом аспекте. Была отмечена необходимость четкого отграничения термина «концепт» от всех смежных понятий и недопустимость смешения этого феномена с другими, внешне подобными ему.

В.В. Жайворонок (Украина) выступил с докладом «Язык и этномир». В нем рассматривались проблемы описания картины мира сквозь призму национального восприятия объективной действительности. Автор выявил ряд корреляций между языком и национальной культурой, подтвердив их значимость рядом примеров.

В своем докладе «Язык как мир миров» А.К. Мойсиенко (Украина) представил современное понимание проблемы соответствия объективного мира и его отражения в языке. Отдельно был выделен мир текстов, которые

выступают как способы презентации мировидения субъектов речи.

М.М. Полюжин (Украина) выступил с докладом «Наивная и фразеологическая картина мира», в котором сопоставил фразеологическую подсистему языка с представлениями, характерными для бытового восприятия окружающего мира. С этой позиции фразеологическая картина мира является системой знаков, отражающей итоги когнитивно-оценочной деятельности человека.

Доклад В.Ю. Михальченко (Москва) «Проблема адекватности языковой политики и языковой ситуации в многонациональных странах» был посвящен актуальной проблеме современной социолингвистики: выработке принципов языковой политики. Автор проанализировала опыт различных стран и выявила наиболее перспективные направления в решении языковых вопросов.

В докладе О.В. Лешака (Польша) «Лингвистика в плену метафизической мифологии: еще раз об онтологической сущности объекта языкознания» подробно рассматривались методологические проблемы современной лингвистики. Особое внимание уделялось тому, как понимают свой объект исследования современные языковеды.

Т.П. Соколова (Москва) выступила с докладом «Проблемы искусственной номинации (на материале урбанонимов Москвы)», в котором обратила внимание слушателей на историю переименования улиц и районов Москвы. Была убедительно продемонстрирована экстралингвистическая обусловленность отмеченных процессов.

Проблемам, связанным с развитием когнитивной лингвистики на Украине, был посвящен доклад С.А. Жаботинской (Украина) «Концепт / домен: матричная и сетевая модели». Автор представила попытку включить достижения зарубежных лингвистов в исследовательский контекст украинской науки.

Большой интерес вызвал исследовательский материал, представленный в докладе О.Г. Ровновой (Москва) «Коммуникативные стратегии в речи староверов Южной Америки». Данная тема органично связала почти все проблемы, поднятые в других докладах: соотношение языка и культуры, развитие вариантных форм русского языка, возникновение своеобразных языковых ситуаций.

Ю.В. Дорофеев (Украина) в своем докладе «Вариативность языка как условие его развития» продолжил разработку проблемы, отмеченной в выступлении А.Н. Рудякова, и, опираясь на опыт других исследователей, продемонстрировал необходимость внимательно-

го отношения ко всем, даже самым маргинальным, проявлениям языка.

На конференции работали пять секций, некоторые из них были разделены на подсекции в связи с большим количеством участников.

На первой секции «Методологические и гносеологические проблемы современной лингвистики» обсуждался чрезвычайно широкий круг вопросов, среди которых в первую очередь необходимо отметить знаковый характер языка и особенности его функционирования в гносеологическом аспекте с функционированием языка. Отдельно рассматривался также ряд проблем, связанных с развитием категориального аппарата лингвистики.

Работа второй секции «Функциональное и когнитивное исследование языковой семантики и грамматики» была чрезвычайно насыщенной благодаря большому количеству участников и разнообразию подходов к языковому материалу.

Стоит отметить многочисленные доклады, посвященные особенностям функционирования лексико-семантических единиц в текстах различных жанров. Большой интерес вызвали также выступления, в которых затрагивались принципы классификации лексических единиц и формы их представления в словарях.

Лексико-семантические особенности коммуникации в целом рассматривались в докладах Н.В. Васильевой (Москва) «Ономастическая составляющая фатической коммуникации», М.И. Крулькевича, И.А. Курдюмовой (Украина) «К проблеме репрезентации “мягких знаний” в научной коммуникации», И.В. Диманте (Латвия) «Красивое и уродливое рядом...» и др. Особо хочется отметить, что единство тематики докладов ученых из разных городов и стран свидетельствует о том, что научное сотрудничество продолжает развиваться, несмотря на все экономические и политические преграды.

Традиционно широко были представлены доклады, посвященные исследованиям различного рода концептов и их реализаций в языке, а также вопросам, связанным с возникновением и функционированием лексических единиц в языке.

Интересы ученых, избравших предметом своего исследования грамматику, в этом году сконцентрировались на проблемах современного словообразования и актуальных вопросах морфологии, связанных с переосмыслением некоторых грамматических категорий в функциональном аспекте. Были представлены также различные точки зрения на описание синтаксических явлений на современном этапе.

Исследование текста и дискурса было предметом обсуждения на третьей секции. Доклады,

представленные на этой секции, отличались тем, что в качестве эмпирического материала ученые обратились к чрезвычайно разнообразным по своей структуре и жанровым особенностям текстам. Наибольший интерес вызвали доклады С.И. Потапенко (Украина) «Загадочный Обама: когнитивно-риторический анализ выступлений американского президента», Е.В. Гончаренко (Украина) «Метафора как средство изображения повседневности в романах Д. Коупленда “Поколение X” и “Элеанор Ригби”», Е.С. Солодовой (Украина) «Типы изложения в тексте сказок Дж.К. Роулинг», а также доклады, имеющие прикладную направленность.

Взаимодействие языков в современном мире, образование вариантных форм языков были предметом обсуждения на четвертой секции. Доклады, представленные на этой секции, вызвали наибольшую полемику, поскольку ряд вопросов, поднятых в выступлениях, обозначился в лингвистике только в последние годы.

Отдельно следует отметить дискуссию, связанную с процессом развития вариантных форм русского и украинского языков. Тон этой дискуссии был задан, с одной стороны, еще на пленарном заседании, а с другой, в ряде докладов: Т.В. Туковой (Украина) «Маргинальная область исследования русско-украинских языковых контактов», С. Дель Гаудио (Украина) «Новые тенденции в стандартном

украинском языке: лексическая дивергенция из русского языка и конвергенция к западнославянским языкам», В.И. Мозгового (Украина) «Социальная динамика формирования норм при функционировании межъязыковых вариантов проприальной лексики» и др.

Традиционно рассматривалась и проблема языковых контактов, особенности заимствований и перевода.

Пятая секция объединила доклады, связанные с методическими аспектами изучения лингвистических дисциплин. Специфика секции заключалась в том, что все доклады имели сугубо прикладную направленность, и по этой причине исследователи очень активно обсуждали возможности интенсификации обучения языковым нормам и речевым навыкам как школьников, так и студентов, в том числе и иностранных. Наибольший интерес вызвали доклады И.В. Воробьевой (Москва) «Проблемы минимизации учебного материала при обучении научной речи студентов технических специальностей», Л.И. Головиной (Елец) и Ж.А. Закупры (Украина) «Методические аспекты коммуникативной направленности при обучении русскому языку студентов-иностранцев (на материале рассказа А.П. Чехова “Хамелеон”)».

А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев